

МО
ССА
ЛИ
Т

МО
ССА
ЛИ
Т

BAZAR

№ 4 (14) 2014

МОССАЛИТу 5 ЛЕТ!

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора И обязательно будем счастливы!

Кто не любил в детстве кататься с горки! Никаких пластмассовых ледянок раньше не было и в помине. Мы катались на кусках картона или фанеры. Вот это были ледянки! Самые настоящие, промёрзшие и снизу покрытые тонким слоем льда. Скользили не хуже, чем современная «пластмасска». Да и удовольствия было не меньше. Кататься ходили в сквер недалеко от дома. Сквер носил имя Павлика

Морзова, и у входа стоял памятник маленькому мальчику, который предал своего отца. Впрочем, тогда он считался героем. Но Павлик здесь ни при чем. Он просто стоял и молча завидовал, глядя на нас. А мы бегом взбирались на горку, вставали в маленькую очередь, где все толкались, лезли вперед, так и норовя обогнать товарища, чтобы побыстрее плюхнуться на картонку или фанерку, оттолкнуться...

И вот ты уже несешься, только ветер свистит в ушах, потому что шапка давно сползла на затылок, да снег в лицо летит. Мгновение - и ты уже внизу. Хватаешь картонку - и бегом наверх. И так без конца, пока усталость не свалит с ног. Домой бредешь еле волоча ноги, уставший, но счастливый. Дома мама давно приготовила обед, и запах горячего супа приятно щекочет ноздри. Мама вздыхает и охает, потому что сапоги забиты снегом, шапка вся в снегу, пальтишко тоже в снегу, снег даже за шиворотом и в штанах - как он туда попал, понять невозможно, а одна варежка потерялась, хоть и была пришита к резинке. А потом ты жадно ешь суп. Самый обычный, без изысков; мне очень нравился с фрикадельками из манной крупы. Вкусно невозможно! Ложка так и летает, то торопливо погружаясь в прозрачный бульон, то спешно запихивая в рот кремовые шарики. За окошком сияет солнце, разбрызгивая на снегу искры света, розовые соцветия герани мирно покоятся на подоконнике, а на столе уже стоит чашка чая и конфеты в хрустальной вазочке в форме ладьи. Мама негромко гремит кастрюльками где-то на кухне, а в комнате висит непривычная тишина, и вот уже хочется спать, дрема как-то сама собой обволакивает сознание, глаза закрываются, ноги и руки словно ватные. Ты добредаешь до кровати, падаешь и тут же засыпаешь, сморенный усталостью и невероятно счастливый...

Просыпаешься и вдруг понимаешь, что детство давно кончилось и кататься на горке больше не интересно, а досуг превращается в посиделки в кафе с друзьями, где подают крем-суп с крутонами и капучино с витиевато нарисованным сердечком из корицы на молочнопенной поверхности. Пьешь французское вино из тонкого бокала, болтаешь о чепухе и даже чувствуешь себя счастливым. Только это какое-то другое счастье. То было сродни эйфории, а это спокойное, ожидаемое. И усталость не та. И радость совсем другая. Уже не испытываешь восторга, когда от легкого сквозняка начинает дрожать и переливаться на елке мишура, сто раз подумаешь, прежде чем выползти на улицу на прогулку, предпочитая устроиться с книжкой в кресле; уже не хочется сбивать сосульки, гроздьями свисающие с крыш, играть в снежки, лепить снежную бабу, а попавший за воротник снег вызывает только раздражение. Больше нет желания делать открытия, постигать неведомые планеты, ставить заоблачные цели и верить, что все еще впереди...

А все потому, что мы стали взрослыми. И умными, как нам кажется. Осторожными. Предусмотрительными. Научились все планировать, думать наперед, не тратить время на пустяковые затеи и ненужные хлопоты. Мы разучились быть счастливыми. А ведь как просто все вернуть! Всего-то нужно взять кусок картонки (упаси боже, не пластмассовую ледянку!),

отправиться на горку и, не боясь ревматизма и синяков, несмотря на несгибающиеся колени, скатиться с горки. А потом еще и еще, пока снег не забьется за воротник, брюки не промокнут насквозь, а смех станет невозможно остановить. Кататься можно сидя, лежа на спине, можно, перевернувшись на живот, с громким улюлюканьем пронестись мимо катящегося рядом мальчишки и его удивленной мамы. И ничего, что на вас будут смотреть с изумлением, пожимать плечами и даже хихикать. Зато вы вернете счастье, то самое, настоящее, что почему-то отстало от все быстрее мчащейся жизни. А может быть, даже на миг станете маленькой девчонкой или озорным мальчишкой, какими были когда-то в детстве, когда и деревья были выше, и горки длиннее, снег белее, зимы морознее, а солнце ярче...

Дорогие друзья, «Московский BAZAR» поздравляет вас с наступающим 2015 годом! Пусть это будет год удач и невероятных открытий, сказочных приключений и радостных событий. Оставим плохие мысли и напрасные тревоги в 2014 и шагнем в новый год уверенно и спокойно. И обязательно будем счастливы!

Ваша Светлана Сударикова

Федот Сычков. С гор. 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

БЕЛА ИОРДАН (Германия)

- *НАКАЗ БОГОРОДИЦЫ*
- *ПЕСЕНКА-ЛЕСЕНКА*

НАРГИЗА ФУЗАЙЛОВА (Ташкент, Узбекистан)

- *НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ*
- *ПАШКИН АНГЕЛ*
- *БУСЕЛЬ*

ЮРИЙ БЕРГ (Германия)

- *КОСТЯ ДУРАК, или НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ*
- *Я ЛЮБЛЮ РОССИЮ*
- *ПИСЬМО МОЕМУ ДРУГУ*

ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *А ТОГДА ЕЩЕ ЦВЕЛ БЕЗВРЕМЕННИК...*
- *ПОЛУСТАНOK 34-й КИЛОМЕТР*

6
9

12
13
19

23
30
30

34
44

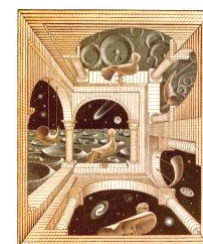
ПОЭЗИЯ

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

СЕРГЕЙ АНТИПОВ (Москва)

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

ИГОРЬ БЕЛЯКОВ (МОССАЛИТ, Москва)

49
51
56
58

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва). Стихи для детей

ЛЮДМИЛА РАДУН (Королев). Стихи для детей

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев). Стихи и проза для детей

63
68
72

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА АКЧУРИНА (Москва). Воспоминания

- *«БЫЛО БЫ СЕРДЦЕ СОГРЕТО ЖАРОМ ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ!»*

ЛЮДМИЛА ТЮСТИНА (Москва). Об утраченном архитектурном наследии Москвы

- *«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!»*

76
87
80
90

СМЕХОТЕКА

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)

- ПЕРЕПИСКА (жизнь в SMS'ках)
- ЖИЗНЬ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРЕДПЕНСИОННЫЕ ПРИБАУТКИ. Шуточные стихи

86

87

89

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

АЛЕКСАНДР ГАСПАРЯН (Ессентуки)

- ЗОЛОЧЕННЫЕ ОРЕХИ
- ГОЗИНАХИ
- НОВЫЙ ГОД

ВИКТОР ГУТОВ (Санкт-Петербург)

- КАКОГО СЧАСТЬЯ

91121

93

94

97

ФОТОГАЛЕРЕЯ

- НОВОГОДНИЕ ФОТО ИЗ ДЕТСТВА

99

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- ПОКОРНАЯ ОВЕЧКА ИЛИ КОЗЁЛ ОТПУЩЕНИЯ?

103

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ

105

Новогодний гороскоп от Анны Народицкой

- ГОД КОЗЫ-ОВЦЫ

109

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, К. Ф. Юона, Ф. В. Сычкова,
В. Кирдий (акварели),
рисунки А. Народицкой,
фотографии из личных авторских архивов.

На обложке репродукция картины
К. Ф. Юона «Вид Троицкой Лавры», холст, масло, 1916 г.

ПРОЗА

Бэла ИОРДАН

(Розенхайм, Бавария)

НАКАЗ БОГОРОДИЦЫ

Каждый день – и в дождь, и в вёдро, в жару и снегопад – ровно в 11 часов дня в Олимпийском центре Мюнхена раздаётся колокольный звон. Не густо-басовитый и торжественный, присущий соборам и многовековым кирхам города, а тонкий, медный, вроде игрушечный. По звуку определяешь: церковка, видать, небольшая. Но вот, однако же, прислушивается к её гласу всё окрест.

Если от остановки метро идти через холмы, поля и ручьи зеленой зоны Олимпийского, то к церкви как раз и выйдешь. И вправду крохотной, вовсе незаметной за деревьями вроде бы крестьянской небольшой усадьбы. Белёная избёнка с тремя незатейливыми куполами-луковками – во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Белая голубица среди зелени сада из яблонь, груш, сливы да малины

Угомонится колокол – и выйдет из дверей старец. Тоже белый как лунь. Земной и в то же время библейский. Лицо живое, открытое. Прищур выцветших глаз за очками, а взгляд – цепкий. Шустрый такой, не дряхлый старичок. Батюшка Тимофей – фетерхен (Väterchen), так немцы зовут, хотя никто его официально в духовный сан не рукоположил. Но Богородица так решила – значит, так тому и быть. Она, считай, не единожды его наставляла: куда идти, где жить, что богоугодного делать. И вот – вывела на правильный путь и лета даровала многие. Сто с лишком уж минуло, как родился. Можете по паспорту проверить...

Может, и есть здесь какая выдумка, но сама и по телевизору видела, и в газетах читала, как деду Тимофею 100-летие справляли. Сам обербургомистр Мюнхена ему подарок вручал, поздравлял с вековым юбилеем. А газеты назвали деда «особой достопримечательностью баварской столицы». Тогда в церковь много людей приходило-приезжало – поздравить «батюшку».

А если разобраться – кто же он на самом деле такой, Тимофей Прохоров? Ну прежде всего, христианин, а как же. Донской казак, сын кулацкий и сам кулак по происхождению и духу. Так советская власть назвала, да не так это понимать надо. Были они крепкая хозяйственная семья. Детей много – три сестры да семеро братьев, и он в том числе. Десять детей – десять работников. Девки больше по дому крутились да со скотиной управлялись. Мужики – в поле да всю мужскую работу справляли. Землица была, подворье немалое, изба просторная, одёжка справная. Вот уже и кулаки, и кровопийцы. А раз так – наказать! За труд, за пот, за то, что подымались до зари, что жить хотели по-людски, не побирушничать с такой-то оравой детей и внуков. А тут за здорово живешь отдай все это незнамо кому. Пусти по ветру.

Встали братья на белую сторону баррикад, к контре примкнули. Что ж, каждый своим умом живет, свою правду ищет и, значит, путь выбирает. Да и не о том рассказ. О другом...

Отбушевала революция. Отпылали пожары гражданской. И потекла заново жизнь. Да уж

совсем другая. Про Бога единого забыли, другим богам молиться стали. Очнуться-оглянуться не успели – вновь война грянула. Теперь уже с немцем. Тимофея Прохорова на фронт не взяли. Говорит, по возрасту. Остался дома, уже в городе Шахты, где с женой да двумя детишками проживал. В тылу тоже мужские руки нужны были. Всякие работы исполнял, уголь людям на телеге, запряженной парой лошадей, развозил. А когда немец после Сталинграда отступить начал да назад, в Германию, бежать, пошли через их город разбитые воинские части. Тут-то и заметили немчики на дворе у Прохорова двух лошадей и подводу. Спрашивать не стали – забрали и всё. Скарб свой да раненых-контуженых везти. А лошадей Тимофеем берег и холил: пропадут – не отчитаешься. Бросился вдогонку, а немцы и рады: приказали возниким быть. Думал, до соседнего города, а не вышло по-другому – до самого Ростова вёз. Только здесь его отпустили. Обрадовался: домой вернуться можно. Да только как? Его же теперь в пособничестве врагу обвинят. Что делать? Как быть? Голова кругом, думы набекрень.

Тут-то Тимофею первый раз Богородица явилась. В огненном столпе от земли до неба, по его словам. И наказ дала: мол, возвращаться тебе никак нельзя, поезжай на запад и построй там от имени моего церковь Примириения Востока и Запада. Для мира и дружбы.

Прохоров вусмерть перепугался. На колени упал: «Матерь Божия, Царица Небесная! Да куда ж я пойду? У меня дети малые и жена на сносях».

«Не переживай. Я о них позабочусь, – ласково так говорит Пречистая. – А сын твой уже родился. Владимиром нарекли. Для тебя же путь лежит только на запад!»

Перечить Богородице, ослушаться её – такое истинному христианину и в голову не придет. Как возможно! И побрел Тимофей с лошадьми и повозкой по израненной и обгоревшей земле разными окольными дорогами в сторону границы.

До самой Австрии добрёл, аж до Вены. Солдаты, австрияки, которых дорогой подвозил, здесь его на произвол судьбы отпустили. Теперь куда? Ни справки, ни других каких документов – ничего нет. Назад? Невозможно. Пристрелят и слушать не станут. Здесь оставаться? Тоже плохо. Ни лица знакомого, ни души родной, а язык-то вообще чужой, два-три слова только и знал: выучил, пока месяцы обозом ехал. А тут новая беда – лошади вместе с телегой исчезли! Отлучился по нужде, вернулся – пусто. То ли кто украл, то ли на время взял. Поди разберись. Народу беглого – тыщи. Покрутился Тимофей, погоревал, а делать нечего. Крыша-то над головой нужна да и кормиться чем-то надо. Стал то там, то сям в работники да батраки наниматься. Натерпелся, одним словом. И всё сокрушался, что не представляет, как наказ Богородицы выполнить. Как церковь построить? Из чего? Я же кругом один! Молился усердно, просил знак какой подать.

И вновь ему во сне Богородица явилась, Дева Мария по-здешнему. Ясно так, будто наяву. Успокаивала: «Не один будешь строить. Я тебе помощницу дам».

И вправду, через какое-то время встретила Тимофею русская женщина, силой сюда на работы угнанная. Зовут Наташа, тоже одна в чужом краю. Познакомились, попросилась под его защиту, поверила, что не обидит. Тимофей сразу догадался: это Пречистая помощницу послала. Так и стали жить вместе...

Вот живут на Земле два человека, а вроде и нет их. Уж сколько лет минуло, как Прохоров в этой самой Австрии на птичьих правах обитает. Документов – никаких. Куда ни пойдет – всё без толку. Что делать? И тут снова сон вещий приснился. Наблюдала, видать, за ним Богородица. «В Мюнхен иди, в Германию, там найдешь свои документы», – говорит она Прохорову.

И опять крепко поверил в сон Тимофей. Но легко сказать – в Мюнхен. Он во-он где, за горами. Километров-то сколько! И граница опять же. А всё же как Богородице не поверить? Вот собрали они с Наташей какие-никакие вещички, сбережения свои небольшие надежно в одежу

зашили – и двинулись в путь-дорогу. Наташа-то в чудные сны Прохорова свято поверила...

Как до Баварии шли-добирались – долгая история. А только на границе арестовали их как нарушителей. Стали документы требовать, а бумаг-то в помине нет! И сопровождали в тюрьму, причём по отдельности друг от друга. Разлучили.

Через несколько дней стали по разным кабинетам вызывать. Прохоров объясняет, как умеет, сон рассказывает, а немецкие чиновники головами качают да смеются. Но паспорт все-таки выдали! Правда, без гражданства. И его с Наташей отпустили.

А жить где? В поисках приюта добрались до тогдашнего мюнхенского пригорода – Обервизенфельда. Здесь раньше аэродром был. Сюда же из разбомбленного города обломки разные свозили – битые кирпичи, блоки какие-то, обгоревшие деревянные части. Забредли сюда Тимофей с Наташей, и смекнул он сразу, что из всего этого богатства можно себе хатёнку построить. Пока тепло, надо за дело приниматься. Кто их на свалке тронет?

Прохоров – мужичок крестьянской закваски, многое руками умеет. Кирпичик за кирпичиком, досочка за досочкой – сложили с Наташей себе неказистое жилище. Кое-что и докупить пришлось. Но крыша над головой уже была. Полицейские приезжали, ругали за самовол, запрещали – пока на словах, – но не трогали. А потом и вообще отвязались, оставили в покое. Задурил их совсем мужик своими снами. Хотя кто его знает?.. Может, его и правда Дева Мария выбрала и охраняет...

А Прохоров про церковь не забыл. Тут как раз опять сон увидел, третий уже. И утвердился духом – буду строить! Материал – вот он, под рукой.

С утра до вечера копошились они с Наташей: стены клали, плоскую крышу настилали, а потом за купола принялись. Твёрдо знал Тимофей, что сам, своими руками должен церковь построить. Богоматерь так и велела: ты должен построить церковь Примирения...

Украсили церковку, чем могли: библейскими картинками, бумажными цветами, дешевыми иконками и домашними половичками на деревенский лад – Наташа связала. А колокола еще не было. Его позже приобрели. Вокруг построек фруктовые деревья посадили, цветы, ягоды. И зажили. На что жили? А людям окрест по хозяйству помогали, они платили... Теперь вот пенсию получает. Тоже люди добрые помогли. Ульица с пчелками развел. А главный бургомистр-то мюнхенский – пацаненком к ним в сад за яблоками лазил. Теперь вот каждый год на день рождения приезжает, поздравляет.

Вот так тихо-мирно и жили. А через годы приключилось неожиданное. Олимпийские игры в Мюнхене назначили. Строить для них много чего надо было. И как раз выбрали для комплекса аэродром, старое лётное поле. Место широкое, ровное. За шесть лет до Олимпиады всё тут рыть начали. Столько разных машин пригнали – земля дрожала. И по проекту ипподром в комплексе должен быть. Как раз на том месте, где церковь Примирения и прохоровский домишко стоят. Деду Тимофею так и сказали, мол, переселим вас, а строения снести надо. Прохоров – ни в какую: «Мне сама Дева Мария велела. Вы что же, Божью Матерь не признаете?» Это в католической-то Баварии! Где Богоматерь выше всех почитается. На всю Германию вмиг стал известным, и люди на два лагеря разделились. Одни кричали: проходимец, сумасшедший, другие: не трогайте божьего человека! Журналисты понабежали, чиновники всякие. Газеты печатают. Большой шум стоял. И неизвестно, чем бы дело кончилось, но нашелся разумный человек «сверху» – главный инженер. Он всем строительством руководил. Вот он и другие начальники самолично пришли к деду Тимофею. Долго про его чудные сны слушали, а потом этот главный карту строительства развернул и стал думать. И вдруг говорит: «Пусть остается церковь. Нам места хватит». Честный, видать, человек, верующий. Ну да на Судном дне всяк за себя ответит. А газеты писали: «Давид победил Голиафа!» Смех да и только...

А в дни Олимпийских игр столько народу в церковь Прими́рения повалило! Каждый день полно посетителей. Смотрели, спрашивали, охали-ахали. Наташа цветы им продавала, клубнику из своего сада. Хорошо так было. Людно. Потом туристы зачастили, и россияне среди них. Церковь Прими́рения местная власть «Музеем Востока и Запада» объявила. Вон и табличка висит...

И русское духовенство в церковку приезжало, и послы русские, и писатели, и всякие важные люди. Каждый считал своим долгом обязательно посетить эту тихую обитель. Школьников приводили целыми классами. Гости подарки разные дарили, церковные хоругви, иконы настоящие. Что православные, что католики. Вот и стала приниматься церковка по-настоящему восточно-западной. Видите, какой нарядной стала!..

А Наташи уже нет... Умерла она... Давно... и рано.

Эпилог

После моей встречи с дедушкой прошли многие годы. Время летело, но знай себе пел-заливался по утрам маленький колокол. Но вот в июле 2004-го зазвонил он однажды траурно, печально, будто плакал. Не стало фетерхен Тимофея. На 110-м году жизни ушёл библиейский старец в мир иной...

...Колоколец церковки и поныне звонит. Ежедневно! И сама церковка, и часовенка, и дедушкин дом с крохотной усадёбкой стали сегодня особым музеем в баварской столице и значатся во всех туристических путеводителях, справочниках, картах.

Так кто же он был, Тимофей Прохоров? Благостный человек или себе на уме, хитрован? Дознаться до истины теперь уже не дано. Да и так ли уж важна в этой почти сказочной истории жизни истина?

ПЕСЕНКА-ЛЕСЕНКА

Тетечка была особой романтической. Она обожала бантики, рюшки, шляпки, кулончики, цветочки. А еще она обожала Эдичку, который, по ее словам, напоминал мышонка из мультика про кота Леопольда.

– Это будущий талант! – уверяла тетечка. – Вы только посмотрите, какая форма руки у этого ребенка! А какие длинные пальцы! Ему на роду написано быть блестящим музыкантом! – и она заставляла каждого с должным вниманием разглядывать Эдичкину ладошку с растопыренными пальцами.

– Не губите дитя! Купите ему инструмент! – всякий раз наставляла тетечка Эдичкиных родителей и с металлом в голосе заверяла: – Если этого не сделаете вы, то сделаю я!

Чтобы не травмировать тетечкину нервную систему, родители кивали, охотно соглашались, но покупка, однако, откладывалась на неопределенный срок...

Наконец тетечкино терпение лопнуло, и она выполнила свое то ли обещание, то ли угрозу. В день Эдичкиного трехлетия в комнату, где за празднично накрытым столом сидели гости, тетечка торжественно внесла объемистую коробку. С загадочным и в то же время значительным выражением лица она неспешно распаковала подарок, и любопытным взорам присутствующих предстал поблескивающий лаком инструмент – пианино! Правда, игрушечное, всего в две октавы, но очень похожее на настоящее.

Гости заохали, заохали, кто-то даже захлопал в ладоши, а тетечка взирала на всех с чувством полного превосходства и честно исполненного долга.

Не откладывая дела в долгий ящик, она тут же решила заняться с Эдичкой музицированием и потребовала выключить магнитофон...

Звуки, вылетающие из инструмента, были плоскими, как блины. Но Эдичке новая игрушка понравилась, и он усердно принялся тыкать пальчиком в клавиатуру.

– Вот что значит родиться одаренным! Музыка у него в крови! – заключила тетечка, обводя всех победным взглядом, и погладила своего любимца по светлым куделькам: – А сейчас, Эдичка, я покажу тебе, как надо играть одну песенку... Смотри: до-ре-ми-фа-соль-ля-си.

Тетечка добросовестно простукала все семь клавиш, а чтобы ребенок тверже запомнил первый урок, повторила его раз десять.

Дальше застолье продолжалось уже под Эдичкин аккомпанемент. Когда уставали детские пальчики, за дело принимался кулачок, и невольных слушателей потрясали аккорды такой мощи и гармонии, что все не без основания опасались за свой слух.

Разошлись гости довольно рано и дружно. Но тетечка дала этому свое объяснение:

– Как хорошо, когда люди понимают, что делу время, а потехе час!

...Спать будущего великого музыканта уложили вместе с инструментом, что очень умилило тетечку. Правда, из ее урока ребенок запомнил только то, что новую игрушку зовут «песенка»...

С этого дня невообразимые импровизации, аккорды и пассажи заполнили пространство квартиры и растянулись во времени. День начинался и заканчивался вариациями на свободную тему. Телевизор замолк навсегда. Магнитофон – тоже. Едва проснувшись, Эдичка требовал подать ему «песенку». Отказать юному таланту не было никакой возможности, тем более что тетечка каждый вечер приходила оценить успехи будущего Моцарта.

Название и последовательность семи нот малыш усвоил неожиданно быстро, что заметно окрылило тетечкину уверенность в его блестящих способностях.

– Вот увидите, он принесет вам известность и славу, а ради этого стоит потерпеть! – увещевала она родителей.

Выпив чашечку кофе и поцеловав своего «мышонка», тетечка уходила. Концерты продолжались.

Первым не выдержал папа:

– Это просто Голгофа! Я скоро сойду с ума! Я ни на чем не могу сосредоточиться! – в отчаянии выкрикивал он и затыкал пальцами уши.

Мама пыталась сохранять спокойствие, но безнадежно пересаливала жаркое и поминутно массировала пальцами виски.

В доме пахло подгоревшим ужином и ссорой.

Наконец доведенный до точки папа насильственно объявлял антракт и запихивал инструмент куда-нибудь с глаз долой. И тогда начиналось второе отделение концерта. Эдичка истошно вопил, брыкался, заливался слезами и требовал вернуть незаконно конфискованную «песенку». Твердо уверенный, что физическое наказание подавляет и унижает личность, папа выбегал из дому, громко хлопнув дверью. Мама с глубоким вздохом брала на себя нелегкую роль арбитра...

Время шло. Концерты – тоже. Семейная лодка дала трещину. И только тетечка сохраняла присутствие духа.

– Я твердо верю, что все окупится, – утверждала она и неизменно добавляла: – Талантами не рождаются, талантами становятся!

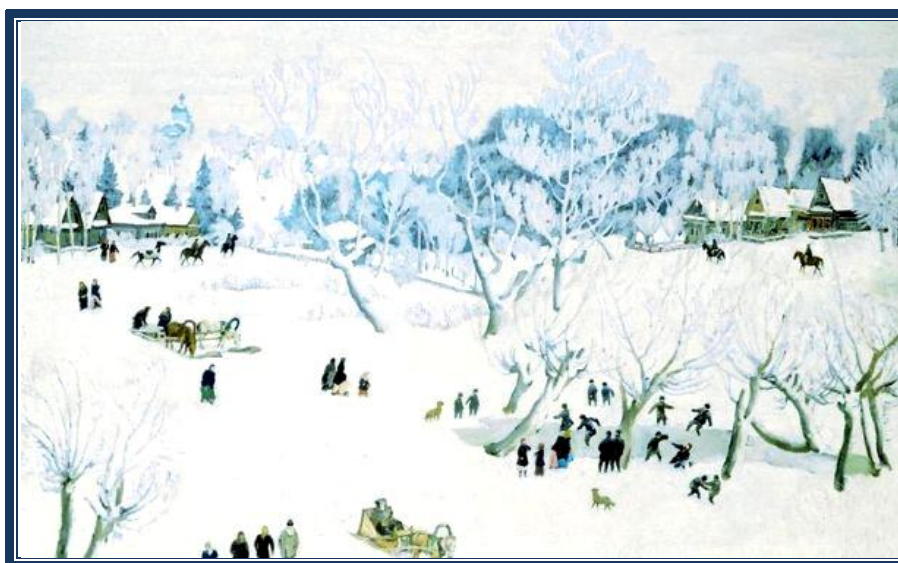
...Между тем «песенка» постепенно приобретала иной вид. Вначале на белых клавишах появились Эдичкины каракули, нарисованные цветными фломастерами. Затем отвалилась и куда-то бесследно исчезла крышка. А в один прекрасный момент «песенка» потеряла сразу несколько звуков – клавиши проваливались в пустоту. В этот вечер, впервые за много дней, папа и мама целовались прямо у плиты на кухне. Тетечка не могла сказать по поводу такого фривольного поступка ничего нравоучительного, так как находилась в служебной командировке. А когда она вновь появилась в Эдичкином доме, то вообще лишилась дара речи и замолчала на целую неделю. Еще на пороге ее поразила странная тишина, и недоброе предчувствие закралось в душу.

– А где же Эдичка? – спросила она родителей, и от ее пронизательного взгляда не ускользнуло блаженное выражение на их лицах. Предчувствие становилось все сильнее.

«Мышонок» находился в детской. Тетечка неслышно возникла в дверном проеме и... остолбенела на пороге, как статуя посреди городского фонтана. Эдичка ползал по полу и сосредоточенно выкладывал из белых и черных палочек длинную дорожку, похожую на пешеходную «зебру».

– Эдичка, а-а-а... где-е... наша... «песенка»? – почему-то шепотом спросила тетечка.

– Это не песенка, а лесенка, – поправил ее Эдичка и быстро «зашагал» пальчиками по дорожке: – До-ре-ми-фа-соль-ля-си, кошка села на такси.

Константин Юон. Волшебница-зима в Лигачево. 1912 г.

ПРОЗА

Наргиза Фузайлова

(Ташкент, Узбекистан)

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Чтобы увидеть чудеса, в них надо верить...

- Мам, а Дед Мороз существует? – дочка потянула меня за рукав и, когда я обернулась, внимательно заглянула мне в глаза снизу вверх. Ее зеленые глаза будто сканировали, и, увидев даже тень сомнения в моих глазах, ребенок сразу бы все понял.

- Да что ты, мое солнышко, конечно же, существует! – воскликнула я. - Не я же тебе все подарки покупаю, мне такое не по карману.

Сказав это, вспомнила волнение последних недель и беготню по магазинам. Сейчас это все уже было не важно. Мне хотелось продлить сказку, в которую верил мой ребенок, подольше задержать ее в наивном чистом детстве. Ведь это время, которое останется в ее памяти в виде ярких событий, хороших эмоций, запахов теплого лета или холода зимы.

- Мам, а почему тогда Ева говорит, что Деда Мороза нет? – очередной вопрос вывел меня из раздумий. Мы шагали домой после «Почемучки». Сегодня занятий не было, просто провели утреник и распустили дошколят на зимние каникулы. Мокрый снег таял в больших черных лужах. Низко нависшие тучи и резкий ветер заставляли торопиться домой, в тепло и уют квартиры.

- Да потому, что твоя Ева не верит в чудеса. А к тем, кто в чудеса не верит, Дед Мороз не приходит. А ты веришь в Деда Мороза? – из защиты я перешла в наступление.

- Я верю! – с гордостью ответила мне дочь.

- Вот и молодчина! Значит, к тебе Дед Мороз придет! – я на ходу прижала к себе дочь, и мы почти побежали домой.

- А ты точно не веришь в Деда Мороза! – не столько спросила моя дочь, сколько констатировала данный факт для себя. – Потому что подарки тебе дарят деда и бабуля.

Сравнив меня и себя и успокоившись подмеченной разницей, мой ребенок зашагал к дому, перепрыгивая через лужи.

Я шла рядом и думала о том, как быстро пролетает время, когда веришь в сказки. Через несколько лет моя дочь пойдет в школу, где ей откроют глаза на тайну Деда Мороза, а подростковая бравада и желание поскорее стать взрослыми сотрут остатки веры в чудеса. Но непонятное томление в душе заставляет нас, взрослых, нетерпеливо ждать наступления Нового года, затаив дыхание, смотреть, как падает за окном снег, а в новогоднюю ночь лезть под елку за подарками. Вот она - ностальгия по чудесам! Отказавшись в детстве от сказки, мы настойчиво ищем волшебство в жизни, не для богатства и благополучия, а для забытого чувства радости, безмятежности и спокойствия...

Вечер прошел спокойно. Предпраздничная суета, нарезание салатов, интересные передачи по телевизору...

Умаявшись за день, дочка заснула быстро и теперь сладко посапывала, лежа в теплой кровати. Шторы на окне ее комнаты были открыты, и уличный фонарь освещал комнату странным белым светом. Я подошла к окну и, прижавшись лбом к стеклу, замороженно наблюдала за магическим танцем снежинок. Слегка поворачиваясь в полете, они таинственно поблескивали и шуршали в наступившей тишине ночи. «Завтра можно пойти на улицу и слепить снежную бабу...» - мысли медленно ворочались у меня в голове. Завтрашний новогодний праздник совсем не радовал. В гости напросился бывший муж, подло используя ребенка. Отказать ребенку я не смогла, но и перспектива встречи Нового года с тем, кто меня когда-то предал, не радовала. Снегопад усиливался. Неожиданно кисея падающих хлопьев дрогнула и устремилась вверх - вслед за потоком воздуха. В облаке завертевшегося снега мелькнула краснощекая физиономия в зеленом колпачке! Весело подмигнув, эльф завис в воздухе напротив окна. «Привет, Ральф!» - беззвучно произнесла я одними губами. «Привет!» - весело откликнулся мой старый знакомый за окном и махнул мне рукой. Резко взлетев вверх, он увлек за собой мириады блестящих пляшущих снежных комочков. Неожиданная встреча всколыхнула воспоминания, разом окутавшие меня со всех сторон, словно пушистая белая борода, пахнущая корицей и имбирем... «Мы скучае-е-ем», - еле слышно донеслось с высоты.

На кровати беспокойно заворочалась дочь. Повернувшись набок, она чему-то сладко улыбнулась во сне. Было удивительно, как несколько секунд могут изменить жизнь. Мурлыча себе под нос «Джингл белз», я весело направилась на кухню. Надо верить в чудо, и тогда оно произойдет! Я включила огни на елке и, на всякий случай заглянув под нее, пошла на кухню домыывать посуду. Завтра наступит новый год, и я шагну в него, оставив печали и разочарования позади. На плите весело кипела картошка. За окном тихо продолжали шуршать снежинки, покрывая город белым пушистым одеялом...

ПАШКИН АНГЕЛ

«Наверняка, в детстве у вас были ссадины. Дуешь на ранку, а она горит огнем в ответ на ваше дыхание... Я – кусок мяса. Мои ноги превратились в отбивные после удара током. Они горят огнем и день и ночь, сводя меня с ума».

Время перестало иметь значение для Пашки. Дни и ночи мелькали за окном, сменяя друг друга. Время теперь делилось на ожидание и разочарование, до операции и после. Только одно оставалось неизменным в течение последних месяцев – боль и его тело... Оно было все покрыто ранами, кое-где закрытыми грубыми, стягивающими рубцами. Ран было больше, чем рубцов, несмотря на то, что врачи пытались закрыть их, пересаживая кожу. Операций было сделано много, но лоскуты кожи не приживались. Павлу уже казалось, что он превратился в кусок мяса, не способный жить самостоятельно. Сочащиеся сукровицей раны были прикрыты марлевыми салфетками, которых было так много, что издалека Пашку можно было принять за мумию, обмотанную бинтами.

«Проснулся от собственного крика во сне. В панике смотрю на ноги. М-да... Мумия отдыхает. Черт, мать разбудил криком. Или не спала она опять... Больно, мама, мне так больно!»

Ему было всего двадцать, когда удар тока из распределительного щитка прошел через него. Из города Навои, где это произошло, его сразу перевели в столицу. Случилось это в апреле, а сейчас на дворе уже лето в самом разгаре. Постоянные операции и перевязки измучили, превратив его жизнь в бесконечную боль. В исхудавшем, как скелет, теле еще

теплилась жизнь, но умерла надежда. Теперь большую часть времени он проводил лежа, молча уставившись в потолок. Его мама – Нина Петровна, тихо дежурила возле постели. Простая женщина, всю жизнь проработавшая на заводе, вырастила сына одна. Ей было невыносимо больно видеть, как сын медленно уходит из жизни, исчезая в повязках и бинтах. Врачи говорили, что, если не закрыть раны лоскутами кожи, долго ему не протянуть. Вот и ждала она каждую операцию, как спасение, умирая потом с каждым кусочком неприжившейся кожи.

«Убейте меня кто-нибудь! Так будет лучше, чем гнить в больнице. Еще пару месяцев, и у меня не останется ни куска здоровой кожи на пересадку, тогда конец! Но как продержаться это время? Благословенный укол и... нирвана забвения».

- Здравсьте, Нин Петровна! – в палату заглянул Василий Николаевич - каскадер, лежащий в соседней палате. Весельчак и балагур выполнял очередной трюк с возгоранием, но термостойкостью не выдержал, и спина загорелась по-настоящему. По его словам, в этот момент он по сценарию вывалился из окна, так что обе руки сейчас были плотно упакованы в гипс. Ожоги на спине уже заживали и теперь постоянно чесались, доставляя массу хлопот весельчаку. Вот и теперь, заглянув в палату к Пашке, он привычно прислонился спиной к косяку и тихонько почесывался, как медведь о ствол дерева.

- Павло, ты знаешь последние новости? – спросил он Пашку. Нина Петровна, приветливо улыбнувшись, вышла в коридор. Она была благодарна Василию за то, что тот каждое утро заглядывал к Павлу, стараясь развеселить молчаливого парня.

- Представляешь, к нам переводят одного мужика. Говорят, он с мотоцикла упал и его вот так протащило метров двести. У него полноты снесло, вместе с кожей. Жуть такая... - Василий присел на стул, жалобно заскрипевший под тяжестью каскадера. - Нет, Павло, мотоциклы – это просто находка для самоубийц, транспорт для камикадзе. Я вот лично тебе не советую брать мотоцикл. Ты, когда выпишешься, даже не думай его покупать.

Павел кивнул и отвернулся к стене. Он не слушал Василия. Больные в отделении приходили и выписывались, а он, как бессменный старожил, не двигался с места.

«На потолке две трещины. Они проходят почти параллельно над кроватью, скрещиваясь возле лампы. Между ними видны следы затирок, старых и новых, с осевшей на них пылью. Меня, как и его, «ремонтируют», закрывая кусками здоровой кожи обгоревшие участки. Перевожу взгляд на ноги: ух, видок еще тот! Худые, с намотанными бинтами и салфетками, мои ноги не похожи на настоящие. Хочется представить, что не мои, если бы не боль. Все время... Постоянно... День и ночь... Выматывающая, пробирающая до самой глубины затылка... Убежать бы... Умереть бы...»

Увидев, что Павел не в настроении, Василий засобирался:

- Ну ладно, Павло, не скучай. Мне пора, скоро на перевязку. Кстати, ты слышал, к нам новых студентов на практику присылают. Наверняка, кто-нибудь из них будет в перевязочной. Пойду попугаю. – Василий подмигнул и, кряхтя, встал со стула. – К тебе тоже придут на перевязку. Так ты не теряйся, присмотришься, может, кто тебе и приглянется? А что? Мы еще на твоей свадьбе погуляем!

Василий Николаевич вышел и из коридора еще долго слышался его зычный голос, заигрывающий с пожилой раздатчицей:

- Мунира-опа¹, ну как вы готовите эту кашу, просто пальчики оближешь! Вас муж небось на руках носит за такую стряпню!

¹ Уважительное обращение к женщине.

- Хватит, Василий-ака², мой муж кашу не ест, он любит плов, – Мунира-опа весело смеялась, гремя алюминиевыми кастрюлями.

- Так вот и я о том же! Я тоже люблю плов! – ухватился за тему Василий. – А вы мне кашу рисовую даете! Разве это еда для узбекского мужчины? Нет чтобы принести плов, лагман, ну кавардак³ на крайний случай.

Баритон Василия постепенно затихал в коридоре. Нина Петровна проскользнула в дверь, держа в руках тарелку с рисовой кашей. Пашке совсем не хотелось есть, и он притворился спящим. Мать тихо поставила кашу на тумбочку, прикрыв тарелкой и обернув полотенцем.

«Мать пришла, завтрак принесла. Притворился, что сплю. Тошнит от еды. Если не есть месяц, то можно умереть. А вот если не пить, то можно умереть за несколько дней. Но здесь не дадут умереть. Капельница день и ночь торчит возле кровати. Я даже перестал замечать, когда бутылки меняют...»

После сдачи экзаменов Камолу, как и всех первокурсников, направили на санитарную практику. По разумению деканата, мыть полы и проводить дезинфекцию тоже надо уметь, поэтому всех будущих врачей разгоняли по отделениям махать шваброй.

Несмотря на предстоящий месяц работы в отделении, было хорошо чувствовать себя свободной. Не надо было читать по ночам, бежать на лекции и сдавать зачеты и экзамены. Пробежав от остановки автобуса в глубь парка клиники, Камола чуть замедлила шаг, наслаждаясь тенью огромных деревьев, растущих во дворе.

Лечебные корпуса чередовались с учебными и были разбросаны по всей территории клиники. Вековые деревья возвышались над парком зеленым куполом, защищая дорожки и беседки от солнца и летней жары. Ожоговое отделение, куда распределили Камолу, стояло в глубине парка, окруженное дорожками и фонтанчиками. Добежав до нужного корпуса, Камола сразу нашла кабинет заведующего ожоговым отделением. За огромным столом, заваленным историями болезней, сидел худой врач в хирургическом костюме:

- Мы рады, что вы будете работать с нами, лишние руки нам не помешают. Сколько дней, вы сказали, ваша практика?

- Месяц. Вернее, до конца этого месяца, плюс у меня четыре дежурства.

- Прекрасно, Камола. Надеюсь халат и сменная обувь у вас с собой? Имейте в виду - у нас все стерильно, ожоговые больные – это особый случай. Ну если все понятно, приступайте. Санобар, главная медсестра, скажет вам про все остальное. Если будут вопросы, заходите, не стесняйтесь.

Камола шла за главной медсестрой по отделению. Обострившиеся от страха слух, зрение и обоняние выхватывали обрывки разговоров, запахи, усиливая впечатление от увиденного. Длинный коридор, голые стены бледно-голубого цвета, старый деревянный пол, выкрашенный в коричневый цвет, открытые двери палат – все это немного пугало Камолу. Отделение представлялось ей большим муравейником, в котором всё и все подчинялись единым правилам. Через открытые двери палат была видна внутренняя жизнь: кто-то еще спал, кто-то сидел на кровати, почесывая заживающие ожоги, а кто-то громко разговаривал через окно. Муравейник просыпался и начинал свой новый день.

² Уважительное обращение к мужчине

³ Жареное мясо с картошкой и овощами

- Влажную уборку надо делать два раза в день, хлорка у главной санитарки в комнате. – Санобар проводила инструктаж. - Если все пойдет нормально, я тебя заберу в перевязочную, мне нужна помощница, чтобы размачивать повязки.

Камола согласно кивнула, предложение поработать в перевязочной ей понравилось, тем более что она планировала стать хирургом.

Приступив к работе, Камола старательно наводила порядок в палатах. Каждый день она собирала кожные струпы, крошки и мусор, дважды промывая щербатый пол старого отделения. За несколько дней она познакомилась почти со всеми больными. Ожоги заживают долго, поэтому многие пациенты лежали здесь уже по несколько недель. Успев соскучиться по домашнему уюту, они с радостью ждали прихода улыбчивой Камолы. Веселая девушка с рыжими веснушками и длинной косой не только смогла навести порядок в палатах, но и найти добрые слова для каждого из них.

- Что, вы будете мыть пол? Не протирать, а мыть? – с удивлением гудел Василий Николаевич, глядя, как Камола двигает судна и тапки, освобождая пространство для мытья.

- Ну да, а как еще моют полы? – с удивлением подняла глаза Камола. На покрытом веснушками носу проступили капельки пота. Сбившийся набок колпачок освободил завитушки рыжих кудряшек. Поправив запястьем колпачок, Камола выпрямилась: - Вы бы, Василий Николаевич, забрались лучше на кровать и ноги подобрали. Сейчас я помою, и в комнате станет прохладно. – Камола деловито вытащила тряпку из ведра и, не отжимая, загнала ее под кровать.

- Молодец, дочка! – Камол-ака, пожилой сосед наклонился, чтобы поднять тапочки с пола. – За нами давно так не ухаживали. Ты уж извини, что от меня много мусора.

- Да, что вы, Камол-ака! Это моя работа. А за мусор вы не переживайте, это все скоро пройдет, – сказала Камола, взглянув на спину Камол-ака, покрытую чешуйками кожи.

Закончив с основными палатами, Камола заглянула в шестую:

- Я уберусь у вас? – шепотом спросила Камола. Пожилая женщина, сидящая возле кровати, тихо встала и вышла в коридор:

- Пашенька вроде уснул, а то он всю ночь не спал от боли.

- Так мне можно убраться или потом придти?

- Нет, нет, уберись, деточка. Может, прохладнее станет в комнате, а то с утра парит... Я пока прогуляюсь немного.

Сквозь царивший в палате полумрак Камола смогла разглядеть лежащего на кровати парня. Он был таким худым, что его не было видно из-под покрывающих марлевых салфеток и бинтов. Камола принялась убирать под кроватью, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящего.

«Проснулся от странного шуршания под кроватью. Мать под кроватью, что ли, ищет? Открыл глаза. Ба! Да это же ангел! В белом халате и колпачке, вся такая чистенькая и светлая, она шуршит у меня под кроватью. Привет! – говорю ей. А она испугалась. Швабру к груди прижала и смотрит на меня, как овечка. Ой, говорит, я не хотела вас разбудить! Да ничего, говорю, вы не разбудили, я не спал... Светлый ангел в человеческом обличьи... Конопушки на носу, коса до пояса... Откуда ты такая взялась?»

- Как вас зовут? – тихий голос заставил Камолу распрячиться. Парень на кровати внимательно разглядывал лицо девушки.

- Ой, извините, я не хотела вас разбудить, – Камоле стало неудобно.

- Я и не спал, не извиняйтесь, – голос парня был тихим. Говорил он по-русски, но с узбекским акцентом.

- Я ваша новая санитарка, у меня практика... – Камола старалась не смотреть на тело парня, концентрируя свой взгляд на его лице.

- Я страшный в этих бинтах и, извините, не укрыт, – он сделал слабое движение в сторону простыни, но дотянуться не смог.

- Да что вы, не стоит извиняться, я уже все... – Камола торопливо собрала остатки мусора мокрой тряпкой и направилась к выходу.

- Вы еще придете?

- Да, конечно, приду. Я еще вечером мою полы. А сегодня еще и дежурю, так что буду здесь всю ночь...

- Ну так приходите, как закончите работу. Я ночью все равно не сплю и вам спать не положено, вы же на дежурстве. Вот и поговорим.

«Ушла, а в палате светлее стало... На потолке отражается вода из фонтана за окном. Интересно, а это и раньше было или только сейчас появилось? Если было раньше, то почему я не видел этого? Свет красиво переливается, вызывая ощущение нереальности и сказки. Сказки про ангела по имени Камола...»

Пашка лежал с открытыми глазами, привычно уставившись в потолок. Теперь он не просто разглядывал ставшие знакомыми трещины и разводы. Впервые он любовался игрой света, отражающегося от фонтана за окном. О нем ему рассказала Камола во время одного из ночных разговоров. Ее перевели в перевязочную размачивать повязки, но она по-прежнему заглядывала к нему по несколько раз в день. Успев подружиться, они болтали ночи напролет во время ее дежурств. Иногда Камола приносила книгу и вполголоса читала Павлу. Но чаще они просто болтали о жизни, о будущем, о себе.

- Почему с людьми происходят несчастья? Ты думаешь, Бог есть на небе? Тогда почему он позволяет такому случиться? Вот дети погибают или пропадают... они-то за что? – Пашка в запале попытался повернуться и замер от боли в боку. Он совсем забыл, что во время последней операции именно там сняли лоскут кожи. Он забыл все, что произошло с ним до того, как Камола впервые зашла в его палату, превратив свои воспоминания в давно просмотренное кино.

- Бог, Паша, это не кто-то живущий на небесах. Бог в тебе самом, в твоей вере в себя, в том, как ты живешь и как ты относишься к людям. Вот, к примеру, возьми себя: ты уже сколько месяцев здесь лежишь? Пять или шесть? И никакого улучшения, правда? А знаешь - почему? – Камола, подбоченившись, повернулась к Павлу, хитро прищурив глаза.

- Ну и почему? – Пашка любовался профилем девушки, освещенным тусклым светом ночника.

- А потому, что ты не хочешь выздоравливать! Тебе, наверное, нравится здесь лежать и изображать из себя мумию! – Камолка прыснула от смеха.

- Ну, погоди, вот снимут с меня повязки и дадут костыли, вот тогда тебе покажу, какая из меня мумия! – Пашка весело рассмеялся.

Нина Петровна лежала в соседней палате и не могла нарадоваться, слушая забытый за долгие месяцы болезни смех Пашки. Сын явно шел на поправку, он больше не лежал, отвернувшись лицом к стене, у него появился аппетит, а по утрам он старательно приглаживал свои отросшие вихры, смотрясь в ее маленькое зеркальце.

«Сегодня время «Ч» - мне снимают повязки. Страшно, но не боли боюсь. Боюсь увидеть размазанный кусок кожи на снятой повязке. Раньше было все равно, а сейчас хочется видеть блики от фонтана, солнце, веселые конопушки ангела... Я смогу, я выдержу... Все приживется, просто надо верить, как верит в меня мой милый Ангел...»

Дверь скрипнула, и в палату заглянула Камола. Она была в хирургической форме, на груди висела маска, а волосы были полностью убраны под топорщащийся от крахмала колпачок.

- Ну как ты, Паш? – она привычно присела на стул рядом с кроватью. – А я тебе пирожков принесла. Ты и сам поешь, и маму угости, ладно?

- Сама пекла? – Пашка потянул простыню на себя, пытаясь закрыть свое почти голое тело. В последнее время он стал стесняться своей вынужденной наготы перед Камолой.

- Мама пекла, а я помогала. Ты поешь, они такие вкусные. У меня мама делает вкусные пирожки, пышные... - Камолка сделала вид, что не заметила его движения. – У тебя сегодня перевязка?

- Да, должны снять повязки после операции...

- Паш, ты помнишь, о чем мы с тобой говорили? Ты должен верить в себя, в свою жизнь. Все зависит только от тебя, слышишь?

- Ради тебя... - Пашка прикрыл костлявой рукой руку Камолы, лежавшую у него на кровати.

- Ради себя, ради мамы. Ты сможешь, я знаю. Хочешь, я попрошусь в перевязочную и буду рядом?

- Нет, не надо. Мне будет легче, если ты не придешь. Пусть Санобар сама размочит мне повязки, ладно?

«И так лежу здесь в палате перед ней в чем мать родила, ни прикрыться, ни укрыться. А там и вовсе разденут... А ну кричать буду от боли? Пусть другие меня перевязывают. Хочется зарыться в ее руку носом, зацеловать каждый пальчик. Но не дает, чувствую, тянет к себе руку. Ангел растерянно улыбается и убегает. Ну вот, испугал ее, кретин, калека, бревно горелое... плачу...»

В тот день Камола работала в малой перевязочной, потому что в большой перевязочной делал осмотр сам заведующий отделением. Первым смотрели Пашку. Это была его первая после операции перевязка, и еще никто не знал, прижилась ли пересаженная кожа. Прошло почти два часа после того, как Пашку завезли туда на каталке. Камолка стала нервничать, но тут в дверь заглянула Нина Петровна и показала поднятый вверх палец.

Через полчаса, закончив последнюю перевязку, Камола примчалась к шестой палате. Нина Петровна встретила ее в коридоре и, обняв, заплакала:

- Ему сделали наркоз, чтобы снять повязки. Бедный мой мальчик, из-за боли он не мог терпеть...

- И что, Нина Петровна, ну не тяните?! – торопила Камола.

- Все прижилось, Камолочка, даже врачи не поверили! После стольких операций они уже не надеялись, что кожа приживется... – сквозь рыдания произнесла Нина Петровна. – Я ж от радости плачу! Спасибо тебе, Камолочка, за сына моего!

- Да что вы, Нина Петровна, я-то тут при чем! Это Пашка ваш – молодец, столько выдержал. Ну ладно, я побегу. Приду чуть позже, пусть он поспит.

«Я все еще живой, если можно назвать это жизнью. Смотрю на потолок: трещины вращаются, как лопасти вентилятора. Дверь открывается, и в палату осторожно заглядывает мать, увидев, что я не сплю, улыбается. Значит, прижилось... Прижилось! Сердце начинает бешено колотиться, в висках стучит от радости. - Павлуша! – это мама, – все хорошо, мальчик мой, ты скоро поправишься!

Ангел мой, где ты? Радостью хочу поделиться с учителем своим. Заходит в дверь, радостная, даже веснушки на лице и те улыбаются. Павел, ты молодец! – кричит с порога. – А я ни минуты не сомневалась! Садится рядом на постель, такая близкая, родная и такая далекая,

нереальная. Кажется, протянешь руку, и исчезнет мой ангел-хранитель. Исчезнет навсегда, выполнив свою миссию. Ангел, научивший меня жить этим летом... Я молчу. Она задумчиво смотрит в окно, словно увидела кого-то, такого же калеку, как я, которому надо отдать кусочек своей души. Лети, мой ангел, лети. Я не смогу тебя удержать, ведь я теперь живой...»

Когда закончилась практика, Камолу провожали всем отделением. Даже Пашка – теперь уже «ходячая мумия», встал на костыли и дошел до дверей своей палаты, чтобы помахать ей вслед. Шесть лет учебы после практики пролетели, как один день... Окончив институт, Камола полностью окунулась в работу. Придя домой после очередного дежурства в роддоме, Камола нашла письмо под дверями. На конверте стоял штамп почтового отделения города Навои. Вскрыв письмо, Камола начала читать:

«Уважаемая Камола, пишет вам Пашка из ожогового отделения. Помните меня?»

Кровь прилила к лицу Камолы. Конечно же, она помнила Пашку. Лето, практика, ожоговое... Так давно это было, что уже и не вспомнить, что она сказала в ответ на его признание в любви. Испугалась тогда, сбежала, так и не повидавшись с ним потом...

«Давно хотел написать вам, но не решался. У меня все хорошо, меня выписали в августе. Долечивался уже у себя, в Навои. Потом получил инвалидность, устроился на работу. Я пишу вам, чтобы сказать спасибо за то, что стали тогда моим ангелом и помогли поверить в себя. С уважением, Павел».

БУСЕЛЬ

Ба, ты не знаешь, куда это наш Бусель запропастился? – запыхавшаяся Олюшка заглянула в дверь коровника. Бусель – огромный рыжий кот, невесть откуда появившийся неделю назад, облюбовал домик бабы Вали, притулившийся возле коровника. Каждое утро, вальяжно развалившись на дорожке между кустов томата, он терпеливо ждал, когда баба Валя понесет молоко на кухню. Услышав, как она кряхтит, гремя засовом, кот вскакивал и бежал ей навстречу, приветливо мяукая и мурлыкая на весь двор.

- Ах ты, наглая рыжая морда! – ворчала баба Валя. - Да где ж тебя носило-то всю ночь? У-ух, не трись об ноги, блохастый.

Кот, не обращая внимания на ворчание бабки, суетливо бежал перед ней, мешая идти. Получив порцию парного молока и дочиста вылизав мисочку, кот блаженно растягивался во всю длину своего кошачьего тела и, сонно щурясь, лениво вылизывал лапу. Его короткая рыжая шерсть будто светилась на солнце, а рыжие полосы горели огнем на его широком боку. Баба Валя крутилась на кухне и поглядывала на кота. Был он похож на морского пирата на привале. Отважный и храбрый, готовый броситься на обидчика в любую минуту. Хорошо было с ним на кухне, тепло как-то, вот и не гнала его бабка, приманивая парным молоком. Так и прижился он у нее. Днем отсыпался на кухне, лежа в большой луже солнечного света. Ночью уходил из дому, и то с одной стороны села, то с другой слышны были кошачьи баталии. Гонял местных псов и котов, орал по ночам, не боясь лука и картошки, брошенных разбуженными жильцами.

Больше всех на свете любила его Олюшка - внучка бабы Вали, приезжающая погостить из пыльного города. Кот тоже любил Олюшку, но на расстоянии. Предпочитал оставаться за спиной бабы Вали, а то Оля тискала его нещадно, зажав в руках и целуя в бархатный нос.

- Не целуй ты его, Оленька. Он же черт знает где мотается, еще заразу какую подхватишь. И отпусти его, а то он, поди, блохастый...

Кот, отпущенный на свободу, благодарно смотрел на бабу Валю и пропадал в кустах томата. Но стоило только Ольке выйти гулять, кот уж тут как тут, сопровождает ее, прыгая по огородам.

А недавно кот пропал, как в воду канул. И утром его не было, и вечером не приходил. Баба Валя заметила, но значения этому не придавала. Мало ли какие кошачьи дела у этого рыжего наглеца! Небось к женам своим пошел многочисленным. Закрутившись в делах, баба Валя не заметила, как пролетела неделя.

В дверях коровника стояла Ольга, вопросительно заглядывая бабе Вале в глаза.

- Не знаю, доченька, может, к кошкам пошел твой Бусель? – баба Валя вытерла коровье вымя и поднялась, взяв ведро с молоком.

- Ты че, ба! Его уже неделю нет! Не может он так долго гулять, ему же есть надо, – глаза Ольки уже были на мокром месте.

- О-хо-хо... Так кто же их знает, этих котов, может ему и недели-то мало, – прокряхтела баба Валя.

- Его или украли, или он под машину попал, а тебе все равно! – слезы брызнули из глаз Ольки, и она резко метнулась в сторону огорода.

- Оля, Оленька! Да не переживай ты так! Давай мы его поищем вместе!

Целое утро ходили они по дворам поселка, кричали, звали кота, приглядываясь, не покажется ли где рыжая мордочка. К обеду, усталые и подавленные, они присели на крыльцо дома. Ольга вытирала рукой крупные слезы, тихо катившиеся из глаз. Баба Валя прижала ее к себе и сказала:

- Он придет. Он обязательно вернется. Это же не обычные животные, а волшебные. Вот нету его, нет, а потом раз - и придет...

- Ба, - шмыгая носом, сквозь всхлипывания, сказала Ольга, – ты ему молочко только оставляй, ладно? Тогда он точно придет...

Наступила осень. Оленька давно уехала в город. Подоив корову, баба Валя привычно наполнила мисочку кота парным молоком. Одинокая тарелочка на полу напомнила ей о солнечном лете и о рыжем коте, сказочно появившемся и так же необъяснимо исчезнувшем. Смахнув набежавшую слезу, баба Валя подумала, что надо бы убрать мисочку - зря они его ждут. Таки пропал он навсегда...

Мак Уилсон жил на окраине города. Старый, покосившийся дом, давно не стриженная лужайка, машина-развалюха. Он всю жизнь прожил холостяком, так и не решившись жениться. Выйдя на пенсию, оборудовал терраску на заднем дворе и там, сидя в кресле-качалке, коротал свои дни, любуясь природой. Раз в месяц, точно в первую среду, он выезжал на своем пикапе в местный супермаркет и закупал месячный запас консервированной еды. Остальное время он, сидя на террасе, встречал рассвет и провожал закат, любуясь высоким небом и пышными облаками. Была ранняя осень, и желтизна уже расползлась по пыльным листьям деревьев, прокрасив на них яркие пятна. Кусты цветов на лужайке отцвели и пожухли, придав осенний и унылый вид некогда веселой зелени.

Мак тихо покачивался в кресле, завернувшись в старый плед: в последнее время ему все время было зябко. В коричнево-зеленых кустах мелькнул яркий рыжий хвост. «Никак соседский кот пожаловал, - подумал Мак. - Надо бы мусорный бак закрыть, а то раскидает все, паразит». Соседский кот Перси часто хулиганил у него во дворе. Поэтому Мак не очень-то обрадовался его приходу. Схватив пустую консервную банку, он со всего размаха запустил ее в кусты:

- Брысь! Брысь, я тебе сказал!

В дверь позвонили, и Маку пришлось временно оставить поле битвы. Это был почтальон, принесший кучу конвертов. Мак отложил конверты со счетами в стопку, а конверт от врача, не открывая, сразу выбросил в урну. «И что зря бумагу переводить? Сказал же, не приду больше... Сколько осталось жизни – вся моя», - все еще ворча, он поудобнее устроился в кресле-качалке, укрыв колени одеялом. Осенний день навевал дрему, и через некоторое время Мак тихонько захрапел.

День уже клонился к вечеру, когда он проснулся от голода. Кряхтя, поднялся с кресла и поплелся на кухню. Привычным движением открыл консервную банку, вывалил содержимое на тарелку, решив поужинать на террасе. Прихватив вилку, он уже направился во двор, но замер от неожиданности на пороге террасы. Прямо перед ним сидел красивый рыжий кот и преданно смотрел на него в надежде получить кусочек. На соседского Перси он был не похож. Того Мак знал хорошо: приплюснутая морда, огромные глаза, пушистая, абрикосового цвета шерсть. Этот же, рыжий, с яркими полосами на боках, был простым котом «дворянской» породы. Он сидел возле террасы, терпеливо ожидая приглашения войти. Мак молча сел в кресло и начал есть. Кот облизнулся, но остался ждать на своем месте. Мак положил кусочек тефтели прямо на пол террасы. Кот осторожно подошел и, слизав соус, начал кусать тефтелю, смешно наморщив нос. Еда ему явно не нравилась, но голод и чувство благодарности заставили вылизать пол террасы после угощения. И уже через полчаса, по-хозяйски развалившись на террасе, кот намывал морду лапой, громко мурлыча. Мак сидел в кресле напротив и молча наблюдал за неспешным туалетом кота. Несмотря на прохладную ночь, ему сегодня было удивительно тепло и уютно.

На следующий день Мак вывел свой пикап и поехал в супермаркет за кошачьей едой, чем немало удивил своих соседей. Теперь он готовил ужин, накрывая на стол в кухне для двоих. За окном постоянно лил дождь, поэтому Мак перетащил свое кресло-качалку в гостиную, коротая влажные вечера под треск дров в камине. Однажды вечером, перестав слышать стук дождя, Мак выглянул в окно. Раньше он не замечал красоты первого снега, мягкого и пушистого. А сегодня он долго стоял возле окна, глядя, как белое покрывало снега украшает землю, придавая ей сказочный и таинственный вид. На подоконник запрыгнул кот и прижался горячим мягким боком к руке Мака, тоже вглядываясь в темноту окна. Мак гладил его пушистую голову, проводя рукой по упругим ушкам, выскакивающим из-под его ладони, и нежная вибрация кошачьего мурлыканья успокаивала и убаюкивала своим размеренным ритмом.

Зима в этом году была долгой и холодной. Мак почти все время проводил в кровати. Кот не отходил от него, стараясь найти больные места Мака, и укладывался к ним вплотную. Но как только на улице потеплело, Мак первым делом вытащил кресло на террасу и уселся там, укрывшись теплым одеялом. Кот гулял во дворе, и его рыжая морда то и дело мелькала среди зацветающих кустов. Время от времени кот поднимался на террасу и тыкался влажным носом в руку Мака. Сквозь дрему Мак клал свою костлявую руку ему на голову и ласково трепал короткую шерсть. Ранний весенний вечер был еще прохладным, но заходить в дом Маку не хотелось. Сквозь приоткрытые веки он смотрел на закат, стараясь наглядеться на полыхающее небо. Когда небо потемнело, Маку стало спокойно, мысли отступили, и он позволил себе закрыть глаза.

Уже поздно вечером кот, в очередной раз ткнувшись носом в руку Мака, не дождался ласки. Тогда он запрыгнул к нему на колени и, свернувшись в клубок, тихо замурлыкал последнюю песню своему хозяину.

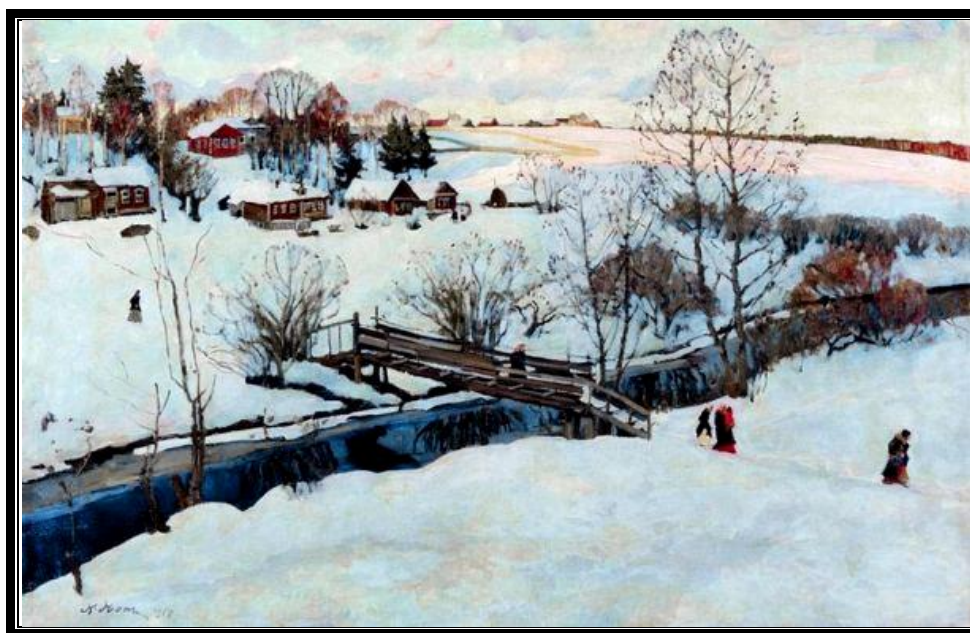
Сегодня, как обычно, баба Валя встала с первыми петухами. Подоив корову, она наполнила мисочку молоком. Олька приехала вчера, повзрослевшая, серьезная, и бегом сразу на кухню:

- А ты че, ба, мисочку-то убрала? А вдруг Бусель вернется? Мы же договорились, что будем ждать!

- Так не было его поди год уже! – воскликнула баба Валя. - Он уж не придет, не жди. Давай другого возьмем, коли так хочешь?

- Нет, мне другого не надо. Мне надо нашего, волшебного! – воскликнула Олька, ставя мисочку на привычное место. – Мы будем ждать!

Услышав звук закипающего чайника, баба Валя обернулась к плите и обомлела. На полу в пятне солнечного света лежал Бусель, бархатной лапкой лениво смывая с морды остатки молока.

Константин Юон. Зима. Мостик. 1914 г.

ПРОЗА

Юрий Берг

(Германия)

КОСТЯ-ДУРАК, или НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

*«...ибо придет Сын Человеческий во славе
Отца Своего с Ангелами Своими
и тогда воздаст каждому по делам его».
(От Матфея 16)*

В конце 1976 года страна готовилась к встрече Нового года. Шахтеры со страниц газеты «Правда» рапортовали родной Коммунистической партии о миллионах тонн сверхпланового угля, строители спешно, с недоделками, сдавали тысячи квадратных метров кое-как слеполенного жилья. Милиционеры долавливали слегка пьяных граждан, выполняя план по наполнению вытрезвителей, космонавты уже чистили парадно-выходную форму, готовясь к съемкам «Голубого огонька», а мохнатобровый генсек заучивал текст новогоднего обращения к народу. Все старались, стремились, выполняли и перевыполняли.

...Костя Ганкин старался вместе со всеми, но у него получалось плохо. Не так чтобы совсем уж плохо, но хуже, чем у остальных, старающихся еще и перевыполнить план.

Конструкторский отдел проектного института, где Костя трудился в должности старшего техника, уже перевыполнил план по выпуску проектной документации, и заказчики успели сказать им за это своё «спасибо», но денег платить не спешили. У них ведь тоже все шло с перевыполнением плана, в том числе и расходование средств, отпущенных на строительство. Так что денег не было ни у кого.

Первой задёргалась Тамара Ивановна, ГИП отдела, где работал Костя. Она мысленно уже забила в свой семейный бюджет немаленькую сумму премиальных, которые могла бы получить, если бы не... А премиальные, показавшиеся где-то там, вдали, тут же накрылись мокрым полотенцем, и Тамара Ивановна, краснея щеками, с ужасом ждала вызова на директорский ковер – для разбора полётов.

Костя, видя, как мучается Тамара Ивановна, сидел за своим кульманом, чему-то глупо улыбался и рисовал чертей. Тамара Ивановна, из-за своего стола давно наблюдавшая за ходом Костиной работы, решила на нем немного оторваться. Она тихо подошла сзади, полюбовалась длинным хвостом рогатого, просунутым между его ног так, что он казался издали тонким и длинным членом, потом по своей старой армянской привычке уперлась руками в крутые бока и громким голосом стала Костю стыдить:

- Как тебе не стыдно, Ганкин! Все работают, план перевыполняют, свой вклад вносят, а ты сидишь и чертей рисуешь!

Костя, старательно дорисовывающий кисточку на хвосте поганого, повернулся на вертящемся стуле и посмотрел на ГИПа.

- И еще по-дурачки улыбаешься при этом! – добавила Тамара Ивановна, наливаясь злобой.

Костя, продолжая улыбаться, поднялся со стула и, глядя ей в переносицу, сказал:

- Лично я уже внес все, что мог внести, а теперь сижу и жду Нового года, а вместе с ним – обещанной вами премии.

Тамара Ивановна выслушала Ганкина и пошла на него жаловаться. Начальник отдела Федор Иванович Дядичев, в миру просто Дядя, пять минут спустя позвал Костю к себе.

- Ганкин, ты дурак? – спросил он, медленно зеленея лицом.

Костя посмотрел в добрые, отеческие глаза Дяди и ответил проникновенно и тихо:

- Умные у умных работают, а меня к вам направили!

- Пошел вон, придурок – закричал Дядя, хватая баночку с валидолом, – мы с тобой после праздников разберёмся! Мало не покажется, – добавил он, подумав.

Какой грубый, какой некультурный человек, подумал Костя, выходя из кабинета начальника отдела, ну разве может он своим черствым сердцем, своим заскоружлым умом, понять состояние его души?

А состояние души Кости Ганкина было хреновым. До Нового года оставалось два дня, а с кем он будет его встречать, оставалось загадкой. Неделю назад девушка, с которой он встречался, закатила такой скандал, что у Кости после этого пару дней звенело в ушах.

- Ты четыре года встречаешься со мной и за эти годы ни разу не признался в любви, – кричала она, – так вот знай: на тебе свет клином не сошёлся! У меня, к примеру, есть один знакомый, и я буду с ним Новый год встречать! Он не такой придурок, как ты, – добавила она под конец и ушла, оставив Костю в глубоком раздумье.

...А ведь поначалу всё так хорошо складывалось! Закадычный дружок Генка на вопрос, что будем делать на праздники, ответил Косте, не задумываясь: «А как всегда». Это означало, что молодёжная компания может рассчитывать на тёплый приём в просторном доме его родителей. По многолетней традиции они гуляли до самого утра, а уставших или упившихся «деток» родители Генки заботливо укладывали спать в свободных комнатах, благо снимавшие их студенты на праздники разъезжались по своим домам. Пользуясь случаем, гости, разбившись на парочки, уже к трём часам разбредались по полупустому дому, чтобы потом с комфортом до утра предаваться любовным утехам. И вот теперь все Костины планы шли прахом. И так ему стало тошно, что, не дожидаясь праздников, Костя решил напиться.

В конце рабочего дня он нахлобучил на голову «растоптанную» кроличью шапку и пошел в гастроном. Время было самое горячее – у прилавка винно-водочного отдела стояла многометровая очередь, и Костя всерьез обеспокоился, достоин ли он в ней до победного конца. И тогда, чтобы ускорить процесс, Костя решил найти инвалида.

К слову сказать, в те времена быть инвалидом было не только почетно, но и удобно. Во всяком случае, в очередях они не стояли, потому что по закону их везде пропускали вперед. Инвалиды часто пользовались своими привилегиями, подрабатывая на сигареты, а то и на стаканчик вина. У них был свой «профсоюз», и собирались они, как правило, у входа в магазин, где и поджидали клиентов, которым было недосуг тратить время на стояние в очередях.

Костя уже миновал толпу счастливых обладателей пакетов с суповыми наборами, ожидавших очереди рассчитаться, когда его внимание привлекла девушка, сидевшая за одной из касс. Услужливая память тут же напомнила Косте о событиях семилетней давности.

Любушка! Да, это была именно она. Но как изменилась, как похорошела она за те годы, что они не виделись! Ещё в восьмом классе школы он встречался с её подружкой, Галкой

Долженко, а Любушка – маленький нескладный подросток с двумя прыщиками вместо грудей – всегда неотступно следовала за ними. Так они и встречались – Костя и Галка с Любушкой. Через полгода они окончили школу и их пути разошлись.

Костя смотрел на сидевшую за кассой девушку и откровенно любовался ею. Статная тёмно-русская красавица, она выглядела сказочной королевой, случайно попавшей в мир колбасы и кефира.

Когда толпа покупателей разошлась, он подошел к ней поздороваться.

- Здравствуй, Люба, – у Кости от волнения голос моментально охрип, – ты меня узнаешь?

Люба подняла на него глаза и спокойно произнесла:

- Здравствуй, Костик.

Костя стоял как болван, не зная, что ему сказать, и только пялился на тугую Любину грудь, обтянутую тонким коричневым свитером. Когда наконец его волнение улеглось, он произнёс:

- Ты очень изменилась, похорошела...

Люба рассмеялась:

- Ты тоже стал другим.

Нахлынувшая волна покупателей вновь на время разлучила их, а когда Костя смог вновь пробраться к кассе, то, смущаясь, пробормотал:

- Можно мне тебя встретить после смены?

Люба согласно кивнула головой:

- Я заканчиваю через час. Жди меня во дворе магазина.

Через час они встретились. Люба вышла из дверей служебного входа, на секунду остановилась, дав глазам привыкнуть к темноте, а потом, заметив стоявшего неподалеку Костю, подошла и взяла его под руку.

Пока Люба шла к нему, аккуратно обходя застывшие лужи, Костя успел её рассмотреть. Высокая, почти одного с ним роста, она была очень хороша. Короткая беличья шубка едва прикрывала округлую попку, обтянутую плотной узкой юбкой, а длинные, стройные ноги в сапожках на высоком каблучке делали её ещё более женственной.

В тот вечер они долго бродили по пустым улицам города. Воспоминания захватили их. Костя все порывался спросить Любу, как она жила все эти годы, где была и чем занималась, но Люба мягко останавливала его и переводила разговор на другую тему. Было уже почти одиннадцать, когда она посмотрела на часы и с грустью сказала, что ей пора домой. Костя бросился ловить такси, но Люба остановила его, сказав, что доберётся домой троллейбусом. Слегка обиженный, Костя замолчал, и тут Люба взяла его за руку:

- В следующий раз проводишь, хорошо?

В этот момент Косте пришла в голову блестящая мысль!

- Ты где будешь Новый год встречать?

- Пока не знаю, возможно, дома, с мамой.

- А давай мы вместе к Генке Кайданову пойдем, – предложил он, – ты его должна по школе помнить.

- Ну что ж, – легко согласилась Люба, – пойдем к Генке.

Костя, еще не веря в случившееся, попытался тут же поцеловать Любу, но та, отстранившись от него, лишь помахала на прощание рукой из уже отходящего от остановки троллейбуса.

Тридцать первое декабря встретило Костю проливным дождем. Когда он, проснувшись, выглянул в окно, его глазам предстала жуткая картина свихнувшейся природы. Такого ливня не было даже летом! Косте очень не хотелось идти на работу, но сегодня обещали выдать зарплату. Позвонив Генке и обо всем договорившись, Костя выбежал под дождь. Зонт не спас

его от потоков льющейся с неба воды, и, пока он бежал до остановки трамвая, низ его брюк превратился в две мокрые тряпки. Единственная радость – зарплата – была выдана в двенадцать, и директор, пожелав коллегам счастья в новом году, отпустил всех по домам.

Люба работала до восьми, и Костя, одетый в выходной костюм, вечером зашел за ней в гастроном. Сделав лёгкий макияж, она стала еще прекрасней, и Костя при виде её задышал часто, как собака, увидевшая кусок колбасы. Если бы у него был хвост, он бы завилял им, застучал от восторга об пол, но у Кости не было хвоста, и он, с обожанием посмотрев на Любу, прижал её руку к груди.

У Генки их уже ждали. Накануне Генкина мама постаралась вовсю, и стол в их гостиной ломился от блюд. Выпивка же была традиционно новогодняя: шампанское, бутылка «Московской» да бутылка домашнего вина для дам. Генкина подружка тут же увлекла Любу на кухню, где они о чем-то оживленно стали болтать, а Генка, исподтишка кивнув в сторону Любы, показал Косте большой палец. В одиннадцать сели за стол – провожать старый год. Посидев немного с молодёжью и пожелав всем счастливого Нового года, ушли к соседям Генкины родители. Накануне родители подарили Генке магнитолу «Днепр» – голубую мечту всей советской молодёжи, и под медленное кружение бобин пары затоптались на маленьком пятакке, изображая «медленный танец».

Увлёкшись, они чуть не прозевали наступление Нового года, а когда часы на экране телевизора показали без одной минуты двенадцать, все бросились к столу и под дружное «ура!» выпили по бокалу шампанского. Отдав должное кулинарному искусству Раисы Сергеевны, они вскоре расправились и с напитками. Голоса и смех звучали все громче, и через пару часов всем снова захотелось танцев.

Давно были сброшены пиджаки, а девушки расстались с туфлями, и так, в полутьме, обнимая друг друга, пары всё кружились и кружились в танце. Когда парни в очередной раз вышли во двор покурить, Генка, закрывая за собой дверь, сказал:

- Держи ключ от комнаты. Кровать уже застелена, так что можете ни о чём не беспокоиться. Увидимся за завтраком, заодно и опохмелимся – у меня припасено кое-что на этот случай.

Комната, отведенная Косте, оказалась крошечной: полуторная кровать, стол и шкаф едва помещались в ней. Включив стоявший на столе ночник, Костя запер дверь изнутри и повернулся к Любе. Она сидела на краешке кровати и вопросительно смотрела на Костю. Присев рядом, он обнял её.

Люба позволяла ему многое, но не все. Каждый раз, когда осмелевшая Костина рука пыталась проникнуть под юбку, Люба нежно, но решительно отводила её в сторону. Каждая расстёгнутая пуговица на блузке давалась Косте с боем, но наконец он добился своего, и теперь они лежали на кровати почти голые: друг от друга их отделяли лишь тонкие кусочки ткани на бёдрах. Её круглая, крепкая грудь была чудо как хороша, а темные ягодки сосков задорно и вызывающе смотрели на Костю, словно спрашивая: ну, а что дальше?

Видя, что Костя рассматривает её, Люба смутилась и попросила:

- Погаси свет, Костик.

Несколько минут, привыкая к темноте, они лежали без движения, а потом Костя, целуя такое желанное, пахнущее сладким, призывным запахом тело, снял с Любоньки трусики...

Едва за окном стало сереть, Люба стала собираться.

- Мама, наверное, волнуется, на часах уже половина восьмого, мне пора.

Собрав разбросанную по полу одежду, Костя стал помогать Любе одеться, всё время норовя поймать губами горошины её сосков. Люба тихо смеялась, прижимая его голову к своей груди и всё шептала, шептала:

- Нам пора, Костик, нам пора...

Когда они стояли уже одетые, Люба, краснея от смущения, показала Косте небольшое и уже подсохшее красное пятно, расплзшееся по смятой простыне.

- Что это? – спросил Костя.

- А ты не догадываешься? – лукаво улыбнувшись, спросила Люба.

- Так ты была девочкой? – удивился он, и этот глупый вопрос так насмешил их, что оба скорчились от смеха.

Отсмеявшись, Костя обнял и нежно поцеловал Любу, а она, прижавшись к нему, тихо прошептала:

- Я люблю тебя, Костик, с тех самых пор, как ты начал встречаться с Галкой.

Услышав такое признание, Костя моментально стал серьезным.

- Я тебя тоже люблю, – ответил он, сам в этом немного сомневаясь.

Генка с его подругой еще спали, когда Костя и Люба, тихо прикрыв за собой дверь, выскользнули во двор, а оттуда – на улицу. Скомкав испачканную простыню, Люба бросила её в ближайшую урну:

- Поехали ко мне, я хочу познакомить тебя с мамой, а заодно – получишь и отвезешь Генке новую простыню.

Ах, как корил себя Костя потом за то, что согласился тем утром ехать знакомиться с потенциальной тещей! Любушка, только что ставшая женщиной, только что поверившая Косте, наивно решила, что он уже полностью принадлежит ей. Она, девочка с рабочей окраины, не могла даже представить, какое впечатление может произвести на Костю то, что ему предстояло вскоре увидеть. Не надо было тогда этого делать, ох, не надо!

Старая хрущевка встретила их зловонием подъезда, а растрескавшаяся входная дверь Любиной квартиры говорила о том, что её уже не один раз высаживали вон. В тесной прихожей, заставленной каким-то хламом, их встретила полная неопрятная женщина в давно не стиранном стёганом пеньюаре. Стараясь произвести хорошее впечатление на молодого человека, она жеманно присела, подавая Косте пухлую ручку. Извинившись за беспорядок, «мама» пригласила Костю пройти в гостиную. Эта комната при первом взгляде показалась Косте странной: она имела нежилой вид и скорее была похожа на склад старой мебели. Люба, поцеловав Костю в щёку, оставила его одного. Выходя, она сунула ему в руки альбом с домашними фотографиями и, шепнув «не скучай», пошла на кухню – помогать матери готовить завтрак.

Завтрак был накрыт там же, на кухне. Первое, что увидел он, зайдя туда, была большая и уже в нескольких местах порванная подушка, вставленная в раму вместо разбитого стекла. Видя Костино недоумение, смущенная Люба, машинально разглаживая несуществующие складки на несвежей скатёрке, сказала:

- Это брата проделки. Пьет он...

Мамаша, по-видимому, тоже пила – дрожащие руки никак не могли совладать с пробкой графинчика, который она достала откуда-то из-под стола. На завтрак «подавали» уху из срочно размороженной по этому случаю трески. Костя, чтобы не обидеть женщин, принялся усердно работать ложкой, перед тем налив всем из графинчика. Пока он, превозмогая себя, глотал горячую юшку, мамаша успела дважды принять на грудь и, раскрасневшись и став страшнее атомной войны, теперь раскачивалась на своём табурете.

- Вот так вот мы и живем – Любаша денежку зарабатывает, а мама её пропивает, – спела она фальцетом и зашлась в дребезжащем смехе.

Не зная, куда деться от стыда, Люба резко поднялась и вышла из кухни. Поблагодарив за завтрак, Костя вышел следом. Любу он нашёл в гостиной беззвучно плачущей – опустив голову

на руки, она сидела за столом и только часто вздрагивающие плечи выдавали её безутешность. Немного успокоившись, Люба умылась и собралась провожать Костю. Прощались на улице:

- Извини, я сейчас не могу оставить маму одну, встретимся позже, – Люба на секунду прижалась к Косте, а потом протянула листик с номером телефона, – он у нас работает, когда шнур не оборван, – и, поцеловав его на прощание, вошла в подъезд.

В тот же день Костя напился. Пьяный, он пролежал дома сутки, лишь вечером второго января немного придя в себя. Третьего числа, придя на работу, Костя узнал, что числится прогульщиком и в конце недели его поведение будет разобрано на институтском общем собрании. Круто, подумал Костя и пошел опохмеляться. Выйдя на улицу и добредя до перекрёстка, он зашёл в деревянное строение, стилизованное под русский терем и прозванное в народе «Змей-гадюшник». Бойкая молодая, стоя за прилавком, наливала в стаканы сухое молдавское вино. Двое таких же «больных», как и сам Костя, мужиков, морщась, уже потягивали сухарь, охлаждая им горящие внутри трубы. Чувствуя на себе их сочувствующие взгляды, Костя выгреб из карманов кучу медяков и, отсчитав тридцать копеек, протянул их продавщице.

- Што братела, болеешь? – спросил один.

Ничего не ответив, Костя взял стакан и, преодолевая отвращение, медленно выцедил кислую, пахнущую ацетоном жидкость. Почувствовав себя после опохмелки лучше, он решил в обеденный перерыв сбежать в гастроном, к Любе. Распугивая прохожих своим помятым видом, он в полдень добрался до магазина, но Любы там не застал: одна из сидевших за кассами девушек сказала ему, что Люба должна выйти во вторую смену. Узнав об этом, Костя решил прийти сюда после работы.

Было около пяти, когда в отдел, где работал Костя, заглянула секретарь директора:

- Ганкин, к директору!

Когда Костя, дыша перегаром, вошел в директорский кабинет, тот, стоя к нему спиной и внимательно изучая через окно городской пейзаж, процедил:

- Наверно, тебе, Ганкин, на ногах стоять тяжело, так ты не стесняйся, присаживайся к столу.

Подождав немного, он повернулся к Косте:

- За твои художества я должен тебя сегодня же с работы погнать, да вот незадача: никто не соглашается в командировку ехать. У одних – дети, у других – сессия в институте, у третьих – месячные... Так что выбирай, Ганкин: трудовая книжка в руки или билет в Тмутаракань.

«Какого черта, – подумал Костя, – какая такая Тмутаракань? А как же Люба, на кого я сейчас её оставляю?» Но тут откуда-то снизу поползла и в конце концов вошла в голову подленькая, гаденькая мыслишка: а ведь это же выход! Выход из той ситуации, в которую он сам себя загнал, переспав с понравившейся ему девушкой из неблагополучной семьи!

Костя, несмотря на то что был он далеко не ангел, все же считался в своем кругу порядочным человеком. И, как всякому порядочному человеку, жизнь, словно издеваясь, подбрасывала ему таких оторв, что знакомые, узнав об этом, качали головами и говорили:

- Доиграешься ты, Костя!

Костя не считал Любу случайной партнершей по сексу. Он оказался у неё первым мужчиной, да ещё и любимым! По всему теперь выходило, что Косте надо жениться на Любе. «Но как быть с её окружением? – раздумывал он. - Мать – алкоголичка, да ещё буйствующий братец в придачу! Может быть, и Люба со временем станет такой же?»

И Костя, чувствуя себя последним мерзавцем, ненавидя себя за слабость, сказал:

- Еду в эту вашу Тмутаракань, мать её так!

Самолет в Москву улетал утром следующего дня, а дальше, в Домодедове, ему надо было пересаживаться на рейс полярной авиации и лететь на Север, поближе к Полярному кругу. Времени на сборы было в обрез. Но у Кости тогда был еще один вечер – вечер перед отлетом в командировку. У него ещё хватало времени попрощаться, объяснить причину внезапного отъезда. Он не пошел к ней – не хватило духу.

Вернувшись четыре недели спустя, он прямо из аэропорта бросился в тот самый гастроном. Толстая, прокуренная до желтизны заведующая, долго выяснявшая, кем ему приходится Люба, наконец сказала:

- Уволилась она неделю назад. Увез её с собой какой-то морячок. Говорят, на Дальний Восток...

Вот и все. Когда пару лет спустя кто-то сказал Косте, что Люба, бросив своего моряка, вернулась в город, он тут же помчался в старую хрущевку, но никого там не нашел – жильцы куда-то съехали. Лишь на входной двери детским корявым почерком мелом было написано: «Костя – дурак».

Эпилог

Несколько лет назад я побывал в родных краях. Конечно, я не мог не навестить Генку, с которым меня связывает долгая и верная дружба. Мы с ним посидели, выпили, вспомнили молодость, поговорили о жизни, о детях, о женах, о друзьях. Вот тогда и вспомнил я Костю. Когда Генка услышал его имя, он заметно оживился:

- А ты знаешь, Костя неплохо устроился, у него теперь семейный бизнес, – Генка невесело усмехнулся, – если захочешь его увидеть, приходи завтра в одиннадцать часов, он в это время обычно в «Льдинке» сидит, – посоветовал мне он.

В одиннадцать я был уже там. «Льдинка» за эти годы почти не изменилась. То же бочковое пиво, те же столики, тот же устоявшийся запах вяленой рыбы. Только посвежели стены после косметического ремонта да появились мальчишки-официанты, снующие по залу с бокалами пива.

Я сел за дальний столик и заказал кружку местного «Жигулевского». В это время появился Костя. Если бы я не знал, что он должен придти именно в это время, то никогда бы не узнал в этом сухоньком, потёртом человеке с торопливыми жестами и бегающими глазами своего старого приятеля Костю Ганкина. Он или не узнал, или не увидел меня, присев за соседний столик. Когда официант принёс ему пива, Костя схватил кружку двумя руками и, не отрываясь, большими глотками осушил её до дна. Не успел он поставить пустую кружку на стол, как произошёл конфуз. На пороге «Льдинки» возникло существо женского пола, неопрятно одетое, с нечёсанными прядями седых жирных волос, выбивавшихся из-под яркого турецкого платка. Нагруженное двумя сумками стеклотары, оно обвело зал внимательным взглядом, а затем, заметив сидящего за столиком Костю, закричало, перекрывая криком шум работающих под потолком вентиляторов и гул подвыпивших посетителей:

- Ах ты, паразит проклятый, с утра уже засел в гадюшнике! Я по помойкам бегаю, с утра не пила, не ела, а он прохлаждается! А ну, марш работать! – и с этими словами она стала выталкивать Костю из зала.

Когда я, заплатив за пиво, вышел из «Льдинки», Костя, сгибаясь под тяжестью сумок, брел по бульвару в сторону пункта приема стеклотары.

Я ЛЮБЛЮ РОССИЮ

(из сборника «День первый, день последний»)

Австрийский Зальцбург – родина Моцарта, центр христианской духовности, место упокоения одного из самых знаменитых врачей древности – доктора Парацельса. Древняя городская улочка, одним своим концом упирающаяся в подножие отвесной пятидесятиметровой скалы. У стены дома постройки тринадцатого века – небольшой художественный вернисаж. Рослый китаец рисует пером и гуашью, тут же предлагая прохожим свои работы. Цены немаленькие: акварель размером с почтовую открытку предлагает себя за 10 евро. Подходим, рассматривая выставленные работы. Обращает на себя внимание чудесная акварель: городской пейзаж, часть этой самой улицы. Кажется, что картина выполнена одним росчерком пера, а краски лишь подчеркивают изящество воздушных линий. На ценнике – цифра 20.

Видя мой интерес, китаец подходит ближе.

- Нравится?

- Очень! – отвечаю ему.

Художник, услышав мой акцент, расплывается в улыбке:

- Ты из России? – спрашивает он, сразу перейдя на «ты».

- Да, из России, но теперь живу в Германии.

- Я отдам ее тебе за 12 евро, – говорит он.

- Хочешь подарок? – обращаюсь я к своей спутнице и, не дожидаясь ответа, согласно киваю китайцу.

Художник аккуратно сворачивает ватман и, протягивая его мне, тихо говорит:

- Я люблю Россию!

ПИСЬМО МОЕМУ ДРУГУ

Леше Гурзо посвящается

Уходят друзья, тихо закрывая за собой двери квартиры, имя которой «Жизнь». Они уходят незаметно, и я узнаю об этом случайно, много дней и даже лет спустя. Так ушел мой друг, полковник-афганец Володя Шаповал – сгорел за неделю в Киевском военном госпитале: инсульт. Я узнал об этом лишь два года спустя, когда решил поздравить его с очередным Новым годом. Так получилось, что мой звонок совпал со второй годовщиной Володиной смерти. У меня осталось чувство вины перед ним, ушедшим. Как всегда – недоговорили, недопоняли друг друга, поссорились перед самым моим отъездом в Германию. Поссорились из-за пустяка, из-за мелочи, но гордыня не позволила позвонить, объясниться, попросить прощения. А теперь уже поздно!

Вчера, после многих дней поисков в Интернете, разыскал наконец давнего знакомого, поэта Лешу Гурзо. И опять среди обычных в таких случаях «ну как ты?», «а ты помнишь?», как снег на голову: умер наш общий друг, художник Василий Баймут.

Гоголевской птицей-тройкой летит куда-то Русь. Вместе с ней, играя нашими судьбами, летит Время. Давно уже нет Союза, давно на его дымящихся обломках возникли государства, как две капли воды похожие на своего прародителя. Ничего не меняется под этими небесами – все те же «родимые пятна», все то же уродство, все та же калечность. Демократы, националисты, фашисты, коммунисты, бандиты, олигархи... И бедные, замордованные, оплеванные, обманутые люди – граждане постсоветских государств. Оранжевая революция в моей Украине привела к власти очередных временщиков, выливающих друг на друга тонны грязи и компромата, старающихся урвать куски пожирнее, устроить передел награбленного своими предшественниками.

Боюсь быть неточным, но кто-то из классиков давным-давно сказал, что «революции задумывают романтики, осуществляют фанатики, а их результатами пользуются подонки».

Грустно мне. Грустно от чувства собственного бессилия; от того, что не будет лучшей доли у ныне живущих. Сорок лет будут водить новые моисеи народы России, Украины и Белоруссии по пустыням безвременья. Много поколений сменится, пока не выдавят из себя люди, капля по капле, покорного и равнодушного раба. Этого мы, ныне живущие, уже не увидим. Грустно мне еще и оттого, что другие народы, другие государства не будут нас ожидать на обочине Истории. Они не будут ждать чудесного момента, когда славянская птица-тройка с грохотом промчится мимо, оставляя позади мирно и спокойно идущую вперед Европу.

Я живу в Германии уже четыре года.* И еще не готов сказать, что эта страна стала моим вторым домом. Не знаю, станет ли она им завтра, станет ли она домом для моих подрастающих сыновей – слишком мы с ней разные.

Мен-та-ли-тет: в нем кроется загадка наших душ, независимо от национальной принадлежности тех, кто живет сейчас вдали от Родины. У нас, выходцев из «руссланда», как называют Россию местные немцы, есть одно общее. Это то, что объединяет всех нас: мы не европейцы. Мы – азиаты, а точнее – евразийцы. Лишь духовное мы всегда считали главным – материальное у нас считалось второстепенным: такова есть наша православная религия с десятью вечными заповедями, наша великая русская культура и, к сожалению, таково наше уродливое, великодержавное сознание.

Мы часто не понимаем друг друга, хоть и говорим на одном языке, мы не любим себя и своего ближнего, мы редко ходим в церковь и поклоняемся золотому тельцу.

Немцы и похожи на нас, и разительно не похожи одновременно. Если мы стараемся понять, отчего мы такие не похожие, то они ставят нам «диагноз» не задумываясь. Вот один из очень старых примеров: приехала как-то в ГДР по обмену опытом, еще в союзную бытность, делегация советских парикмахеров. Женщины наши – как с выставки: намакияжены, маникюр, прически; помада – ярче пожарных машин; на пальцах, в ушах, во рту – по килограмму золота, духами французскими политы...

Пообщались они с немецкими коллегами, а вечером – банкет. Когда все хорошенько расслабились, хозяева ненароком спрашивают:

- Вы, наверное, очень много зарабатываете?
- Немного, – отвечают наши.
- !? - немая сцена!

Немцы так и не поняли, почему *так* выглядят наши. Желание быть «не хуже других» пусть даже ценой невероятных усилий и лишений – вот что отличает нас от всех остальных. Мы так долго были «где-то там, вдали», мы так хотели «догнать и перегнать»... С петровских времен мы так старались быть «не хуже», что в конце концов стали копировать других, не заметив при этом, что те, другие, уже давно не тот идеал, к которому мы стремились. И теперь, при пустом домашнем холодильнике, мы едем на работу в метро, предварительно вылив на себя флакон

французских духов. Одна моя знакомая из числа наших бывших соотечественников, прожив здесь довольно долго замужем за немцем и уже забывшая, что она русская, говорит:

- Русские будут жить с протекающим унитазом, тратя деньги на кольца.

Да! Мы, обладатели русского менталитета, любим пустить пыль в глаза! Мы можем кутнуть, можем отдать последнее другу и простить врага: такой всегда была и, надеюсь, такую и останется православная Русь. Мы любим иностранцев и все иностранное. Мы перенимаем у западной культуры далеко не самое лучшее, что в ней имеется. Мы, к сожалению, все еще ворует, а наши дороги часто напоминают танковый полигон. Мы не умеем жить экономно; наши политики, наши воротилы бизнеса торгуют направо и налево природными богатствами, не думая о том, что не оставляют шансов нашим детям. Своим – оставляют, нашим – нет!

Но! У нас самые красивые женщины. У нас умные, трудолюбивые дети. У нас хорошая общеобразовательная база (немецкие школьники из выпускных классов в их «дебильнопрограммных» школах не знают многого из того, что знают наши пятишестиклассники). У нас хорошие врачи. Я не говорю «медицина», я говорю «врачи». И у нас есть то, чего нет у них – сила воли в условиях ежедневной борьбы на выживание. Потому что выживание у них и выживание у нас, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

А пока всем плохо: плохо тем, кто остался и плохо тем, кто уехал (бедным плохо везде, не правда ли?). Богатыми стали не многие. В основном, это те, кто обладал реальной властью и при коммунистах. Наше поколение в большинстве своем никогда богатым не станет: не умеем, не научены, испорчены коммунистами. В таком «бедняцком» духе нас воспитали наши бывшие вожди, комсомол и пионерская организация имени В. И. Ленина. Честь им и хвала за наши исковерканные судьбы да промытые с песочком мозги!

В то время как мой ныне успешный, а тогда – двадцатилетний друг Володя Ильин шил самопальные джинсы и «толкал» их всем желающим по десятке за пару, я клеймил с трибуны партийных собраний все то, что было чуждо «советскому образу жизни». Довыступался: идеи оказались фальшивыми; империя, которой мы так гордились, рухнула; бизнес, который так хорошо поначалу пошел – не удался (опять же – не умею, не мое это); жена брюзжит: «У тебя никогда нет денег, лучше бы я вышла за сына академика»; нет любимой работы, нет будущего.

Все мы здесь, в эмиграции, «дети господина Шпермюля». У немцев есть прекрасный обычай: один раз в два-три месяца они избавляются от всего им не нужного. Часто у их ворот попадают вещи очень даже ещё ничего: мебель, электроника – налетай, голытьба русская, бери, что хочешь! Это и есть «шпермюль», а по-нашему – мусор, который мешает им жить. Вот только деньги никто не выбрасывает. Видать, им самим нужно. А еще в Германии тяжелый экономический кризис: полно безработных, казна пустеет, население стареет. Скоро один работающий будет кормить пятерых пенсионеров.

И еще проблема: немки не хотят рожать детей – хлопотно, расходы, можно работу за время отпуска потерять. Вот и живут немецкие фрау, не обременяя себя ни детьми, ни проблемами, оставляя все «на потом», а после сорока пытаются обзавестись детками. Удается далеко не всем и не всегда, и страна стремительно стареет, отдавая пальму первенства в вопросах деторождаемости народам, у которых шестеро по лавкам – не редкость.

У нас, у приезжих, другие проблемы: нет приличной работы, а та, что предлагает специальное ведомство «Арбайтсамт», – тяжелая, грязная, низкооплачиваемая, на которую никто из местных не соглашается. Здесь нужно иметь немецкое образование, быть молодым и здоровым, владеть в совершенстве немецким, английским и обязательно иметь машину – к очень многим предприятиям общественный транспорт не ходит, да и работа зачастую оказывается за многие десятки километров от места жительства. Здесь спокойно, сытно, уютно. Не стреляют, нет рэкета, и, отпуская своих детей на дискотеку, я уверен, что они вернуться, если

Московский BAZAR, № 4 (14) 2014 г. **МОССАЛИТу 5 лет!**

даже и поздно, но без проблем и живыми. На чистых улочках немецких городов вы постесняетесь бросить бумажку мимо урны, а если случайно урны рядом не окажется, вы понесете мусор домой. Здесь, если вам повезет, вы научитесь хорошо и много работать. Здесь вы привыкнете к тому, что городской транспорт ходит по расписанию, а поздней ночью вас за тот же проездной подберет маршрутное такси. Здесь вы постесняетесь взять чью-то чужую, оставленную без присмотра вещь. И наконец здесь вы научитесь жить экономно: вода, газ, электроэнергия – безумно дороги.

Я верю: мы выстоим! Даже если и не победим, то выстоим. Один мой приятель однажды сказал замечательную, совершенно русскую фразу:

- Все со временем устанет!

Подождем же еще немного, научимся терпению, мудрости, толерантности.

А пока мне грустно видеть, как один за другим уходят из жизни мои друзья. Когда-нибудь уйдем мы все, от этого никуда не деться.

А жаль. Так хочется дожидаться чего-то хорошего!

** Очерк написан в начале 2005 года.*

Константин Юон. Зима. 1910 г.

ПРОЗА

Владимир Борисов

(МОССАЛИТ, Москва)

А ТОГДА ЕЩЕ ЦВЕЛ БЕЗВРЕМЕННИК...

Утро в лагере начинается рано. Очень рано. Еще приземистые дощатые бараки, кособокие вышки с прожекторами и высокие заборы, оплетенные колючей проволокой, еле различимы в сером, словно табачный пепел, тумане, а рында - кусок рельса - уже плачет ржавым, заунывным звоном под мерными ударами лома.

Зэка устало (словно и не было ночи с ее неверным отдыхом) поднимаются с нар, молча одеваются и, словно серые тени, словно налитые тифозные вши, выползают на плац.

Поверка. Добротнo одетый офицер с глубокими заедами в уголках губ - дежурный по лагерю, подсвечивая фонарем, обстоятельно проверяет по списку контингент. Заключение горбятся, кутаются в рваные холодные телогрейки, месят раздолбанными ботинками осеннюю грязь.

Холодно. Сыро и гнусно. Над рядами заключенных пар от дыхания. Дурно пахнет порченными зубами, мокрой, прелой тряпкой, отхожим местом. Злобные, надороченные на человечину псы рвутся с поводков. Громкий мат вертухаев, витиеватая феня уголовников, надрывной кашель заключенных.

Осень. После завтрака, баланды с брюквой, у каторжан с полчаса свободного времени. И тут зэка слегка оживают: а как иначе, худо-бедно, а по кишкам разливается живительное тепло баланды и морковного чая. Тут и там раздается смех, кто-то курит, кто-то жуёт заныканный кусок ситного, кто-то матерится длинно и замысловато.

К высокому, рано поседевшему мужику, на голову возвышающемуся над толпой, с наигранно серьезным видом подходят двое из блатных. Пальцы синие от наколотых перстней и крестов.

Один из них, протягивая долговязому папироску, просит, подмигивая окружающим:

- Ну что, Мишка, может быть, расскажешь обчеству сказочку свою, ну, ту, про бабу рыжеволосую... Сейчас, после хамовки, самое время про баб послушать...

Урки посмеиваются, ожидая бесплатного развлечения.

Мишка прикуривает папироску от услужливо протянутого окурка и сверху вниз смотрит на блатных. Как почти все большие и сильные мужики, он доверчив и наивен до придурковатости.

- Да слышали уже небось не раз... Сколько можно, Малахольный? - хмыкнул он, втапывая окурки в холодную жижу.

Малахольный цыкнул сквозь зубы длинной слюной и забожился, дурашливо вращая глазами.

- Да ты что, Мишаня? Когда это я слышал? Да век свободки не видать, коли слышал.

Он щелкнул ногтем большого пальца по зубу и вылепил на физиономии мину внимания.

Мишка усмехнулся, почесал грязное запястье правой руки, торчащее из короткого рукава тесной телогрейки-маломерки и, глядя куда-то поверх голов уголовников, заговорил. Он говорил не торопясь, со свойственной ему медлительностью, в которой, однако, чувствовалась странная горячность и убежденность, как будто и не рассказ из собственной жизни это был, а многократно отрепетированный пересказ некогда прочитанной, быть может, даже в детстве, увлекательной книжки. Книги без начала и конца.

1.

- Я до войны в своем родном селе, в Говорухине, что под Миассом, в ветеринарах ходил. Почитай, весь округ один обслуживал. На мне и телки, и свиньи, и лошади колхозные... Даже живность из миасского городского зоосада - и та на мне: верблюд, слон, пара волков, страус... Любимую кобылу начальника районного ОГПУ, всеми специалистами приговоренную, я спас.

Председатель нашего колхоза товарищ Хомутов мне от фронта бронь выбил как специалисту, необходимому для социалистического хозяйства. Выбить-то выбил, да только стыдно мне было такому здоровому да за чьими-то спинами отсиживаться. В добровольцы пошел. На фронт. Но военком, сука такая, в полевой госпиталь меня определил, в медбратья. Раз, говорит, ты ветеринар, то тебе, Миша, прямая дорога в госпиталь, людей лечить. Врачом тебя, конечно, не поставят, а вот фельдшером или медбратом-то непременно. Хотя...

Тут Михаил тряхнул крупной лобастой головой и с сомнением оглядел слушателей.

Вокруг него стояли кольцом и уголовники, и политические, но фронтовиков, судя по всему, среди них не было, и, отбросив надежду отыскать человека, способного подтвердить его слова, Михаил продолжил:

- Вы, ребята, к медбратьям, а особенно к медсестрам, своего превосходства не предъявляйте. Многим поначалу казалось, будто бы они, эти самые медсестры и медбратья, на фронтах незаслуженно солдатский паек проедали, по блиндажам да землянкам прохлаждались, спирт с глюкозой напополам пили. Пили. Было. Но не больше чем остальные, и если б вы только могли знать, как же это трудно, иной раз под прямым огнем фрицев, наших солдатиков израненных с поля боя вытаскивать. Пару раз туда и обратно сползаешь, кальсоны от пота хоть выжимай. Бывало, все пузо о камни обдерешь, пока его, болезного, до своих окопов допрешь. Сразу и не разберешь, кто из нас раненый: и я, и он - оба в крови, оба рваные... Мне, однако ж, попроще было, чем бабам медичкам. Я мужик был не из хилых... Это я сейчас отощал, хоть в доходяги записывай, а в то время я руками дужку кровати в колесо гнул, так что за братишками подранками я почаще медсестричек своих ползал... Да и не особенно богато было в то время с медсестрами. К сорок третьему в нашем госпитале всего три человека из живого медперсонала осталось.

Кылау Алаканды - молоденькая медсестра из казашек. Как сейчас помню: всегда такая чистенькая, опрятная, росточком маленькая - мне, пожалуй, по пояс будет. Она частенько хирургу на операциях ассистировала. Хотел я ее как-то по весне в лесочке приобнять, приласкать, скажем... Уже на травке с ней расположился, шинель на ней расстегивать принялся, да вовремя одумался. Кто их знает, этих казахов: вдруг после победы, после моих ласк, Кылау ни один уважающий себя мужик замуж не возьмет? Вдруг у них, у казахов, с этим строго? Хотя, братцы, на меня эта девочка с того случая, с полянки той, похоже, обиду затаила. Небось подумала, что я ею, казашкой, побрезговал...

Мария Оттовна Грильборцер - врач-хирург, из поволжских немцев, длинная такая тетка, старая уже, далеко за пятьдесят. Матерщинница отъявленная. Ее наш полковой гэбэшник куда надо пристроить пытался, да вскорости и сам исчез. Говорят, она в свое время вроде бы даже в

Испании какого-то офицера, в будущем большого московского генерала, скальпелем своим с того света разве что чудом умудрилась вытащить. Вот он за нее мазу и держал.

Да я, Михаил Иванович Гуляев, медбрат. Как я уже говорил, до войны в ветеринарах числился...

Гуляев нетерпеливо щелкнул пальцами, и перед ним тотчас возникла прикуренная папироса. Чувствовалось, что история про рыжеволосую здесь, в лагере, и, судя по всему, особенно у уголовников, ценилась.

Мишаня прикурил, проводил задумчивым взглядом уплывающий табачный дым и продолжил:

- Мы тогда под Верхним Адагумом стояли. Май. Все вокруг цветет. Днем такая жара стояла, что хоть до исподнего оголяйся, но вечера, однако ж, вполне себе прохладные. Да еще ближе к полночи с гор туман сползал, ну как снег с крыши по весне... А метрах в пятидесяти ниже нашего санитарного блиндажа протекала река. Хорошая такая река, чистая, спокойная. По берегам в ракитах и вербах утопала.

Немцы раз пять ночами через нее переправу сооружали, но ребятки из нашей 98-й танковой бригады (а мы вместе со всем персоналом тогда именно к ней были приписаны) раз за разом все их усилия сводили на нет: и переправу крушили, и контратаки отражали...

Раненых тогда мало было. Все больше обгоревшие. Танки, братцы, они хоть и железные, а пылают, словно ваши спичечные коробки.

Страшно.

Соляркой пахнет, резиной и обгоревшей плотью. Иной раз с носилками к танку подползешь, а там уже из живых и нет никого. Угли. Угли в шлемах. Лишь зубы белые светятся... Страшно.

Так что раненых в тот месяц у нас было немного. Их нам в основном из соседнего района доставляли. Возле железки, что по территории совхоза «Пятилетка» проходила, бои в те дни жаркие были... Ну а у нас затишье... Можно сказать, курорт.

Ну так вот, сидим мы как-то все втроем на бревнышке, что от постройки санитарного блиндажа осталось, на солнышке, что твои воробушки нежимся, разве что не чирикаем.

Мария Оттовна одну за другой курит, после операции в себя приходит, отдыхает. Кылау Алаканды на коленку листок бумажки пристроила - письмо домой пишет. А я за пчелками наблюдаю... Много пчелок, много... Чувствуется, что где-то рядом либо ульи, либо дикая колода какая... Оно конечно, насчет меда пока еще рано к пасечнику подходить, май на дворе, но вот дикое гнездовье дело иное: там еще прошлогодний медок мог сохраниться...

Только я приподнялся взглядом пчелку проводить да заодно из кармана шинельки кисет с махоркой достать, как вижу: из-за солнца прямо на нас самолет немецкий. Бомбу одну за другой кладет, словно знает, где блиндаж наш притаился... Одна из них прямехонько по центру реки упала. Вода, казалось, из берегов навсегда вышла, ан нет, пена сошла, волна успокоилась, а на воде что-то закачалось. Со свету и не разглядеть: то ли бревно, то ли сома оглоушило. Вскочил я с земли (нас взрывной волной аккуратно за бревнышко бросило) и побежал к реке. Вот, думаю, удача: к ужину рыбки нажарю...

Подбежал. Спрыгнул с небольшого песчаного обрывчика, ласточками облюбованного, и в воду. А там, среди листьев кувшинки, рыбы оглоушенной да мусора, со дна реки бомбой потревоженного, спиной вверх девица. Одному богу известно, отчего сразу не утопла. Совсем голая она была, если не считать длинной тонкой рубашки из домотканого полотна да волос огненно-рыжих, что вокруг головы по течению змеились. Схватил я девицу подмышки и скоренько, скоренько на наш бережок. Под куст вербы, что уже переспевшими желтыми бархотками усыпана.

Успел. Немец с того берега чухнулся, наобум из пулемета по кустам прошелся - от силы с ладонь над моей головой очередь прошелестела. Веточки с только-только проклюнувшимися листочками за шиворот посыпались.

Заворочалась рыжеволосая у меня в руках, забилась, ровно рыбка золотая. Похоже, хорошо ее контузило. Смотрит на меня в упор своими глазищами, но как будто не видит. А глаза у нее, словно крыжовник недозрелый: зеленые, в пол-лица. Красивая она была, чертовка, очень красивая. Я таких, пожалуй, и не видел никогда. Стянул я с девицы через голову рубашку ее, насквозь мокрую, в шинельку свою колючую укутал: весна весной, а вода еще покамест очень холодная, пьешь - зубы ломит. Смотрю я на нее, словно дитя, на руках покачиваю, а сам голову ломаю, понять не могу: ну какой леший ее голышом в реку погнал? Что она там позабыла? Ладно, думаю, потом, когда в себя придет, спытаю, а сейчас главное - ее до госпиталя дотащить, шутка сказать, такая бомба совсем рядом с ней разорвалась.

Решил я девушку через плечо перебросить, словно куль, приподнялся и тут же на колени бухнулся. Еще бы! Между пальцами ног утопленницы моей рыжей увидел я розовую, почти прозрачную перепонку.

-Ох, б..дь... Так вот вы какие, русалки... Не зря, видно, про вас говорят: те же черти, только рыжие...

Гуляев замолчал, и лишь крупные желваки заходили под темной обветренной кожей. Заключенные, похоже, все еще находясь под впечатлением рассказа, тоже молчали.

- Ну а дальше, дальше-то что?

Малахольный нетерпеливо подался вперед. Неподдельный интерес смыл с его лица, порченного оспой, обычное презрительно-насмешливое выражение.

Михаил, как будто это само собой разумелось, выудил у Малахольного из кармана мятую папиросу и, прикурив, продолжил глухо и зло.

- Дальше? Хотел я русалку эту тут же обратно в реку бросить, но глянул еще раз на лицо ее, на плечи, на пальчики ног с еле заметной розоватой перепонкой и не смог. Не смог. Холодно там было, да и немец с пулеметом, сука нерусская, все никак не угомонится. Забросил я ее, братцы, на плечо и пошел по тропинке вверх, в блиндаж наш, тем более что Мария Оттовна уже несколько раз мне платком маячила, мол, пора бы и возвратиться... Прибавил я было шаг, да вдруг с особой ясностью вспомнил злые, мстительно прищуренные глаза казашки нашей, Кылау Алаканды.

Донесет, как пить дать донесет медсестричка наша. Как только увидит ножки русалки моей, так в Особый отдел и отпишется. Женщины, ребята, это очень странные существа. Они иной раз побои и измену легче переносят, чем пренебрежение мужское...

Прикрыл я ладонью ступни своей утопленницы, когда в землянку заходил, ну а там - шашь к своей койке. У меня под матрасом пара носков шерстяных. Натянул я их девчонке на ножки, бечевкой у щиколоток подвязал, чтобы не спадали, а сам быстрее к немке за консультацией.

Увидела Мария Оттовна на руках у меня русалку и тут же указала на операционный стол.

2.

- Ну а вы что, глухари, совсем хрен за мясо не считаете? А ну, живо на работы согласно разнарядкам!..

Гуляев вздрогнул, глянул укоризненно на исходящего матом дежурного офицера и, ссутулившись, направился к колонне работяг - мужиков и политических. К высоким, щедро обмотанным колючей проволокой воротам.

- Эх ты, г..но в погонах... Такую песнь обо...л.

Малахольный сплюнул, зыркнул на офицера злым глазом и в окружении уголовников зашлепал к барaku: ворам работать по статусу не полагалось.

- Эй, Михаил Иванович! - уголовник неожиданно встрепенулся. - Ты сегодня в наш барак после отбоя приходи, доскажешь свою историю...

- А может быть, тебя, паря, еще на двор сносить покакать?

Великан добродушно ухмыльнулся и пропал за воротами.

...Дождь проплакал весь день, и лишь к вечеру слегка распогодилось.

Гуляев, весь день проработавший на погрузке песка, нет-нет да и возвращался в мыслях к той своей, рыжеволосой, зеленоглазой девочке.

...Как только русалка отошла от контузии и уже без посторонней помощи стала передвигаться повдоль стен госпитальной палатки (блиндаж к тому времени расшвыряло прямое попадание тяжелой авиационной бомбы), хитромудрая немка начала незаметно, исподволь, натаскивать гуляевскую подопечную на роль хирургической медсестры. Тем более что казашка, та самая Кылау Алаканды, как-то ночью, зацепившись в темноте за что-то носилками, сгорела заживо вместе с молоденьким солдатиком, чьи крики и стоны она слышала сквозь кваканье минометов и мерный шорох мелкого дождя.

Утром возле прокопченного остова сгоревшей машины, заметив оплавленные дюралевые ручки санитарных носилок, Мишаня нашел и сестру милосердия. Ее маленькое тельце, казалось, накрепко спеклось с останками долговязого молодого паренька.

Гуляев, скрипя зубами, вдыхая мерзкий запах обуглившейся плоти, совсем еще недавно бывшей молодыми здоровыми людьми, вынес и захоронил, не разделяя тел, и казашку, и солдатика.

Вечером пьяный и раздавленный Мишаня, глядя сквозь хмельные слезы на свою рыжеволосую, раз за разом с пьяным упорством все пытался и выспрашивал имя девушки.

- Нет, ты мне все ж таки скажи: ну как твое имя? Мамаша тебя как при рождении обозвала?

Девушка говорила медленно, старательно выговаривая слова, голосом низким и глуховатым, говорила не то что бы с акцентом, а как-то непривычно, словно совсем недавно выучилась русской речи.

Получалось, что имени у нее до сих пор нет, дескать, у их народа имена девушкам даются только по исполнению им семнадцати зим. Мол, только так можно обмануть хитрое и кровожадное божество - Чернобога, всеми правдами и неправдами желающего заполнить в свои лапы не только чистые и непорочные девичьи души, но и сами их тела.

Гуляев смотрел, нет, погружался в травяную зелень ее глаз и, уже засыпая, сполз обессилено к ее ногам, вяло обнимая их, бормотал устало и умиленно...

- Так вот вы оказывается какие, русалки-то... Красивые...

3.

Известие о победе дважды контуженного и даже слегка раненного Михаила Ивановича Гуляева и его молодую супругу Анастасию застало в Кенигсберге.

Мария Оттовна Грильборцер (подсуежилась, добрая душа) выправила для девушки настоящие документы и, прощаясь с молодоженами, шепнула им как бы невзначай:

- Дуйте, ребята, к себе на Урал да постарайтесь там лишний раз не высовываться... Люди вокруг разные. Да, кстати, девочка моя, перепонки между пальцами я бы вам рекомендовала уничтожить. Операция минутная, но уверена: бесполезная.

4.

Михаил Гуляев со своей молодой супругой поселился в небольшом опрятном домике в двух шагах от озера. Из сродственников Михаила в живых никого не оказалось, так что новоселье прошло довольно скромно. Несмотря на то что Гуляев опять вернулся на свою должность, жили они с Анастасией, мягко говоря, небогато. Деньги, которые любой иной ветеринар, разумеется, принимал бы, Михаил брезгливо отвергал, отчего и слыл в своем Говорухине человеком хоть и честным, но глупым. Вроде бы даже дурачком.

Гуляев не обижался, работу свою выполнял старательно, но с односельчанами, даже с ближними соседями, накоротко не сходилась, от мужинских посиделок с разговорами «за жисть» старался отвертеться и все свободное время проводил со своей рыжей супружницей.

Она, кстати, также старалась ни к кому особенно из баб не прикипать. Благо у Гуляевых был свой колодец, и лишних причин выходить на люди у Анастасии не было. Так бы и жили Гуляевы бирюками в родном селе, тихо да себе на уме, как вдруг пронесся слух: на краю своего огорода, что почти вплотную подходил к озеру Кисегач, Михаил Гуляев для своей Анастасии купальню сооружает.

Ну уж мимо данного факта суровые до правды говорухинцы пройти никак не могли. Еще бы, последняя купальня из многих в свое время построенных по песчаным пляжам Кисегача, так сказать, наследие гнивающего монархизма, была сожжена еще в 1920 году, сожжена вместе с креслами и легкими столиками. А крашенное в голубой кровельное железо, сорванное крестьянами с детских грибочков и заброшенное ими же в ближайший омут, давно уже сожрала безжалостная ржа.

И вот на тебе, через два года после победы, когда страна еще не поднялась из руин, какой-то самый обыкновенный советский ветеринар, пусть и даже и дважды контуженный, сооружает для своей ветеринарши купальню.

- Что-то здесь не то... Ж..ой чую, что-то здесь не то... - хмыкнул краснорожий, вечно полупьяненький местный участковый, разглядывая через морской бинокль с чердака собственного дома кучу досок и бревен, заготовленную Гуляевым для своей эпохальной стройки.

Участковый вскорости уснул, прилипнув обслынявленной щекой к своему биноклю, и всю ночь в тяжелом, политически безграмотном сне доказывал товарищу Сталину вред купания на сытый желудок, называя при этом генералиссимуса Советского Союза Оськой и своим в доску парнем, которого хоть туда, хоть сюда...

Вопреки пересудам, руки у Михаила Ивановича Гуляева росли оттуда, откуда надо, и уже через неделю на обрывистом бережке, что возвышался на задах гуляевского огорода, красовалась купальня, старательно сколоченная ветеринаром из свежеструганной, розовато-желтой кедровой доски. Крепкие двухметровые столбы, срубленные из молоденьких лиственниц, отвесно уходили в воду, хрустально-прозрачную и студеную. И полы, и стены купальни поражали стройностью линий. Похоже, Мишаня делал презент своей рыжеволосой благоверной, не выпуская из рук ватерпаса. Крышу купальни, покрытую деревянной черепицей, венчал петух, выкрашенный оранжевой краской, с широко разинутым хайлом.

В первую же субботу, аккуратно перед баней, чета Гуляевых обновила купальню.

Легкий туман, кутившийся над черным зеркалом ночного озера, разве что чуть-чуть заглушал громкие крики Михаила и счастливые стоны Анастасии.

Местные бабы, с грохотом захлопывая окна и форточки, сердито фыркали, поглядывая на своих мужиков презрительно и зло...

Постепенно и не торопясь второе послевоенное лето уходило за лесистый горизонт, темно-зубчатый от разлапистых елей, лишь кое-где разбавленный желтыми мазками стволов вековых сосен да пестрыми кляксами рано краснеющих кленов.

5.

Почти все жители сел и деревень, разбросанных по берегам Кисегача, так или иначе кормились при вокзале. Время было довольно голодное, и каждый нес к проезжающим поездам что только мог. Кто отварную картошку, посыпанную крупной солью и мелко нарубленным зеленым лучком, кто вяленую красноглазку, твердую, как фанера, и белесую от соли, кто жареные пирожки с капустой или щавелем, а кто раков красных вареных.

Когда Анастасия впервые увидела на перроне торговцев раками и поинтересовалась стоимостью за дюжину, она долго, до кашля смеялась и ушла, смеясь, провожаемая недоуменными злыми взглядами торговков.

Михаил в сарае сгребал деревянной лопатой сухие и твердые, словно дробь, козы какашки (коза Аврора покамест была единственной живностью молодой семьи Гуляевых), когда перед ним с мешком на молочно-белом плече появилась голая русалка.

- Миша...

При звуке ее низкого, влажного голоса губы его тотчас же растянулись в счастливой улыбке. Отбросив лопату, Михаил обхватил Анастасию и прижал ее, теплую и родную, к себе, забыв на миг и про лопату, и про козы орешки, и про саму козу, нетерпеливо выбивающую дробь розовыми копытами.

- Завтра воскресенье, Мишка. Так что готовься - с утра на станцию... Раков понесешь.

- Раков? - Гуляев осторожно поставил девушку на скамеечку и, бесстыдно рассматривая супругу, все ж таки поинтересовался.

- Тося. Какие раки? У меня и раколовки-то нет...

- Да ты, Миша, похоже, совсем забыл, какая я тебе досталась... Эх, ты...

Она рассмеялась и по доскам, хорошо заметным в темноте, направилась к купальне.

Через минуту скрипнула калитка на задах и раздался всплеск воды.

Гуляев, хотя и знал о способностях своей Анастасии находиться под водой довольно долгое время, тем не менее поспешил в купальню. Способности способностями, но Кисегач это вам не речушка под Краснодаром. Здесь глубина до сорока метров доходит, да и вода из-за множества ключей, бьющих со дна, ледяная даже в жаркие летние дни.

Михаил скинул куртку и лег голым животом на влажные от первой росы доски. Хорошо вокруг. Тишина. Лишь где-то на противоположном болотистом берегу озера плачет в тоске выпь - громко и трагически.

Желто-лимонный серп луны беззвучно плюхнулся в антрацитовые воды озера и задрожал мелкой, чуть заметной рябью.

Неожиданно тяжелый мокрый мешок, полный шевелящихся раков, шлепнулся перед Гуляевым.

А вот и сама русалка, голая, в мелкой капле воды по светлой коже, поднимается по лестнице. Увидела Мишаню, сомнения его по позе по лицу прочла и всплакнула благодарно.

- Спасибо тебе, родной мой, за то, что любишь меня так. За то, что не побоялся меня и не побрезговал мной. Спасибо тебе, хороший мой, что к ногам моим ты скальпелем так и не прикоснулся. Знаю! Знаю точно, что частенько ты думал об этом, ан все одно не решился... Спасибо.

- Да ладно тебе, Тоська... Разговорилась... - стушевался мужик и, бросив на одно плечо мешок с раками, а на другое - девушку, двинулся к дому.

Уже через пару недель слава о гуляевских раках пошла по всей Южно-Уральской железной дороге. Еще бы, ведь раки, что дважды в неделю добывала Анастасия, отличались огромными размерами, по сравнению с которыми раки у остальных торговцев выглядели мелкими задохликами. А уж как их варил Михаил, какие специи он кидал в кипящее ведро, одному богу было известно. Одним словом, славные были раки... Славные.

6.

...За Анастасией пришли в осень сорок седьмого, тогда еще буйно цвел безвременник, чьи бледно-лиловые, хрупкие на вид цветы она так любила.

В тот день Михаил с раннего утра уехал в Челябинск на краткосрочные курсы по повышению квалификации и домой в Говорухино вернулся только через сутки.

Все в доме было перевернуто, и даже вместо небольшого стожка сена, заготовленного Михаилом для козы Авроры, по огороду измочаленные ветром мотались желтые ошметки, жалкие и влажные от росы.

Не переодевшись и даже не скрутив ордена с парадного гражданского костюма, Гуляев вскочил на лошадь и помчался в Миасс, туда, где на бывшей Купеческой площади в высоком трехэтажном доме красного гранита расположился районный НКГБ.

В приемной начальника НКГБ майора Быка Романа Борисовича никого не было. На стенах вперемежку с портретами вождей висели крупные гравюры и литографии с изображениями лошадей. Михаил вспомнил, что в свое время политрук Бык был комиссаром отдельного эскадрона и якобы даже дружил с Буденным.

Толкнув высокую, обитую темной искусственной кожей дверь, Гуляев оказался в кабинете. Прямо перед ним на темно-вишневой ковровой дорожке, вольготно расщеперив поджарые ляжки, задрав платье по самые груди, на спине лежала молодая долговязая женщина, секретарша Романа Борисовича. Сам же майор Бык, кривоногий, коротковатый мужичонка, с тугим, словно у бабы на сносях, брюхом, со спущенными до сапог галифе, стоя на коленях рядом с девахой, шумно сопел и возился с упрямо-неподатливой новенькой портупеей.

Резко обернувшись на скрип двери, майор Бык коротко, но, однако же, незлобиво кинул:

- Ну-ка, Михаил Иванович, выйди из кабинета. Там, в предбаннике, у Женьки на столе, газета свежая лежала. Почитай пока... А я скоро освобожусь... У портупеи, мать ее, кожа, как подметка, жесткая. Хрен расстегнешь!..

- Ну и какого ты сюда пришел, Михаил Иванович? Мало того, что рабочий день без уважительной причины прогуливаешь, так еще и мне работать мешаешь...

Майор Бык расхаживал по кабинету, неторопливо при этом оправляясь, и, несмотря на маленький рост, с каждой застегнутой пуговицей становясь все более и более значимым.

- Но, товарищ Бык! - слегка одурев от кругов, нарезаемых майором, вскочил Гуляев. - За что Анастасию-то забрали?! Она же после контузии и так почти не разговаривает... Только со мной, да и то только на хозяйственные, допустимые темы... Уж поверьте, товарищ майор, да если бы эта дура хоть что-то антисоветское вылепила, или, к примеру, против товарища Сталина плохое задумала, да я б ее самолично к вам в кабинет притащил. Слово коммуниста - притащил бы...

Гуляев возвышался над майором и торопливо расстегивал на груди рубаху: то ли хотел перекреститься, то ли достать завернутый в тряпицу партбилет.

- А ну-ка, притухни, гражданин Гуляев...

Что-то неуловимо изменилось в пухлом и на первый взгляд добродушном лице хозяина кабинета. Изменилось и стало настолько страшным, что Михаил присел на стул и, поджав ноги, сгорбился, словно попытался стать меньше...

- Ты что, младший лейтенант медицинской службы гражданин Гуляев, себе позволяешь? Думаешь, медальки нацепил, так все можно?

Романа Борисовича было теперь не узнать. Большой и внушительный, он раз за разом больно тыкал пальцем с обкусанным ногтем ветеринару в грудь, туда, где розовел шрам от осколка, полученного Мишаней перед самым концом войны.

- Ты, бляди кусок, забыл где, в каком кабинете находишься? Здесь полковники и генералы мои сапоги за честь считали облизать... Здесь ломали всяких, а не только ветеринаров или их баб, русалок...

Гуляев ошарашено вскочил, а майор Бык очень натурально удивился:

- Да ты что, паря, ты действительно думал, что подобные факты могут пройти незамеченными мимо наших славных органов? Да у меня на твою Тоську уже три доноса, вернее сказать, три сигнала, зафиксированы. Сам видишь, настоящие советские люди и в нашем захолустье встречаются... А то ишь какой честный выискался... Дескать, самолично к вам в кабинет притащил бы... Слово коммуниста... Хреновый из тебя коммунист, гражданин Гуляев. Хреновый.

Майор успокоился и, обойдя стол, сел на высокий мягкий стул.

- Не бзди, Михаил Иванович. Ничего с твоей бабой не случится... Она сейчас по личному приказу Министра госбезопасности Виктора Абакумова на Черном море боевых дельфинов дрессирует. Так сказать, в качестве инструктора живет себе в санатории и дрессирует...

Майор закурил, ладонью отогнал дым и со скукой глянул в окно...

- А, в санатории... Дельфины... Инструктором оно, конечно...

Поднялся было Гуляев, но, взглянув на гэбэшника, вдруг понял, последней клеточкой почувствовал - врет майор. Врет...

- Но, Роман Борисович... - загундосил Мишаня, внимательно вглядываясь в узкие, заплывшие глазки офицера. - Анастасия ведь не то что бы совсем русалка... У ней даже и хвоста-то нет... Да она соленой воды и не видела никогда. Она, товарищ майор, как бы это половчее выразиться: она пресноводная... Где она?! Признавайтесь! Живо!

Ветеринар вскочил и саданул кулачищем по граненой хрустальной чернильнице.

Брезгливо вытирая платочком лиловые пятна чернил с лица и шеи, Бык вдруг ухмыльнулся, словно дешевая вокзальная шлюха, и поинтересовался у задыхающегося Гуляева:

- Значит, молодой человек желает знать, где в настоящий момент его благоверная отдыхает? Извольте, лейтенант... Ты, конечно, видел, чем я на полу занимался со своей секретаршей?

Михаил, ожидавший чего угодно, только не подобного вопроса, растерялся.

- Эх, ты, фронтовик... Тюря!

Майор хохотал, вытирая слезы, при этом еще сильнее размазывая чернила по лицу.

- Да я свою секретаршу, Евгению Петровну Новодворскую, просто-напросто паялил. Да-да, паялил... И паялил я ее не оттого, что уж очень она хороша как баба. Совсем нехороша. Костлява и страшна. А оттого, что мамаша моя у еённых родителей аж до самого двадцать третьего года в кухарках числилась. Мне иной раз в кармане огрызки хлеба приносила... Со следами зубов и губной помады. А я ел... Ты понял меня, Гуляев? Ел! Эта сучка, конечно, ничего не помнит, но я, майор НКГБ Бык Роман Борисович, ничего не позабыл. И не позабуду...

- Ну а причем здесь Тося? Анастасия, то здесь, каким боком?

Ошарашенный откровениями гэбэшника Михаил снова поднялся.

- Причем, говоришь? - Майор закурил и, быть может, впервые посмотрел на Гуляева, как на человека равного... Посмотрел грустно и обреченно. - Жаль мне тебя, паря. Искренне жаль. Специалист ты от бога в своем деле, в ветеринарии, это любой в нашем районе подтвердит, да и на войне, судя по наградам, ты тоже отличился. Не из труселявых оказался... Ну а раз так, раз ты мужик нормальный, то и поймешь меня с первого раза, поймешь и, уверен, болтать не станешь. В Москву увезли твою русалку. Теперь ее не ты, а спортсмены водолазы будут плятить... Там (Бык махнул куда-то в потолок тлеющей папирсой) решили, что твоя жена сможет еще несколько таких же, как она, русалок родить... Чем больше - тем лучше! А это, сам понимаешь, дело важное... государственное. Я еще удивляюсь, отчего насчет тебя никаких поручений не поступало. Странно...

7.

Уголовники пришли в барак к работягам ближе к полуночи.

Малахольный присел на деревянный табурет рядом с нарами Гуляева. Сытно рыгнул водкой и мясом.

- Ну что ж ты, Мишаня, не пришел-то ко мне? Я ждал. Специально по такому поводу ребятки собаку сготовили, водки достали... Всем обществом тебя ждали, а ты не соизволил... Борзеешь, фраерок. Думаешь, раз вымахал с версту, так тебя и укоротить сложно? Пика, брат, любого дылда на раз вдвое сложить сможет.

Михаил резко поднялся и сел на нарах, отбросив вытертое бумазейное одеяло. При тусклом свете одинокой дежурной лампочки большое и сильное его тело казалось вырезанным из темного узловатого кипарисового корневища.

- Напрасно ты меня, Малахольный, пикой стращаешь. Я смерти давно уже бояться перестал. Да и не живой я. То, что я, как все, на работы хожу, баланду ем, папиросы ларечные курю да воздухом этим гнусным дышу, совсем еще не означает, что живу я. Все это видимость одна, обманка... Я, земля, еще в кабинете у Быка подох. Раз и навсегда. Оттого, наверное, и убивать-то его не стал, Романа Борисовича нашего. Сразу понял, безнадега все это: девочку свою я уже не увижу, с Лубянки не выдерну. Хоть Калинина, хоть Берию, хоть Абакумова прошениями да письмами своими слезными засыплю. Врезал майорке раза, так, слегка, чтобы только дрожь в руках поубавилась, стол в окно выбросил да и пошел...

- Куда? - Малахольный подался вперед. - Куда пошел-то?

- Как куда? - Гуляев, похоже, и в самом деле удивился недогадливости уголовного. - Да домой, конечно же. Козу-то, милок, кормить ежедневно нужно да и доить тоже...

P.S.

Из документов дела гр. Гуляева Михаила Ивановича, 1921 г.р., осужденного 8.12.48 г. филиалом Челябинского городского суда закрытым судебным заседанием и приговоренного, согласно УК РСФСР по совокупности статей: 58-1г, ст. 58-8, ст.58-14, к 18 годам ИТЛ.

1. «Начальнику особого отдела 98-й танковой бригады капитану Линеvu А. А. от санинструктора Назаровой Кылау Алаканды.

Довожу до вашего сведения, что ст. сержантом мед. службы Гуляевым М. И. 6 мая 1943 г. в районе Верхнего Адагума во время авиационной бомбардировки из реки была выловлена контуженая женщина европейского типа, с трудом разговаривающая на русском языке. Предполагаю, что данная женщина может быть немецкой шпионкой.

11 мая 1943 г. Назарова К. А., кандидат в члены ВКП(б)».

2. «Начальнику НКГБ г. Миасса майору Быку Роману Борисовичу от участкового оперуполномоченного государственной милиции РСФСР при Говорухинском сельсовете ст. лейтенанта Мозглякова.

Донесение.

Хочу сообщить вам, что в ходе оперативных наблюдений было выявлено, что ветеринаром Гуляевым М. И. на берегу оз. Кисегач была сооружена единоличная купальня из пиломатериалов, приобретенных у лесничего Фролова И. П. за две бутылки спирта (1 литр). А также хочу сообщить, что супруга вышеупомянутого Гуляева М. И. Анастасия Владимировна Гуляева (документы проверены, в порядке) во время купания и охоты за раками может находиться под водой более 25-30 минут.

14 сентября 1947 г. Ст.л. Мозгляков».

3. «Министру госбезопасности генерал-полковнику Виктору Семеновичу Абакумову. Лично. Срочно.

Хочу сообщить вам, что мною задержанная гр. Анастасия Владимировна Гуляева 1923 г.р., г. Херсон, может находиться под водой без вреда для своего здоровья и без всяческих приспособлений для подводного плавания более 30 минут. При внешнем осмотре тела гр. Гуляевой никаких отклонений от общепринятых норм типа рыбьих жабр замечено не было. Исключение составляют небольшие кожистые перепонки между пальцами обеих ног. По заключению присутствующего при осмотре гр. Гуляевой полковника мед. службы доктора наук Байбак Ю. С., подобные перепонки могут быть примером ярко выраженного атавизма, который, впрочем, столь долгое нахождение под водой гр. Гуляевой объяснить не может.

16 сентября 1947 г. Начальник НКГБ. г. Миасс майор Бык Роман Борисович».

ПОЛУСТАНОК 34-Й КИЛОМЕТР

1.

Зима затягивалась. По календарю было уже начало марта, а весной еще даже и не пахло. Рыхлый, тяжелый снег беспрестанно сыпал из серого низкого поднебесья. Мощные, в руку толщиной ветки кедров и сосен под тяжестью снега прогибались, насколько это было возможно, а потом ломались с громким ружейным треском. Каждую ночь к полустанку подходили волки. Машка частенько слышала их тоскливый вой совсем рядом с домом. Коза, Наталья Сергеевна, единственная животинка в их с отцом небольшом хозяйстве, жалобно блеяла в своем сарайчике и дробно стучала копытцами по дощатому настилу. Отец, если он в это время был тверезый, выходил на крыльцо и наугад палил сразу из обоих стволов своего старенького ружья по темно-серым теням, скользящим по лиловому в ночи снегу. Стая уходила, чтобы на следующую ночь вновь вернуться к полустанку.

Когда же отец был пьян и либо спал на незаправленной расшатанной металлической кровати с потускневшими шарами, либо вполголоса напевал тоскливые каторжанские песни, сидя за столом, Машка обычно лежала в своей комнате без сна и, бесконечно долго глядя на черное замороженное окно, вслушивалась в приближающиеся надрывы волчьего воя. Раньше, еще четыре года назад, когда была жива Машкина мать, отец столько не пил, а если и пил, то был все ж таки добрее и руки не распускал. Иногда, по крупным праздникам, он, усадив Машку и мать на жесткое сиденье небольшой ручной дрезины, вывозил их в город, где они всей семьей сначала ходили в кино, а потом, ближе к вечеру, долго бродили по магазинам, закупая

продукты на месяц вперед. Машка страшно любила такие поездки. И не столько от того, что ей в тот день перепало что-нибудь из сладкого: огромный, в ладонь величиной карамельный петушок или мохнатый клубок сахарной ваты на длинной палочке. Нет. Дело, скорее всего, было в том, что отец в такие дни был по-настоящему добр к матери, смеялся и шутил, а Машку даже катал у себя на плечах, и все прохожие, улыбаясь, оглядывались на них, завидуя их веселому и дружному семейному счастью.

Но четыре года назад Машина мать пошла в тайгу за первым весенним медом и не вернулась. Местный егерь привез к ним на полустанок ее велосипед, обнаруженный им километрах в пяти от полустанка, со следами крови на раме. Тотчас же по округе поползли слухи, что в тайге объявился не то тигр-людоед, не то рысь подрянок. Одним словом, группа охотников под руководством все того же егеря, проплутав по тайге несколько суток, пришла к Машиному отцу ни с чем.

Получив в поселковом совете справку о том, что супруга его Екатерина Ивановна Давыдова пропала без вести, отец запил. Крепко и всерьез. И лишь иногда, в редкие минуты просветления, он, сквозь похмельные слезы вглядываясь в лицо дочери, шептал, повторяясь и путаясь в словах, словно в горячечном бреду:

- Господи, Машка... До чего же ты похожа на мать... Даже страшно делается... Уж лучше б ты скорее вылетела замуж... Не доводила бы меня до греха...

Машка, а ей на днях уже исполнилось тринадцать, одновременно догадываясь и страшась понять истинную подоплеку его слов, испуганно глядя на отца, на его сильные, дрожащие руки, молча пятилась в свою комнату и старалась как можно реже попадаться ему на глаза. Ночами она, прежде чем раздеться и лечь спать, подпирала дверь тяжелым ухватом с лоснящимся темным древком. Перед сном девочка вставляла на коленки и, глядя на простенькую иконку, отштампованную на картонке, шептала наивную молитву, придуманную ею самой:

- Господи! Боженька! Ты, наверное, все можешь? Ведь не зря же у тебя такие грустные и умные глаза. Сделай так, чтобы мама моя нашлась, и чтобы отец снова стал добрым и трезвым, и чтобы снова мы, как и прежде, ездили в город на дрезине. Спасибо тебе, боженька за то, что выслушал меня. И кстати, когда ты решишь мне помочь, не забудь, что меня зовут Машей. Маму мою Катей, а отца Сергеем. Давыдовы мы, боженька. Давыдовы...

2.

...Отец колот на дворе дрова, злой и трезвый. От его мокрого от пота старого свитера валил пар. Терпко пахло свежей березой и мужским потом. Машка подошла к нему и, наклонившись, подобрала с истоптанного снега несколько полешек.

- Папа, ты разрешишь мне на дрезине съездить в город? Сегодня в ДК концерт по случаю Восьмого марта. Мне в школе за хорошую учебу дали пригласительный билет. Говорят, из самой Читы артисты приехали... Разреши, а?

Отец резко вогнал топор в чурбан и, устало распрямившись, повернулся к дочери.

- Артисты, говоришь?

Он присел на припорошенную снегом скамеечку, отломил у сигареты фильтр и, закулив, закашлялся громко и надсадно.

- Знаю я твоих артистов. Опять к Клепикову Ваське на свидание намылилась... Нет? Да не ври ты мне, Машка. Тебя на Рождество бабы наши поселковые с ним в клубе видели. Ладно бы с кем, а то с Клепиковым...

Он отбросил окурочек и, харкнув на снег темной мокротой, резко поднялся.

- Да его папаша, сцепщик, коммунака хренов (тебя тогда еще и в проекте не было), меня чуть под статью не подвел. Сука! Из замначальника вокзала меня сюда, на этот долбаный 34-й километр скинули. Якобы я цистерну спирта на запасные пути отогнал... Ну, отогнал, так не загнал же...

Он пошел к дому, тяжелый и грузный. И уже в дверях, сбивая снег с валенок ветхим веником, усмехнулся, глядя на дочь:

- Ты, Машка, про Ваську своего прыщавого забудь. К тебе егерь из-под Каменок сватается. Тот, чья супружница в прошлом году от туберкулеза загнулась. Справный мужик. Всегда при деньгах. Да и дичь опять же...

Машка отпрянула и, прижавшись спиной к занозистой стене стойки, прошептала, с ужасом глядя на отца:

- Да он же старый, папа! Он же, наверное, старше тебя будет? Как же тебе не совестно?

- Ничего... Небось не старше. Вот в этом году восьмилетку закончишь - и баста. Под венец. У него сам председатель горисполкома в знакомцах ходит. Какие нужны бумажки влекую выправит. Кстати, егерь сегодня заехать грозился. Так что жди. Невестушка...

Отец коротко хохотнул и шагнул в сени.

Машка бросила дрова и, обогнув дом, поднялась на железнодорожную насыпь.

Серебристые рельсы, уходящие резко вправо и пропадающие за ближайшей сопкой, мелко подрагивали. Судя по всему, приближался скорый поезд Туманган – Москва. Девочка подтянула пальтишко и присела на скамеечку дрезины, стоящей на запасных путях.

- Господи, – подумала она, приподнимая цигейковый потертый воротник пальто, – похоже, эта зима никогда не кончится... Скорее бы уж лето...

Летом отец частенько на несколько дней уходит в тайгу на охоту, и тогда в эти дни она остается полновластной хозяйкой полустанка. Сначала, конечно, приходится перемыть весь дом, проветрить комнаты от застарелого табачного дыма, перестирать и перегладить свое и отцовское белье. Но вся эта работа Машке не в тягость, напротив, что может быть лучше, когда все вокруг: и стекла, и занавески, и большое зеркало, прикрученное к трехстворчатому шкафу, и любимая мамина скатерть, – сияют чистотой, а в доме пахнет свежее: выскобленными полами, колодезной водой и сосновой веточкой? А главное, что нет в эти дни рядом с ней отца, пьяного, неухоженного, с извечно включенными волосами на крупной шишковатой голове и равнодушным взглядом пустых блекло-линялых нетрезвых глаз.

Еще давно, когда совсем маленькая Машка ходила вдоль железнодорожного полотна подбирать яркие конфетные фантики, выброшенные в окна беззаботными пассажирами, ей на глаза попался пустой флакон от одеколона «Саша». На этикетке в обрамлении золотистых и бордовых узоров красовалось лицо молодого, до невероятности красивого человека, со светлыми слегка выющимися волосами, добрым взглядом карих глаз и свежесбрившим подбородком. Ах! Вот если б у нее отец был бы таким красивым. Или брат. Или жених, в конце-то концов.

Машка взяла флакон домой, отпарила картинку над кипящим чайником и теперь она хранится в небольшой картонной обувной коробке вместе с остальными дорогими для нее вещами.

...Мимо продрогшей Маши в завихренях снежной пыли, не сбавляя скорости, прошел поезд.

Если бы состав по странной прихоти машиниста вдруг остановился на их богом забытом полустанке, Маша, ни на минуту не задумываясь, попыталась бы уехать на нем. Уехать куда угодно. Прочь от этого жуткого одиночества, прочь от вечно пьяного отца, прочь от старого жениха-егеря, прочь от этой бесконечной зимы.

Но поезд ушел.

Снег, им поднятый, успокоился, и лишь сладковатый запах сгоревшего кокса еще долго витал над полустанком, запутавшись промеж редких равнодушных крупных снежинок, в медленной полудреме опускавшихся на столь же равнодушную землю.

Девочка стряхнула снег с волос и, зябко передернувшись, прыгнула с дрезины. Пора было идти домой. Готовить обед и наконец-то подоить Наталью Сергеевну - ждалась небось, бедолага рогатая...

3.

...В доме гуляли.

На столе дымилась отварная картошка, щедро сдобренная маслом и посыпанная мелко нарубленным репчатым луком. В глубокой алюминиевой тарелке в прозрачном сопливом рассоле плавали засоленные холодным способом грузди. На деревянной разделочной доске солидной горкой лежали толстые пласты отварной лосятины, егерьев гостинец. В центре стола стояли три литровые бутылки с самогоном, судя по цвету настоящим на кедровых орешках, прополисе и таежных травах. То отец, а то егерь разливали самогон по стаканам, чокались и громко обсуждали, в какой бутылке он вкуснее и забористее. Под потолком слоями плавал сизый табачный дым. Желтым блеклым пятном сквозь дым мерцала засиженная мухами лампочка. Стойко пахло черемшой, сапожной ваксой, сивухой и табаком.

- А вот и дочка объявилась. Невеста, так сказать...

Мокрые губы отца распахнулись в кривой пьяной усмешке, обнажая крепкие, темные от чаги и табака зубы.

- А ты прав, Сереженька... Машка твоя совсем уже взрослая. Вон уже и грудка обозначилась. Через год-два и о ребятенке подумать можно будет. А, Машка? Подумаем с тобой о ребятенке? Сама понимать должна, годы идут, а мне на кордоне без наследника никак нельзя. Опять же хозяйство: телка, парочка быков, свинья с кабанчиком и прочие гуси-лебеди...

Егерь поднялся из-за стола. Огромный, еще крупнее отца, он, пошатываясь, подошел к девочке и протянул ей стакан.

- На, Маша, махни сто грамм, чего уж там...

Его тяжелая горячая рука устало упала на Машкино плечо.

- Я не пью, дядя Егор, - вывернулась девочка и бочком, бочком к себе в комнату.

- Тьфу. Не пьет она. Делов-то. Научим, - добродушно сплюнул егерь и вернулся к столу.

...Ближе к полночи Машка тихонько вошла в комнату к отцу.

Егерь спал, сидя за столом. Спал, мирно похрапывая, уронив на руки курчавую тяжелую голову. Оброненная им папираса давно погасла, проплавив в любимой маминой скатерти темно-коричневое овальное пятно.

Отец же уснул на своей кровати. Один сапог с всунутой в него пятнистой, несвежей портянкой валялся под кроватью. Другой так и остался на отцовской ноге.

Маша на цыпочках подошла к печке и, приоткрыв топочную дверку, заглянула в топливник. Ее лицо обдало жаром и она, несколько отпрянув, опустившись на колени, пригнулась еще ниже. Над раскаленными углями, мерцающими в жаркой темноте красными всполохами, то и дело поднимались ядовито-опасные, голубовато-синие язычки пламени.

Девочка поднялась с колен, бросила последний взгляд на спящего отца, егеря, окурком прожженную скатерть и решительно, со всей силы задвинула выюшку.

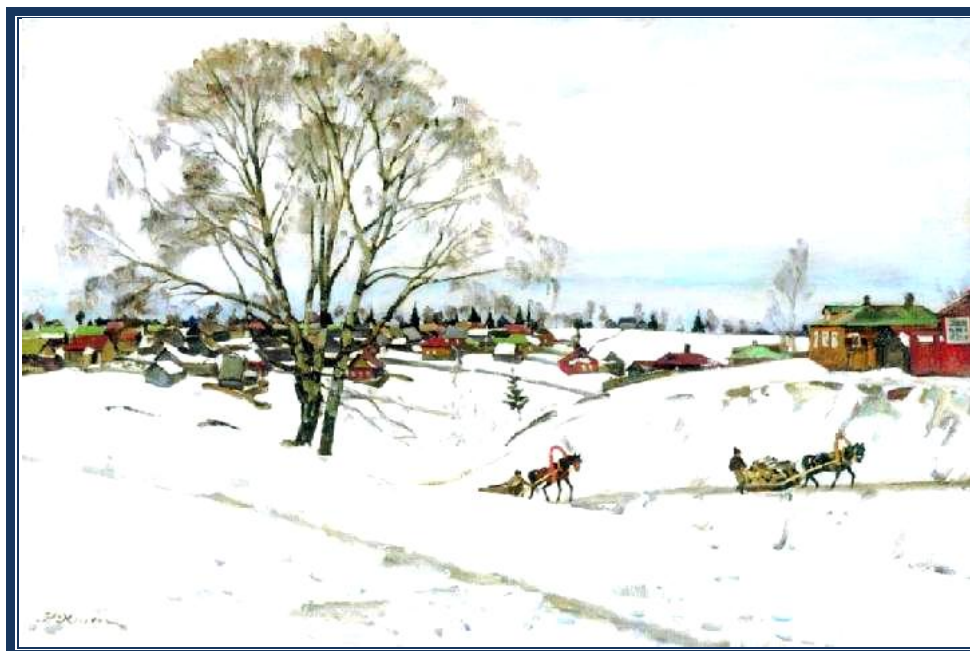
Вернувшись в свою комнату, она плотно закрыла дверь и, смотав шарф в жгут, как смогла, заткнула щель между дверью и полом.

4.

Мимо утонувшего в снегу полустанка изредка, не снижая хода, проносились поезда. Бегущие по заснеженной железнодорожной насыпи косые желтые пятна света, падающие из освещенных окон вагонов, казалось, нимало не беспокоили волков, все ближе и ближе подходивших к сонному полустанку.

А в маленькой комнатке, стоя на коленях и с мольбой глядя на простенькую иконку, отштампованную на покособившемся картоне, молилась маленькая, хрупкая тринадцатилетняя девочка.

- Господи, боженька! Ты, наверное, все можешь? Ведь не зря же у тебя такие грустные и умные глаза. Сделай так, что бы мой папа и мама моя наконец-то встретились и что бы там, на небе, отец снова стал добрым и трезвым, как прежде, когда мы все вместе ездили в город на дрезине. Спасибо тебе, боженька, за то, что выслушал меня. И кстати, когда ты решишь мне помочь, не забудь, что меня зовут Машей. Маму мою Катей, а отца Сергеем. Давыдовы мы, боженька. Давыдовы...

Константин Юон. Зима. Черные березы. Сергиев Посад. 1921 г.

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

Изыски нового театра

И снова не везёт Татьяне,
Евгений с вывертом обманет,
Он голубого предпочтёт,
А Ленского он не убьёт,
Владимир сам с тоски запьёт,
Огрев бутылкой режиссёра,
А полоумного суфлёра
На откуп в публику метнёт.
А чем ещё модерн театра
Порадует искусство завтра?

Про кино и про глобус

В театре не был я давно,
Зато вчера сходил в кино.
А там герой в ловушке *проблем*
Меж чёрных полюсов тусил,
Покуда *глобус* свой не *пропил*.
Меня сюжет не вдохновил.

Вот я бы глобус не пропил
И даже компас прикупил.
Мне шар земной со школы мил,
Нас по нему учил географ,
Непьющий, и, как дед мой, добрый,
Всё знал и взятку не просил,
И в турпоходы нас водил.
А ныне перевёрнут мир...

Перечитывая Ги де Мопассана

Страданием пишутся романы,
Печаль возносится в стихи,
И увлекательны обманы,
И красит смерть героя драмы,
И бессознательны грехи.

Как кот сметанку лижет с блюдца,
Довольной мордочкой вертя,
Так к наслаждению влекутся,
На крыльях Эроса летя,
Плоть к плоти, целое плетя.

Но быстротечно увядает
Нектар в засохшем лепестке
На книжной полке в уголке.
И только сердце вспоминает
Роман любви в одной строке.

Но сочинитель личных драм
Продлит строку любви в роман,
Поддав страстей в растопку слова
С горчинкой подлинно земного,
И вслед трагедии суровой
Плеснёт медовых грёз дурман.

И, как гурман, отведав плова,
Читатель, проглотив обман,
Захочет наслажденья снова.

И вместо йоги и асан –
Утешит душу Мопассан.

Ужель матриархат грядёт?

Побыв с одной, тотчас к другой метнулся,
Он не хотел, но в нём вампир проснулся.
Однако же вампир теперь совсем не тот,
Он духом слаб и горячительное пьёт,
Для кровушки ему клыка недостаёт.
Оно, конечно же, и слава Богу,
Кому нужна подобная морока?
Но малоутешительный вопрос встаёт:
Ужель и впрямь матриархат грядёт?

* * *

Мне нищим непотребно жить,
И не ломает быть богатым.
Но так охота кайф словить,
Вот если б клад мне раздобыть,
Тогда совсем другое дело!
Душа б к архангелам взлетела.
Я б закатил вселенский пир,
Мне ничего не жаль для братства.
А так, куда мне с ним деваться?
Открыть кафешку или тир,
Чтоб вымогатель их спалил,
А после по судам таскаться?
Так это ж сколько надо сил,
И денежки я б прокутил.
А всё ж спокойней и привычней
Пойти в пивную, как обычно.

У каждого свой Эпикур

Говорят, торчу в дыре,
И удобства во дворе.
Всё не так, не так дышу я,
Вот и дом не по фэншую.
Вроде как впустую
Прожил жизнь не ту я.

Я живу не на Луне.
Всё, что надо, всё при мне:
Дети, внуки, да жена,
Да бутылочка вина.
Ты слышал про Эпикура?

Вот и я не рву натуру.
Если утром с койки встал,
Значит, жить не перестал.
Как дитя ликую,
Выпил и кайфую.

Диптих о воронах

1. Они умны. У них свои законы

На плоской крыше, что напротив,
Я вижу два-три раза в год
Вороньих стай высокий слёт –
Этаж десятый. И по квоте
Спешат гонцы, летят со всех сторон
От всех московских городских ворон.
И начинаются их бурные дебаты
Под нескончаемые вопли делегатов,
Сводя с ума оглохнувший народ.
Хоть видит око – да рука неймёт!

2. Про ворон и демографию

Галдят вороны битый час.
И вам знакомы их повадки,
Пометят и следят украдкой
В досаде, что легло не в глаз.
Их соколами, говорят, травили,
Чуть смолк галдёж, о них забыли.

И вот опять пернатых – миллионы.
Тут мы и вспомнили про феромоны
И наш демографический урон.
Так отчего не взять пример с ворон,
И о влечении полов издать закон.

Но кто у нас законы исполняет?
Вот и «Духи любви» не помогают.
Быть может, снизойдут вороны
И нацедят флакончик феромонов.
А мы про глупых говорим:
«Эх, ты, ворона!»

ПОЭЗИЯ

Сергей Антипов

(Москва)

Секретарь правления Московской областной организации Союза писателей России. Член-корреспондент Академии российской словесности, член Союза журналистов России и Союза литераторов Европы.

Верный ангел

Не сердись, мой верный ангел,
Я немножечко устал:
То бои кругом без правил,
То какой-то карнавал...

Отдохну и с новой силой
Ринусь завтра в смертный бой,
Лишь прошу тебя, мой милый,
Ты почаще будь со мной...

Идти и молиться

Липнут к ботинкам намокшие листья,
Лужи рядами встают на пути,
Хочется просто идти и молиться,
Просто молиться и просто идти...

Холод на сердце, душа приостыла,
И от дождя перемокли мечты,
Многое в жизни теперь «уже было»,
Многое... Только, надеюсь, - не ты.

Временен холод в измученном сердце,
Временно всё, кроме Бога в душе,
Буду идти и молитвою греться,
Веря, что «сверху» – свершилось уже...

Тик-так...

Тик-так: кто-то руки довольно потёр,
В предвкушении набитых карманов,
Тик-так: он настолько цинично хитёр,
Что во всех видит глупых баранов!

Тик-так: пустословьем проникнув в мозги,
Одурачил он много народа,
Тик-так: ему побоку плач мелюзги,
Ведь никто не накажет урода!

Тик-так: очень сильно он вдруг занемог,
И увидел последние двери,
Тик-так: слишком долго терпел его Бог,
Путь окончен, и замерло время...
Тик.....

Лестница

Утопаю в октябрьской слякоти,
Утопаю, и ладно, и пусть...
А на сердце осколками памяти –
Лишь щемящая, нежная грусть...

Может быть, всё однажды изменится:
Доверяю послушно Судьбе,
Ведь Судьба для меня – точно лестница
Прямо к счастью, к Любви и к тебе!

То, что надо

Это ни зло, ни добро,
И не сермяжная правда:
Свечка, бумага, перо –
Вот, что сегодня мне надо!

Вот, что поможет найти
Сердцу больному отраду,
И, не сбиваясь с пути,
Выстроить мысли как надо!

Выстроить сердце и ум
Звуками нотного ряда
В гамме божественных струн –
Это действительно надо!

Прохожий

Я теперь в твоей жизни прохожий,
Фантазёр и наивный мечтатель,
Тень из прошлого, призрак, но всё же –
Для чего-то связал нас Создатель...

Для чего-то связал наши Судьбы
Рваной цепью с ключом, как от Рая,
И того, что теперь с нами будет,
Даже мне невдомёк, дорогая...

На Патриарших

Зачем-то вновь брожу по Патриаршим,
В надежде ли, в сомнениях, в тоске?..
Проститься ли пытаюсь со вчерашним,
Построить новый замок на песке?..

Всё грезится мне то, что позабыто:
Былого счастья призрачная даль,
И с жёлтыми цветами Маргарита,
И ноющая грешная печаль...

Листва шуршит тихонько под ногами,
Маршрут мой замыкается в петлю,
Но кровь в висках пульсирует словами:
Люблю тебя, люблю, люблю, люблю...

Прогулка в осеннем парке

На прогулке в осеннем парке
Вспоминал молодые годы,
И внутри становилось жарко,
Несмотря на игру погоды.

Был любовью твоей когда-то,
А потом — нестерпимым фактом.
Был наивным и небогатым,
Впрочем, жил на одну зарплату...

Поменял свой наив на деньги —
На погоны упали звёзды.
Расстрелял старый мир Онегин,
Веря в тот, что пока не создан...

Пожирает огонь страницы
Наших прошлых и грешных судеб.
Может, снова в тебя влюбиться?
И пускай себе, будь что будет...

Эх, мечта, твой полёт неистов,
Не спугнёт тебя даже дождик!
Пошуршал по намокшим листьям
Я домой, ведь туда — не поздно...

Дыхание

Задержу осторожно дыханье,
Тебя за руку нежно возьму,
И, во власти заветных желаний,
Позабуду забот кутерьму...

Ты вселяешь в меня вдохновенье,
Не всегда даже зная о том,
Как с мальчишески нервным волнением
Я мечтаю о счастье простом:

В единенье душевно-телесном
Пережить остановку времён,
Очарованным глаз твоих блеском
Заблудиться меж явью и сном...

А потом из вселенской палитры
Краски света на жизненный холст
Нанести с дерзновенной молитвой
И взлететь до неведомых звёзд...

Чтобы светлых энергий потоки
В нас вливались волшебным огнём
И рождались любовные строки,
Растворяясь в дыханье твоём!

Любовь с привидением

Ты посмотришь случайно вверх,
Если сердце сожмётся вдруг,
Не грусти и не плачь при всех,
Что далёк твой наивный друг...

Поцелуй тебе шлёт с небес,
Не зовя, - ты внизу нужней,
От хандры он туда залез
И холодных чужих дождей...

Мягким ветром к тебе влетал,
Не мешая твоим делам,
Ему с юности мир был мал:
Он искал тебя тут и там...

А нашёл слишком поздно — что ж,
Он вернётся сквозь миражи,
Новый мир будет ваш хорош,
Лишь бы не было только лжи...

Странный сон

За страданья Полифема,
За угасшую зарю,
За любовные измены
Я тебя благодарю...

Раскромсал кинжал твой душу
На лоскутные куски,
Обесточен, оглоушен,
Переклинило мозги...

Всё уходит безвозвратно,
Остаётся только пыль,
Красным сполохом заката
Умывается ковыль...

Сквозь травинки видно звёзды:
Рыбы, Овен, Млечный Путь.
Есть такое слово — «поздно»,
Сердце сложно обмануть...

Но спасусь для новых песен,
Где не будет зла и лжи,
Говорила, что кудесник,
Всё могу наворожить...

Новый день не за горами,
Странный сон про ночь в степи,
Утро встретит всех дарами —
Только дар свой не проспи!

Когда-нибудь...

Когда-нибудь, быть может, очень скоро,
Тебе я расскажу всё то, о чём молчал,
И в тихом шелесте ночного разговора
Сомнения спалит души моей свеча...

Её волшебный свет нам тьму непониманья
Рассеет, путь открыв для самых нежных чувств,
И после долгих лет сердечные признанья
Нечаянно вспорхнут с твоих прекрасных уст...

И после слов твоих вдруг сложится картина
Движенья двух сердец по глобусу любви,
И, все грехи простив влюблённому мужчине,
Раскроешь, как цветок, объятия свои!

На полке

Не дочитан, потрёпан, с загнутыми наспех углами,
У тебя я валяюсь на полке, меж гениев в книжной пыли,
И поплёвывать в вечность спешу неземными своими стихами,
Потому что земные, обидевшись, разом куда-то ушли...

Эй, сосед! Ты о чём? Про любовь и ночные свои пожеланья?!
Да ты брось, не пиши, лучше сделай чего-то хоть раз.
Знаешь, как-то приелись вконец эти пошлые крики-рыдания,
Мысли тонут в воде из банальных и суетных фраз.

Помолчим?! Тут вокруг средостенье пустых фанфаронов,
Шума много, а цимес — наплакал шкодливый кошак.
Посмотрел я вчера по ТВ, как живут городские вороны, —
Стало стыдно и тошно, как будто тайком покурил натошак.

Эти птицы умнее, надёжней и искренней многих.
Умолкаю, а то царь природы запишет на собственный счёт.
Я и сам, если честно, смотрю ещё вслед длинноногим,
И куда-то порой расшалившийся Зигмунд влечёт.

Дочитай! Может, станет с тобою тогда нам немножечко легче,
И разглядятся нежно страницы усталых душевных морщин.
Всё равно для меня ты навеки останешься лучшей из женщин...
Ну а я?! Ты шепни по секрету — каким из мужчин?

Забавная штука

Забавная штука – обратный отсчёт:
Вокруг будто всё – не такое, как прежде,
И кажется, рухнули разом надежды,
И Кто-то к ответу вот-вот призовёт...

Забавная штука – один человек,
Казалось бы просто – песчинка на пляже,
Но волей Судьбы вдруг возьмёт и докажет,
Что может менять чьих-то планов разбег...

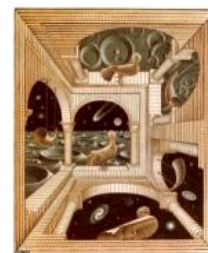
Забавная штука – Господни пути,
Не видные глазу, но прочны, как струны,
Дурак их боится, а следует – умный,
Ведь лучше маршрутов нигде не найти...

Константин Юон. Кормление голубей на Красной площади, 1922 г.

ПОЭЗИЯ

Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)

Да будет так!

То как волна, любовь накатит,
То тихо дунет, как сквозняк.
Однажды, я решила - хватит!
Произнесла: «Да будет так!»

Как много раз мне было больно
Душевный разгребать бардак.
Я поняла – с меня довольно!
Произнесла: «Да будет так!»

Да будет так, как я сказала!
Да будет так, как я хочу!
Я всё могу начать сначала,
Мне все задачи по плечу!

И, словно снег на солнце, тает
Сухая скука бытия,
Когда по улице шагает
Такая женщина как я!

ДВА КРЫЛА

Посвящается моей сестре Алёне

Не случайно жизнь дала
Птице только два крыла.
Было б их гораздо больше,
Птица б в воздухе спала.

А чего ей напрягаться,
Коль не два крыла, а двадцать.
Спят одни, другие машут -
Можно вовсе не стараться.

А когда их только два,
Не задремлет голова.
Крылья птице помогают
Не упасть, взлетев едва.

Мощно воздух рассекают,
Прямо к солнцу поднимают.
Держат крепко и надёжно,
Не исчезнут, не устанут!

Мы, как два крыла у птицы,
Две родимые сестрицы.
Врозь - таланты одиночки,
Вместе - супермастерицы!

Полетим вдвоем с тобою
Над лугами, над рекою
И раскрасим руки-крылья
Яркой радугой-дугою.

Вместе мы, сестренка, – сила!
Как бы ветром ни сносило,
Мы - родные, будем рядом.
Наша мама так просила...

Так взмахнем крылом, сестренка,
Нам ведь нечего бояться!
Будем радостно и звонко
Вместе с солнышком смеяться!

Пятьдесят

Нет, не хочет душа принимать увяданье!
Рано тёплое лето на зиму менять.
Я цвету! И совсем неуместно прощанье,
Но возможно прощенье, готова прощать.

Точно знаю и верю - любви нет предела!
Будут долго зелёными жизни листочки.
Я ещё не достигла всего, что хотела,
Далеко до итога и вечность - до точки.

Распахну я объятья весеннему ветру,
Тяжесть лет позабуду в метро, в рюкзаке.
И в костюме спортивном в кроссовках и гетрах,
Убегу на восход, без всего, налегке.

Наступление зимы

Девственно чистым холодным покровом
Ночь застилает скупую постель.
Звёзды, как иглы. А месяц суровый
С ветром студёным завёл канитель.

Зябко, не спится. Гляжу я в окошко,
Сыплет снежинок во двор седина.
Рядом пушистая, толстая кошка
Носом уткнулась в ковёр у окна.

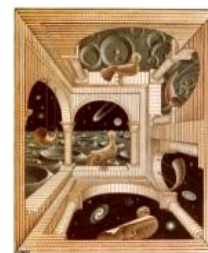
Вот и зима... вырастают сугробы,
Сахарной искрой, мерцая в ночи.
Хочется в валенках выбежать, чтобы
Молча из снега лепить кирпичи.

Будет работа моя не напрасна,
Пальцы, дыша, согреваю с трудом.
Замок построю хрустально-прекрасный!
Снежной Владычицы сказочный дом.

ПОЭЗИЯ

Игорь Беляков

(МОССАЛИТ, Москва)

Кот и Еж перевертыш

Коток
у ям лепо пел: мяу!

Лазал
кот – как ток
течет.

Кот – ого, коготок!

То – кот:
казак!

Еж же
сено нес,
латал
шалаш.

Но он
около мусорка как росу молоко
тырил, и рыть
мох ухом
желал еж.

Кот с ежом – яр, прямо жесток.

С
котом же еж – моток,
или
комок.

Шипишь,
коток?
О-хо-хо...
ужас осажу.

Игла, лги
коту: жуток.

Тот
и
рад – удар
ушу!

И
коток
влетел в
ежину ниже
себя, бес.

Боль в лоб.

Ой-ойо! –
ротор
ли взвил?

Яро оря:
– Уя! Мяу!
отлетел то
кошара – шок.

Еж отлетел тоже.

Ага,
ежу уже
хорошо. То шорох,
то хохот.

Как
же еж
колок
и
волей елов!

У
ежа даже
жены сын – еж
еще
тот.

Исторический ужин *перевертыш*

Ленин ел
окорок. О!..

Еда Наде –
пуст суп.

(А то вкус Евы – весу квота.)

Долог ее голод.

Ладно, он дал
бел хлеб,
уху.

Ели филе
кур с рук

и лакали
они вино.

Или пили
огонь? – Много,

как ни кинь, как
ни ртом отринь.

Она – рано
ала.

Он – ревел еле верно
нот тон.

А соната носа?

Лепо сопел:
«Еда – надоеда. Наде ода, Наде!»

Нежен.

Их охи.
Их ахи.
И хи-хи...

Ужин унижу?
– Тени нет.

Они – кино,
а
кино – тете тоник.

Я и рот сих – История.

Константин Юон. Ростовские собор. 1906 г.

Попугай

перевертыш

Я – ара рая,
ока жако,
и лори роли

розелле зорь
о лесе весело
и
лепо пел.

(А
зелен – не лез).

О
тебе щебет,
али мила.

Ура дару –
чад удач,
и агу, попугаи!

Зеркало событий

перевертыш

Колок
Запада паз,
зелен довод – не лезь,

ада
в
моде соседом
сев едя в яде весь.

В
Украин они арку
тащат
сепсис и спесь.

А Россия и ссора –
массам
в
сем суду смесь.

Топора ропот
тишит
и
сень дала днесь.

Голос в наушниках

Вокруг и высоко над нами
струится голос серебристый.
Как ласточка под облаками,
виток проделывает быстрый,

то пролетает через сердце,
то воду пьет легко с ладони,
взовьется к солнцу отогреться
и в озере прозрачном тонет,

играет с ласковой волною,
нырнет за рыбкою блестящей,
мечтою манит золотою
и благосклонностью целящей.

А вечером дождливым, синим
заплачет медленная скрипка,
поверхность озера под ливнем
дрожит, мерцающая зыбко,

и волны лобызают камни,
и пальмы шелестят листьями,
и влажный аромат духам не
уступит в неге, и туманит.

В тени метается лиловой
мелодии шальное пламя,
и плещет голос родниковый,
и машет музыка крылами.

Диалог о ГИБДД

Любознательный мальчик отца
всё расспрашивал, как мудреца:

– Кто в пути нас прикроет от бед?

Тот ему отвечал:

– Гобидед.

– Кто ловить нарушителей рад?

Говорил тот, смеясь:

– Губидад.

– Кто сиреной тревожной поет?

Доносилось в ответ:

– Гибадод.

И подвел мудрый папа итог:

– У российских проезжих дорог
попечителей трое, сынок.

Где следит, чтобы не было бед,
(дед-пустынник один) Гобидед,

и ловить нарушителей рад
(благородный камрад) Губидад,

беспокойной сиреной поет
(вереща, как угод) Гибадод.

Всем водителям скажут «привет»
Губидад, Гибадод, Гобидед.
Возникают порой из засад
Гибадод, Гобидед, Губидад.

На дорогах рулят круглый год –
Гобидед, Губидад, Гибадод.

Полет к морю

Лишь две страницы – небо, море
в раскрытой книге на виду,
куда на теплый берег вскоре
как в переплет я попаду.

Ту книгу и теперь читает,
как заведенный, солнца глаз,
и с каждым взглядом замечает
не то, что было в прошлый раз.

Похоже, в этой книге сказка –
я должен сам ее назвать,
и, чтоб не потерпеть фиаско,
прибоя голос разобрать.

Под шум его, немолчный, гулкий,
вдыхая запах диких роз,
поспать и к утренней прогулке
свой разрешить больной вопрос.

Так станет солнечно на свете –
я выйду оглядеть залив,
и мысленный подует ветер,
о новой жизни возвестив.

Зимнее утро

Свежая снежная пудра
облик украсила утра.

Блестками ярко играя,
нравится пудра такая.

Взгляды влекутся к пейзажу,
ими снежок я поглажу.

Зимнего утра награда –
щек белизна и прохлада.

Мозаика храма

хокку

*

В церкви мед свечей
сладок огненным пчелам.
Цветы молитвы.

*

От света икон
в сердце воздуха горит
паникадило.

*

Священник видит,
как лица молящихся
мерцают внутри.

*

Кто с верою пьет
песнопения клира,
в невесомости.

*

Своды собора
ограждают от ветра
согретые души.

Константин Юон. Вид Троице-Сергиевой лавры с улицы Вокзальной, 1911 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Паучок

По лучику жёлтому, как по верёвке,
Смешной паучок поднимался неловко.

Он был неуклюж, но спешил, даже очень,
Ведь в сказку попасть можно только до ночи.

Закатится солнышко, спрячет лучи,
И это до слёз паучка огорчит...

Пыхтит и вздыхает толстяк-торопыжка.
Фонарик на случай припрятал под мышкой.

На всякий пожарный и зонтик прихвачен...
А я паучку пожелаю удачи!

Чуча

Худ. Виктория Кирдий. Не было печали

В цирке всех животных учат,
Там вальсирует медведь.
У меня есть свинка Чуча,
И она умеет петь.

Что с собакой и енотом
Заниматься чепухой?..
Чуча так выводит ноты,
Что услышит и глухой...

А когда ей глажу спинку,
Про еду заговорю,
Понимающая свинка
Отвечает мне: «Хрю-хрю!»

Ёжик-портняжка

Где месяц-бродяга
Теряет свой лучик,
В лесу под корягой
Жил ёжик колючий.

Не видел он света,
Гулял только ночью,
И тенью от веток
Доволен был очень.

В свободное время
Колючий портняжил,
Был дружен со всеми,
И с лисами даже...

Шил славные шубки
Медведю и волку,
Костюмы и юбки
Для сойки и пчёлки,

В короткие сроки
Шил дятлу - манишку,
Халат для сороки,
еноту - штанишки.

Но как-то весною
Трудился ёж долго,
И в прели лесной
Потерялась иголка...

Пыхтел наш портняжка,
Излазил всю норку,
Вздыхая так тяжело
И плача так горько...

Решился сторожко
Покинуть жилище.
С тех пор по дорожкам
Пропажу Ёж ищет...

Маленькая пастушка

Встать сегодня рано надо,
Потому что на заре
Мне пасти бо-о-льшое стадо
На игрушечном дворе.

Застоялась за ночь пони,
Конь копытом нервно бьёт,
Гусь нахохлился в загоне,
А в углу мяучит кот,

Блеет бедная овечка...
На дворе ещё свежо.
Отведу гуся на речку,
А овечку - на лужок.

С лошадьми хлопот немало:
Накормить и причесать.
Я им гривы расчесала
И теперь задам овса -

В кухне он лежит на полке
Под названием «Геркулес».
Будешь есть - не страшны волки,
Можно смело ехать в лес!

Ну а гусь - сплошные беды:
Оставляет мокрый след...
Ведь сама лужайка - это
Мамин новый белый... плед.

Худ. Виктория Кирдий. Гуси

Небесный ангелок

Ночной порою грезится,
Пока не рассвело,
Качается на месяце
Небесный ангелок...

Он звёздочку украдкою
На волосы надел,
Босой болтая пяткою,
Как будто по воде...

Янтарный борт у ялика
Сияет и горит.
Не дремлет ангел маленький
До утренней зари...

Новый дом построил слон

Старый дом пошёл на слом.
Новый дом построил слон.
По рисунку очень ровно
Уложил большие брёвна.
Сделал двери, окна, сени...
Скоро будет новоселье!
Крыша крыта черепицей...
Осень. Надо торопиться...
Печь сложил, трубу приладил.
Как игрушка, дом наряден!
Лаком светятся полы.
Ладны стены и углы...
Есть крылечко и балкон...
Отчего так грустен слон?

Вот досада! Верь - не верь:
Слон никак не лезет в дверь...

Чистюля

Юля, девочка-чистюля,
Перемыла все кастрюли,
Полоскала в пене ловко
Сковородки и шумовки,
И салатники, и вазы -
Из посудного запаса,
Тёрла щёткой очень долго
Мясорубку, кофемолку,
Блюдца, чашки и пиалы...
Ну нисколько не устала.
Пастой чистила ножи...
Глядь, вокруг вода бежит:
Мимо мойки, прямо на пол,
Словно в кухне дождь накапал.
Юля бросила посуду:
«Больше мыть её не буду!»
Вот такая в жизни драма.
А полы? —
«Пусть вытрет мама!»

Чепуха

Семенящим шагом, тихо
Шла по просеке ежика.
Очень важно, не спеша,
Под восторги лягушат.
В яркой кофте из поплина,
Длинной юбке шестиклиной,
Туфли-лодочки обув,
С чёлкой-ёжиком на лбу...

А за ней молодцевато
Шли весёлые ежата,
Десять шариков-колючек,
Все без юбочек и брючек,
Друг за дружкой, вереницей,
В распашонках из мокрицы
И в пинетках изо мха...
Вот такая чепуха!

Неудача

Я сегодня горько плачу.
Скоро праздник - Новый год,
И такая неудача!
Как мне в жизни не везёт!

Я шары на ель развесил,
Белку, мишку, стрекозу...
Притаившись между кресел,
Кот сидел себе внизу...

Дотянувшись до верхушки,
Я почти повесить смог
Мышку серую, норушку,
Что из сказки «Теремок»...

День назад в универсаме,
Восхитившись: «Хороша!» -

Мне её купила мама
И ещё - воздушный шар.

Я же знал, что кот - воришка
И ужасный мышекрад.
Он давно заметил мышку,
С ней мечтая поиграть .

Прыгнул кот, толкнул в подмышку,
От испуга я присел.
В этот миг упала мышка
И разбилась... насовсем...

Разве в чём я виноватый?
Жаль, что сделана была,
Эта мышка не из ваты,
А из тонкого стекла ...

Кто там в домике живёт?

Скворец

Обживал скворец дупло,
Из «окошка» глянул:
«Новый дом совсем не плох:
С видом на поляну!»

Дятел

Приезжайте, s'il vous plait,
Только в час сиесты.
Встретит вас в своём дупле
Санитар известный.

Он упорством знаменит,
А в труде - успехом...
Так стучит, что лес звенит,
Рассыпаясь эхом!

Худ. Виктория Кирдий. Круговорот

Сом

Зыбок, мягок, невесом
Дом в реке построил сом.
Он зарылся носом в ил
И усами шевелил...

Лягушка

У лягушки дом в пруду
Под плакучей ивой.
И колышется в саду
Лилий ряд красивый...

Ах, такой в груди мажор
Душу квакши клочит:
Собирает дружный хор
Что поёт до ночи!..

Худ. Виктория Кирдий. Такая жизнь

Жук

У жука отличный дом
Под ореховым листом.
Если дождь, стекают капли.
Не страшны ни дрозд, ни цапля.
Если солнышко - тенёк.
Ну, а мышка - наутёк...

Худ. Виктория Кирдий. Вежливый паук

Паук

Дом соткал лесной паук,
Не потратив грошик,
Ожидает в гости мух,
Комаров и мошек...

Но боится паутин
Стайка насекомых,
Шлёт депешу: «Мы летим!»
И... Осталась дома...

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Людмила Радун
(Королев)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Холодушка

Пришли солдаты на постой.
Один зашёл к старушке.
И слышалось в деревне той,
Как квакали лягушки.

Поставив крынку с молоком,
спросила вдруг старушка
и, подтвердив слова кивком:
«А хочешь с холодушкой?»

В жару прохладного попить –
ну как тут отказать.
А как сумела остудить,
не мог он догадаться.

А допивая молоко,
солдат опешил сразу –
со дна глядели на него
два любопытных глаза.

Ну как такое пережить?
На дне была лягушка.
Никак не мог предположить,
что это – холодушка.

Одуванчики

Ярко-рыжий одуванчик
и такой же рыжий мальчик,
словно солнышко, похожи,
жизни их похожи тоже:
повзрослеют, постареют,
их головки поседеют,
и дедуля – бывший мальчик,
станет словно одуванчик.

Патиссон

Мне приснился странный сон:
в огороде патиссон
стал летающей тарелкой,
и огромной, и не мелкой.
Я к нему лишь прикоснулся,
он взлетел, а я проснулся
и на грядку побежал.
Он лежит, как и лежал.
Как я рад, что он со мной,
а не где-то под Луной.

Анютины глазки

Прилетели бабочки
из хорошей сказки.
Принесли для Анечки
Своих крыльев краски.
Превратились краски
в яркие цветы –
в анютины глазки.
Знаешь их и ты.

Весёлый лягушатник

Сказка

На болоте среди луж
Жили Квакша и Лягуш,
Две зеленые лягушки,
Пучеглазые квакушки.
Головастики-детишки -
Этой пары ребятишки,
Их так много, что едва ли
Папа с мамой их считали.
Дети с виду так просты:
Лишь головки да хвосты.
И в воде они видны,
Потому что все черны.
На болоте у лягушек
Каждый вечер – хор квакушек.
А Лягуш, солист-певец,
Головастиков отец.
Запевает: «Ква-ква-ква», -
Всем известные слова.
«Кум-кум-кум, бреке-ке-ке», -
Подпевают вдалеке.
И запело все болото,
Всем лягушкам петь охота.
От заката до утра
Продолжается игра.
Вдруг откуда ни возьмись
Тень мелькнула сверху вниз.
И лягушки замолчали,
Эту тень они узнали.
Это цапля – злейший враг.
Охватил лягушек страх.

Чтобы не было беды,
Наблюдают из воды.
Цапля ходит по болоту
И высматривает что-то.
Ищет что-нибудь поесть.
А еда в болоте есть.
А поесть-то не успела
И поспешно улетела:
Испугалась енота,
Что резвился у болота.
Снова жить прекрасно тут,
Головастики растут.
Поглядим на одного,
Каково житее его.
Отрастают его ножки,
Зеленеет он немножко,
Отвалился его хвост,
Увеличился и рост.
Вылез он на бережок,
Сделал первый свой прыжок.
А полакомившись мушкой,
Понял сам, что стал лягушкой.
Постарался, как сумел,
И, как папа, вдруг запел:
«Ква-ква-ква, куввы-кувы», -
Слышен голос из травы.
Квакша рада за сына.
Вот и все. Пока-пока.

Худ. Виктория Кирдий. Лист кувшинки

Птичий двор

Сказка

Выясняли на заре,
 Кто главнее на дворе.
 Первым выступил гусак.
 О себе хвалился так,
 Что красив он и силен,
 И в воде не тонет он.
 Возмутились не на шутку
 Тут же селезень и утка.
 - Удивил! В воде не тонет! -
 От обиды утка стонет,
 Мы как дома на воде!
 Превосходство твое где?
 И красавец – никакой.
 Знают все и гонор твой.
 А вот селезень – красавец,
 Изумрудный цвет – на зависть.
 Может, ты чуть-чуть сильнее,
 Только селезень скромней!

У соседа-индюка
 Дела нет до гусака.
 По характеру он горд –
 Не вступает в птичий спор.
 Знает сам, что всех главнее,
 И важнее, и умнее.
 Не волнует его бой,
 Сам надут и горд собой.
 Тут петух явился вдруг,
 Разомкнулся птичий круг.
 Хлопнул крыльями тотчас,
 Всех сразит петух сейчас.
 Мощное «кукареку»
 Покатилось за реку,
 И проснулось все село,
 Все живое ожило.
 Всем, кто спорил, стало ясно
 То, что спорили напрасно.

Худ. Виктория Кирдий. Яблоки Ньютона

Антоновские яблоки

Антоновские яблоки растут у нас на даче.
 И то, что они выросли, считаем мы удачей.
 Душистые и вкусные, известные на свете,
 И любят не напрасно их и взрослые, и дети.
 И яблоня-антоновка, достойная поклона,
 Как символ для праправнуков прапрадеда Антона.

Светофор

Жёлтый свет –
предупреждение,
Что изменится движение.

А зажжётся красный свет –
Для движения запрет.
А зелёный – просто чудо,
Его любят все и всюду:
Открывает он пути –
Можно ехать и идти.

Худ. Виктория Кирдий. Полевые

Кратер

Как наполненный стакан
Или глаз, глядящий в небо.
Здесь когда-то был вулкан,
Но уснул, как будто не был.

Если же проснётся он,
Кратер в жерло превратится.

И раздастся в недрах стон –
Катастрофа разразится.

Только здесь, считают люди,
Извержения не будет.

Прадед и правнучка

Девочка с прадедушкой
Вышли на парад.
Правнучке дедулечка
Был безмерно рад.

Девочку Викторией
Называл сам дед –
В память об истории
Всех бывших побед.

Худ. Виктория Кирдий. Чтоб вернуться

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Москва)

С юбилеем поздравляют детки-пятилетки (МОССАЛИТу 5 лет)

Юбилей есть юбилей!
В пять, пятнадцать, двадцать пять
И значительно взрослей...
Поздравления друзей
Так приятно принимать!

Для детишек возраст ПЯТЬ
Очень занимательный,
Крепко на ногах стоять,
Свой характер проявлять,
Быть самостоятельным...

Мы на Пленуме втором
Родились в Балашихе.
МРО – наш отчий дом.
Всех приветствовали в нём:
Старшеньких и младшеньких

Нет в семье проблем больших,
Если зорек отчий глаз...
Только папа наш – Сухих,
Не признал детей своих,
Поменял на книжки нас...

Но под ангельским крылом
Оленьки Грушевской
Был готов и стол и дом:
Тёплый островок-Салон
И площадка детская.

Усиевича, шестнадцать –
Не гостиная, а – клад!
Можно книжкой обменяться,
На фуршете пообщаться,
Творческий раскрыть талант...

На площадке детской ждут
Авторов, как праздника.
Прозу, стих и сказку... Тут
Вас признают и поймут.
И взаимно радостно!

Пусть общение между нами
Переждёт в традицию.
Приходите к детям сами,
Огорчать не будем с вами
Анну Народицкую.

Нам уже сегодня ПЯТЬ!
Музыканты, грянем туш!..
И давайте же опять
Юбилеи отмечать
Вместе, как недавно - Круж.

С днём рождения поздравляем!
С юбилеем, МОССАЛИТ!
Дружим, крепнем, процветаем
И здоровья всем желаем!
Happy anniversary!!!

13.04.2014

Скоро Новый год

Скоро Новый год наступит.
Нас уже подарки ждут:
Игры новые нам купят,
Нам гостинцы принесут!

С мамой пишем мы посланье,
Чтобы Дедушка Мороз
Новогоднее желание
Нам под ёлочку принёс.

Нарядили ёлку сами:
Пусть приходит Новый год.
С песнями и со стихами
Здесь устроим хоровод.

Сколько раз за день мы тайно
Прижимаем к раме нос:
Не проехал бы случайно
Мимо дома Дед Мороз.

Маму мы сто раз спросили:
«Скоро будет Новый год?
Мы его не пропустили?
Ну когда же он придёт?..»

Худ. Виктория Кирдий. Кому что

На остановке

В воздух проник аппетитный душок –
Кто-то в сторонке жевал пирожок.
Пёсик-дворяня, дремавший под лавкой,
Начал нервозно подёргивать лапкой.
Носом повёл и на даму взглянул,
От нетерпения слюнки сглотнул...

Эх, обманулся дворяня-дружок.
Съеден до крошки был весь пирожок,
Падает в урну салфетка пустая...
Следом за ней пёс голодный взлетает!

В стенку упёрлись и лапы, и нос,
Верит в удачу, как видно, барбос.

Только задача пред ним нелегка -
Урна для роста его высока.
Грустно сползает на землю глупышка...

Маму за руку теребит малышка:
«В сумке у нас есть пирожные, мам,
Можно, своё я собачке отдам?»

Попугай Жора

На день рожденья мальчику
Купили попугайчика
Породы редкой – какапо:
Зелёно-жёлто-голубой...

- Смотрите, он такой смешной! -
У клетки прыгал Витя. - Ой,
На дядю Жору как похож:
Такой же на макушке ёрш...

Ну значит, так тому и быть:
Теперь мы с Жорой будем жить.

Как мальчик птицу полюбил!
От клетки он не отходил
И всё пытался научить
По-человечьи говорить:
«Привет!..
Хороший...
Есть пора...
Спокойной ночи!..
До утра!...»
А Жорик головой кивал
И клювом щёлкал...
но молчал.

Хоть терпеливым Витя был,
Но, обижаясь, говорил:
- Ты попка, а не какапо.
Лентяй...
противный
и тупой!

Тут как-то заглянул сосед,
Привычно крикнул:
- Всем привет!
Случилось что-то в этом мире,
Что дядю Жору все забыли?
И что же слышит он в ответ:
- Пр-р-отивный...
попка ты...
пр-р-ивет...

Неподалёку стул стоял,
Не сел сосед наш, а упал...
Пока никак он не поймёт,
Над чем смеётся так народ?!

Худ. Виктория Кирдий. Задуть свечи

Самый-самый, или Капризный шарик

- О-о-о!.. Наконец-то я увидел свет! Помню, как, укладывая меня в эту тёмную коробку, кто-то сказал: «Этот красавец будет хорошим украшением для ёлки». Неужели настал этот день? Теперь-то увидят все, как изумителен мой серебристый наряд!.. А как весело играют на нём розовые и фиолетовые оттенки!.. Да, я действительно красив!

Ай-ай!.. Что это? Почему меня повесили на какую-то колючую ветку рядом с иголками? И вокруг иголки... иголки... Да не царапайте же так!.. Что станет с моим нарядом, если вы так вот и будете касаться меня?..

Ну вот... Кто-то ещё появился рядом... И чему это вы так улыбаетесь, аж светитесь весь? Ах, фона-а-рик... Тоже ёлочное украшение... И вас нисколько не смущает, что вокруг столько иголок?

Ка-а-к?!.. Это и есть ёлка?.. Эх, если бы не эти иголки...

Та-а-к... теперь и с другой стороны кто-то... Колоко-о-льчик.. Зачем же так крутиться и сверкать своим алым кафтаном?..

Подумать только, эти украшения уже и там... и там... и там... Сияют... переливаются... Фи-и-и... А я-то думал, что буду единственным, самым-самым... Да у меня уже голова кружится от этого блеска, а тут ещё и эти иголки... Ну отодвиньтесь же от меня!..

- А-а-ах!.. – скромная, неброская с виду шишка на нижней веточке ели с грустью смотрела на сверкающие осколки капризного шарика. Ей даже и в голову не приходило, что она-то и есть самая-самая: единственная натуральная, коричневая с зеленоватым оттенком и со сказочным, новогодним ароматом хвои.

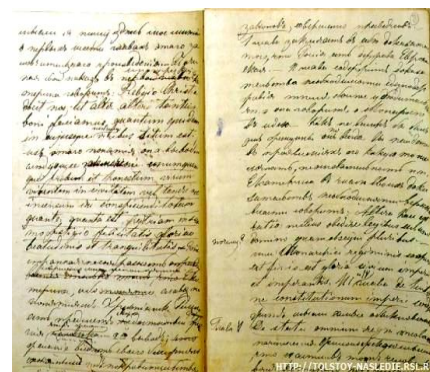

Худ. Виктория Кирдей. Под елкой

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Светлана Акчурина
(Москва)

«БЫЛО БЫ СЕРДЦЕ СОГРЕТО ЖАРОМ ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ!»

Воспоминания

Дорогие друзья, поздравляю всех с очередным «Новым» и желаю здоровья, здоровья, здоровья и доброго творчества!

Мне кажется, что Новый год - самый большой для нас праздник, и связано это именно со словом «новый» - ведь всегда мы искренне надеемся и даже веруем, что именно «Новый» принесет нам желанный покой, удовлетворение, радость какую-то необыкновенную, еще не испытанную; любовь яркую и пламенную, прилив творческих сил, да и просто: «Он будет замечательным!»

И мы в это верим — ведь именно вера дает нам все, о чем мечтается.

А посему этот праздник, наверное, у большинства людей имеет свои традиции. И, как правило, это семейные традиции, это праздник радости и единения семьи. Во всяком случае, в нашей семье это так. Хотя эта традиция, естественно, трансформируется, несколько изменяет свое внешнее оформление — с возрастом ее участников.

Маленькие Света (Акчурина) и ее двоюродная сестра Наташа (Дмитриева), Алма-Ата, 1943

Когда мы с моей двоюродной сестрой Наташей⁴ были маленькими, в Новый год нас всегда окружали своим теплом и любовью наши родные: бабушка, дедушка, дядя Миша⁵, тетя Лида⁶, Шура (Наташина мама) и Нина — моя мама — вместе с их половинками. А на пушистой, нежно и сладко пахнущей хвоей и волей елке всегда были мандарины, которые мы видели и ели только раз в году. И эта елочная традиция сохранилась у нас на всю жизнь.

⁴ **Наталья Дмитриева** — писатель, издатель, главный редактор журнала «Кот и пес».

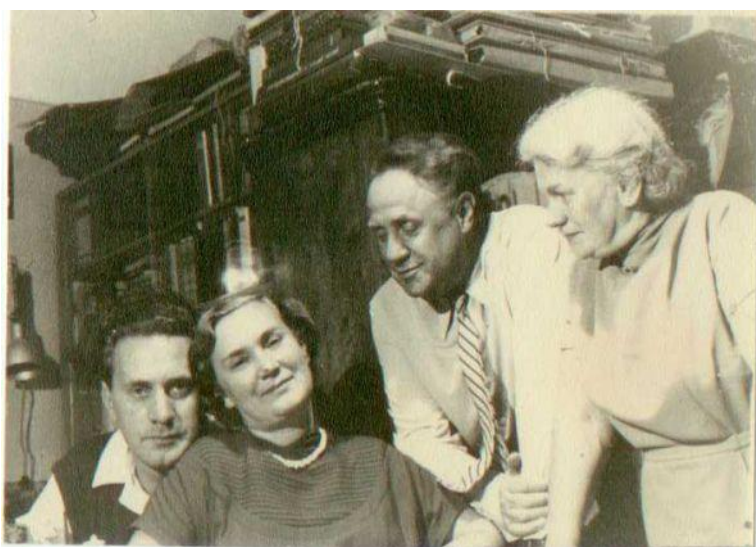
⁵ **Михаил Иванович Жаров** (1899 — 1981) — советский российский актёр, режиссёр театра и кино. Народный артист СССР (1949). Лауреат трёх Сталинских премий (1941, 1942, 1947). Герой Социалистического Труда (1974).

⁶ **Лидия Ивановна Наумова** (р. 16.03.1902) - заслуженный художник РСФСР (1969). Окончила Вхутемас (1924). Работала в области книжной и плакатной графики, оформляла театральные спектакли и массовые празднества. С 1942 — художник по костюмам и художник-постановщик игровых фильмов.

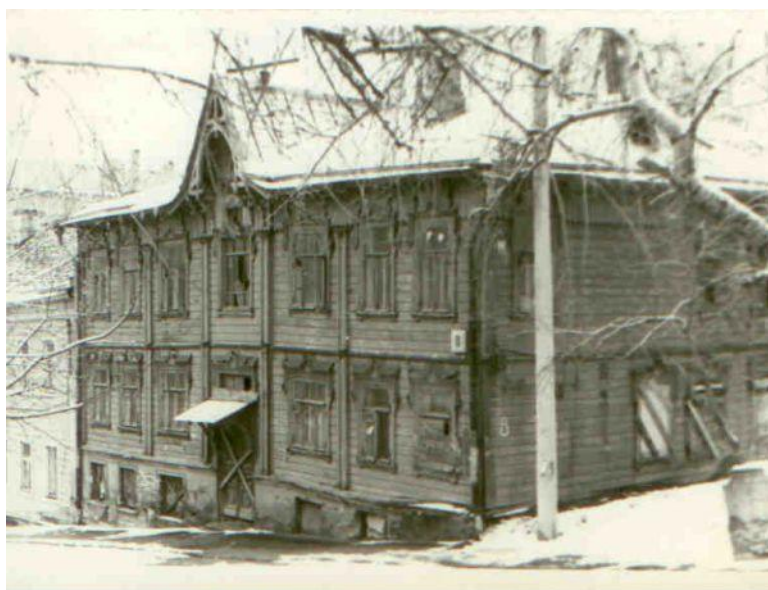
Пока дети еще юны, а родители и бабушки-дедушки еще достаточно молоды, то после традиционной совместной встречи Нового года часто все разлетаются, всех захватывают свои веселые интересные компании. Но по мере...

И вот вся семья уже вместе до утра!

Мы с мужем много лет были в эту ночь вместе с тетей Лидой, ее мужем дядей Сашей (Александр Германович Нордкин) и моей мамой Ниной. Нам всегда было весело, интересно и вкусно. Наш праздник обычно заканчивался часов в шесть утра.

Семья Жаровых (слева направо): Женя (сын М. Жарова), Нина (сестра М. Жарова и мать Светланы Акчуриной), Михаил Жаров, Лидия Наумова (сестра М. Жарова и тетя Светланы Акчуриной)

Дом в Москве, где семья Жаровых занимала цокольный этаж

Маленькая Света Акчурина,
Алма-Ата, 1942-43 гг.

В Алма-Ате тетя Лида
делала нам с Наташей
игрушки, в том числе
и деда-мороза.

Лидия Наумова и ее муж
Александр Германович
Нордкин, 1953 г.

Современный вид дома (со двора), где жили Жаровы. Сейчас там расположена какая-то организация.

Цокольное окно слева – комната, где до 1928 г. жил Михаил Иванович Жаров, а два правых окна это комната Нины Жаровой, Светиной мамы.

На снимке – Светлана Акчурина

Старшие отпускали нас домой и сами приводили все в порядок, а мы, прогулявшись, ложились спать-отдыхать, а вечером все вместе собирались у старшего брата мамы – дяди Миши, где вместе с его женой Маечкой и детьми с большим удовольствием и радостью продолжали этот теплый веселый и вкусный праздник. Дядина жена Маечка была великой хозяйкой, она всегда изобретала к столу что-то новое и необыкновенно вкусное.

Дочь Михаила Жарова Лиза, художник-мультипликатор

За заднем плане – жена Михаила Жарова Майя (мама Ани и Лизы), на переднем плане – Аня, дочка Михаила Жарова, актриса «Малого театра»

Рауф Акчурин, муж Светланы, с дочкой Ани Жаровой Наточкой

Дед Мороз – Рауф Акчурин, муж Светланы

И в каждом доме у нас была изумительно пахнущая натуральная елка, за которыми мы порой стояли в длинных очередях. Игрушками мы наши елки не перегружали, любили шарики разных цветов и размеров, и пушистые сверкающие гирлянды, и, само собой, разноцветные лампочки.

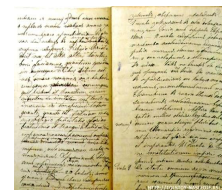
Конечно, у нас была и остается традиция новогодних сувениров, всегда с любовью придуманных, хотя и весьма скромных - по материальным затратам. Ведь не в этом же дело! Было бы сердце согрето жаром взаимной любви!

Новогодний праздник у Светланы Акчуриной

К сожалению, старших больше нет с нами, теперь старшие – мы, и мы стараемся по возможности, по ситуации сохранить эту великую традицию – традицию великого семейного праздника – праздника Нового года!

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Людмила Тюстина
(Москва)

«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!»

В статье использованы материалы из журнала "Московское наследие" Станислава Величко.

Тема разрушения памятников архитектуры Москвы, и не только Москвы, для многих болезненная, и, пожалуй, каждый в глубине души торжествует, когда получает доказательства реальной вечности существования того, что, казалось, навсегда исчезло по чьей-то злой воле или халатности, существования определенных вещей, понятий, чувств.

Об этом, собственно - по воле далеко не моей лично - эта статья. Постараюсь изложить всю историю четко и кратко.

О себе. В роду были художники и, по рассказам предков, неплохие. Прадед был даже придворным живописцем при царе-батюшке. Дар передается по непредсказуемой генетической абракадабре и требует реализации, невзирая на социальные барьеры и прочие сдерживающие обстоятельства. Посему занимаюсь творчеством сколько себя помню. Делаю коллекционные авторские куклы. Куклы - моя страсть, занятие и любовь.

Как-то моей дочери подруга дала полистать старый журнал «Московское наследие». «Полистала» и я. То ли за неимением времени, то ли по дурацкой привычке, но читать начала с последней страницы. До первой так и не дошла: внимание приковала фотография замысловатого полуразрушенного здания. «Надо съездить, посмотреть вживую», – подумала я, но когда прочитала статью, сердце сжалось и дышать стало трудно. Статья была написана Станиславом Величко. Предлагаю прочесть и вам.

Москвичи всегда отличались особой любовью к садам, которых в городе было великое множество. Это увлечение вновь захватило город в самом начале XX века, когда при многих особняках в Москве появились миниатюрные сады, порой занимавшие площадь менее 6-8 соток. Оригинальностью отличался небольшой сад текстильных фабрикантов из Баку армян Арафеловых (Арафелянов), особняк и текстильная фабрика которых стояли на углу Знаменки и Малого Знаменского переулка (д. 11/11).

История появления надписи не лишена курьезности. В 1910 г. Почетный гражданин Москвы Георгий Иванович (Геворк Ованесович) Арафелов захотел расширить свой крохотный садик (который на своих планах возвышенно именовал садом), предложив своему соседу, владельцу участка по Знаменке, князю Голицыну и его родственнику Баскакову выкупить у них большой кусок земли. Князь не только отказался уступить, но чтобы досадить Арафелову, выстроил два огромных доходных дома, заслонивших соседский сад от солнца и портивших его, так как они были обращены к нему невзрачной противопожарной стороной. «Процветать»

саду мешал постоянный сквозняк, образовывавшийся между уличным и дворовым корпусами домов Голицына-Баскакова.

Арафелов ответил Голицыну тем, что построил на границе злосчастного участка садовый павильон. Торец павильона его архитектор Аршак Измирян (тоже выходец из семьи бакинских нефтепромышленников и родственник Арафеловых) оформил в неоампирном стиле строгими дорическими колоннами с фризом над ними и маскаронем с изображением сурового пышновласого и бородатого мужчины - видимо, речного божества Ахелоя или Нила.

Голова божества была увита пшеничными колосьями и осокой — ибо вода дарит плодородие и жизнь, изо рта в фонтанную чашу стекала струя воды. Латинская надпись «ARCHITECTURA» на фризе, видимо, по замыслу Арафелова, должна была показать Голицыну, где живут настоящая архитектура и вкус и где они отсутствуют. И потому, наверное, не случайно маскарон фонтана напоминает знаменитые «Уста истины» (итал. *Bocca della Verità*) в Риме, «говорящие» правду всякому, кто вложит в них руку.

Семья Арафелова. Фото из семейного архива Станислава Величко

Фонтан не был сломан во время перестройки усадьбы Арафелова в 1913 году, пережил почти все тяжелое столетие. Многие москвичи помнят его высохшую и потрескавшуюся чашу, выщербленный маскарон. Павильон с пристенным фонтаном оставался на своем месте до осени 2000 года, когда был варварски сломан, чтобы уступить место уродливому железному гаражу. Это и был конец «Архитектуры», в прямом смысле этого слова.

Появилось нестерпимое желание сделать макет исчезнувшего здания, чтобы память об этом уникальном памятнике осталась хотя бы в таком виде. С этого момента работала уже не

мысль, а исключительно настрой на считывание информации, которая словно бы поступала откуда-то извне: как, из какого материала, в каком формате исполнить работу и каким изобразительным приемом передать посыл. Работа шла медленно.

Нужно было досконально воспроизвести фасад здания, с точностью вылепить все детали, соблюдая историческую достоверность. На всё про всё ушел год, как один восхитительный день, полный волнений, недовольства собой, радостных секунд маленьких побед, - короче, как в любой любовной истории.

На здании павильона оставлена трещина, символизирующая неосознанность угрозы рокового разрушения; фигура мужчины символизирует осмысленность и созерцательность; фигура женщины - гармонию, покой и красоту; играющие дети - полноту, радость и смысл жизни; и вода - жизнь как таковую.

И вот работа была готова. Объемный макет фасада Арафелова павильона, убранный под специальное стекло, стоял в гостиной. Поначалу я не знала, кому показать «картину», но была уверена, что тема обязательно затронет, и не одного человека.

Влезли с дочерью в Интернет, надеясь связаться с редактором журнала «Московское наследие», но узнали, что журнал перестали издавать полтора года назад. На всякий случай, как пальцем в небо, прошлись с фотографиями готовой «картины» по всем знакомым, галереям, мастерским... Глухо... Работа нравилась всем, ее предлагали в частные коллекции, но мне хотелось, чтобы с работой познакомились простые москвичи, кому не безразлична судьба утраченных архитектурных ценностей нашего города.

И вдруг снится сон. Дурацкий. Суетной. Истязаящий своей бессмыслицей. Во сне же себе заявляю: «Все. Надоело. Просыпаюсь!», и вырываю лишь последние фрагменты: один из странных героев произносит слово «величко». Что это?! Географическое название? Просто сумбур? Фамилия? И тут вдруг вспоминаю. Имя автора статьи об Арафеловом павильоне – Станислав Величко! Величко – прямые родственники Арафеловых!

Не удивительно. Думала, вот и приснилось.

Но ровно через неделю в галерее Елены Громовой, современном арт-пространстве, включающем в себя уникальные коллекции скульптуры, художественной куклы и живописи меня знакомят с Наиной... Величко, мастером по Мезенской росписи, искусствоведам и мамой... Станислава Величко!!!

Ка-а-ак? Из миллионов москвичей? Случайно? Ан нет. Просто «Аннушка уже разлила масло...» Павильон разрушен, и запущен механизм синхронистичности встреч и событий.

Разумеется, Наина и Станислав потом были у нас в гостях, и мы до ночи взахлеб тараторили о странных совпадениях. И о том, что напротив нашего дома находится музей меценатов, где Станислав бывает очень часто, что он – архитектор-реставратор, кандидат наук, и вообще уникальный человек – проводит пешие экскурсии, рассказывает и о нашем доме, узнаю и о том, что Величко имеют древние корни, и Станислав является праправнуком архитектора павильона, и если бы не драматические события, эта семья и ныне, возможно, жила бы в уникальном доме Арафеловых.

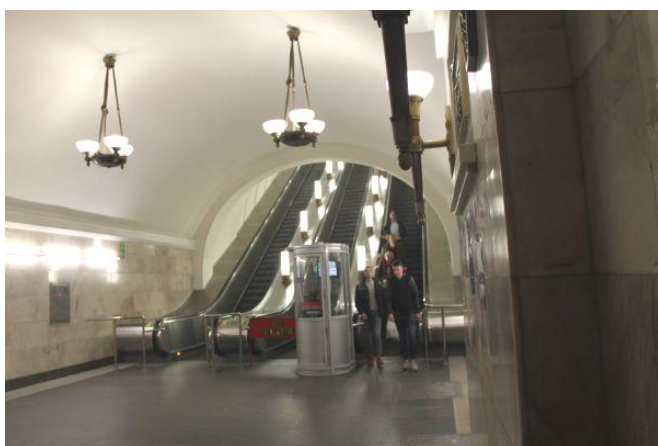
Говорили и о том, насколько один человек (это же было распоряжение одного конкретного человека) в состоянии уничтожить, стереть с лица Земли то, что сотворил другой. Извечная схватка созидателей и разрушителей! Одаренности и бездарщины! Света и тьмы!

Говорили и об архитектуре. О том, что в Москве усилиями немногих сохраняются редкой красоты и исторической значимости дома – удивительные, великолепные! Об этом надо говорить особо.

Но посмотрите внимательно, какие здания нынче появляются с поразительной нервной скоростью! Какой чудной архитектурной задумкой будут поражать потомков. Лично мне достаточно выглянуть в окно с Донской на Шаболовскую и Мытную, чтобы свежеевоздвигнутые задавившие старинные особняки и храм уродцы, – кстати, витиевато именуемые элитным комплексом, – не ввели в глубокую печаль. Иначе как «орочья гряда» их не назовёшь!

У нас, кукольных мастеров, существует поверье, что только кукла, поцелованная ангелом, имеет право на жизнь. Её предназначение – смягчать сердца, восхищать умы. Но куклу увидят лишь в галерее. И если она неудачна, то покоробит многих, но не массы людей.

А что говорить об архитектуре?! Больно видеть, как после реставрационных работ потрясающие фонари, бронзу, лепнину заменяют хайтековскими бездушными элементами. Загляните на любую станцию метро после такой вот «реставрации». Все гениальные задумки архитекторов были безжалостно уничтожены. На станции «Комсомольская» в переходе уникальная ажурная плитка подвергается грубой цементной реставрации!

До неузнаваемости изменилась «Октябрьская». Упомянем лишь, как будут потом говорить, утраченные – скользкое словечко вместо прямого по значению «уничтоженные» - факеловидные фонари на эскалаторе, созданные архитектором Леонидом Михайловичем Поляковым.

На станции, скажем, «Белорусская» фрагмент лепнины просто замазали штукатуркой. Временно? Или чтобы не возиться?

Да что там! Это мелочи! Посетите сайт Архнадзора и ужаснитесь масштабом уничтоженного, пролистав чёрную книгу (Московские утраты 2011–2014 гг.).

Поезжайте на ВДНХ и почитайте полемику вокруг павильонов, освобожденных от закрывавших их щитов, этой "алюминиевой чумы". Восстанавливать ли утраченные скульптурные формы (композиции), мозаику или, быть может, разумнее «сохранить своеобразный памятник периода модернизма полностью или частично», чтобы «люди могли проследить за изменениями облика фасадов», рассуждают И. А. Трубецкая и К. П. Михайлов. При всём уважении, господа, вспомните, что святым долгом реставратор считал всегда восстановить оригинал полотен великих мастеров, а не сохранить мазню поверх шедевра, чтобы проследить за изменениями облика холста!

До сих пор не могут определиться, что делать с уникальной башней Шухова. Ломать или реставрировать?

Говорят, что ложка дёгтя портит бочку мёда – это так. Но не будем забывать и то, что капля святой воды может очистить весь сосуд с водой мертвой! Будем говорить о прекрасном, творить прекрасное и беречь прекрасное!

Далеко не случай управлял созданием моей работы, а Провидение, требующее снова поднять вопрос об ответственности человека за творимый или уничтожаемый им мир!

Константин Юон. Лубянская площадь зимой. 1905 г.

СМЕХОТЕКА

Илья Криштул
(Москва)

ПЕРЕПИСКА

(жизнь в SMS'ках)

17 лет

«рст тыгде»
«абвгдома»
«опр спиш»
«руск22ий кклм делаюзафтра() (дектан»
«выхади двор,,,эю!»
«немогу родит(((? домане пустют закалибали»

20 лет

«тыгде»
«в универе»
«пошли вечерклуб идут ирка машка потом надачу кним!!!»
«лавэ нет занятьнадо»
«нетупи занимай и смсся»

30 лет

«ты где»
«в третьяковской галерее»
«извините ошибся номером»

40 лет

«Ты где»
«Дома смотрю футбол»
«Бери выпить иди ко мне смотреть моя свалила 2 дня теще Ирка Машкой уже едут!!!»
«Напиши смску чтоб я своей показал»
«Сергей у меня умерла теща в Тамбове помощи похоронить поехали на два дня в Тамбов»
«Еду»

50 лет

«Ты где?»
 «В парке внуком играю прятки»
 «приходи срочно эти старухи припёрлись Ирка Машкой боюсь начнут приставать»
 «Беги пока предложи поиграть прятки и запишись в туалете»

60 лет

«Ты где?»
 «ПИШИИИ КРУПММННЕЕ Я ПМНОХО ВЗИЖУ»
 «ТЫ ГДЕ?»
 «В БОЛЬ НИЦЕ АВТРА ОПЕРРРАЦИЯ НА ВВГЛАЗА ПОТОМММ ПОДЖЕЛУАБВГДОЧНАЯ И ПЕ
 ЧЕНЬ»
 «Я ТОЖЕ БОЛЬНИЦЕ ТОЛЬКО ПЕЧЕНЬ И ПОДЖЕЛУДОЧНАЯ ГЛАЗА ЕЩЁ ВИДЯТ»

80 лет

«ТЫ ГДЕ?»
 «ИДУ ИЗ КУХНИ В КОМНАТУ А ТЫ?»
 «ПОЛУЧИЛ ПЕНСИЮ ЖДУ ТЕБЯ У ПОДЪЕЗДА ТУСАНЁМСЯ»
 «ВЫБЕГАЮ БУДУ К ВЕЧЕРУ ЕСЛИ ЛИФТ РАБОТАЕТ. ЗВОНИ ИРКЕ С МАШКОЙ»
 «ЗВОНИЛ ОНИ ВЧЕРА В СОБЕСЕ КОЛБАСИЛИСЬ СЕЙЧАС ОТСЫПАЮТСЯ»
 «ПОЙДЁМ ТОЖЕ В СОБЕС МОЖЕТ С КЕМ-НИБУДЬ ПОЗНАКОМИМСЯ»
 «НЕ ЗАБУДЬ СЛУХОВОЙ АППАРАТ КАЛЬСОНЫ И КАК ТЕБЯ ЗОВУТ А ТО ОПЯТЬ ОПОЗОРИМСЯ»
 «А КАК МЕНЯ ЗОВУТ?»
 «ТЫ ГДЕ?»

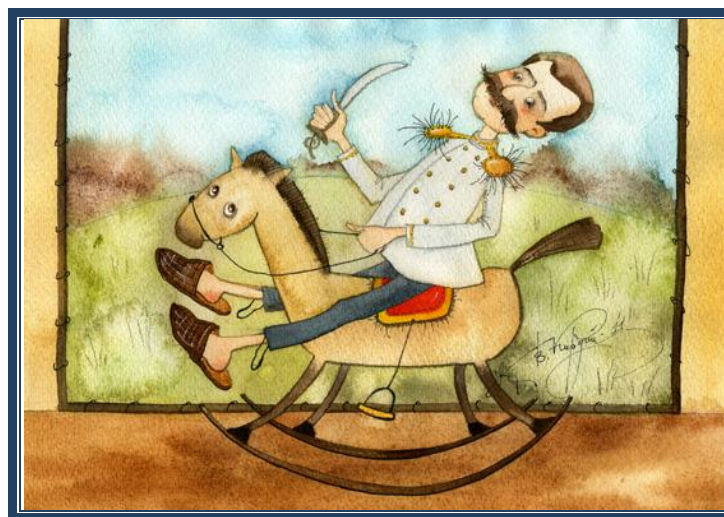
ЖИЗНЬ ПОД ВИДОМ

Майор полиции Иванов вышел из дома и под видом водителя сел в свою иномарку. Затем, под видом участника дорожного движения, он доехал до здания с вывеской «Сауна» и зашёл внутрь. В сауне майор полиции Иванов под видом клиента купил проститутку, попарился с ней, расплатился и под видом хорошо отдохнувшего человека вышел на улицу. Приняв вид посетителя, он зашёл в японский ресторанчик, где вкусно пообедал и, под видом оборотня в погонах, не рассчитался. День начинался явно удачно. Под видом майора полиции он доехал до родного отделения, где под видом посредника принял три взятки от родственников задержанных преступников и, под видом поездки на следственный эксперимент, развёз этих преступников по домам. Собрав после этого своих подчинённых, майор полиции Иванов под видом начальника отделения потребовал больше задерживать лиц с достатком выше среднего, а не нищих убийц, грабителей и насильников, с которых и взять нечего, а коттедж так и стоит недостроенный. После собрания майор полиции Иванов под видом татаро-монгольского ига объехал несколько кафе, где собрал дань под видом штрафов за незаконных узбеков, а самих узбеков под видом благодетеля поселил жить в детский садик. Этот садик майор полиции

Иванов ещё на прошлой неделе под видом обеспокоенного полицейского закрыл из-за несоблюдения мер по обеспечению детской безопасности, для чего пришлось ночью сломать качели, да и директриса дань платить отказалась. Закончив с этими делами, майор полиции Иванов под видом старого друга заехал в соседнее отделение, где за ящик коньяка купил у своего однокурсника почти раскрытое дело об ограблении прохожего. Под видом доброго следователя он уговорил этого прохожего поменять адрес ограбления поближе к своему отделению и под видом честного и усталого полицейского поехал в управление отчитываться. Под видом небогатого человека майор полиции Иванов доехал до управления на трамвае, но всё равно после отчёта денег осталось мало. Выйдя из управления, он под видом мужа и отца позвонил домой и сказал, что скоро приедет под этим же видом. Недалеко от своего дома майор полиции Иванов увидел агрессивно настроенную группу молодёжи и под видом добродушного старичка-пенсионера быстро прошмыгнул в охраняемый подъезд, откуда и хотел вызвать полицию, но пожалел своих сотрудников. У лифта к нему подошёл снимающий в этом же доме квартиру и находящийся в розыске за терроризм добропорядочный южный бизнесмен. Бизнесмен протянул майору полиции Иванову пухлый конверт, который тот случайно под видом слепоглухонемого человека взял, сунул в карман и стал шарить по стенке лифта в поисках нужной кнопки. Уже через пять минут майор полиции Иванов на своей кухне под видом главы семейства ел стерляжью уху и пил виски.

Кстати – родился майор полиции Иванов под видом грудничка.

Именно благодаря таким людям, как майор полиции Иванов, жители России спят спокойно под видом покойников на всех кладбищах нашей необъятной Родины.

Худ. Виктория Кирдий. Лошадь Пржевальского

СМЕХОТЕКА

Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)

ПРЕДПЕНСИОННЫЕ ПРИБАУТКИ

Шуточные стихи

Написано в кабине МРТ

Было время, я крутила на пуантах фуэте,
А теперь лежу нагая под прицелом МРТ.
Вместо нового - бывшее, вместо юмора – сарказм,
Потихоньку незаметно подбирается маразм.

Я скрываю от мужчины,
Что хрустят мои суставы,
Чтобы не было причины
Обращаться к костоправам.

В танцах я души не чаю
И пляшу до иступленья,
Громко музыку включаю,
И не слышно хруст коленей.

В автобусе еду, билетик купила.
Вдруг бабушка на ногу мне наступила.
Я тихо вздохнула, смолчала, стерпела.
Устала я очень, встать не хотела.

Пол блестит чистотой, цветы политы,
Мою квартиру просто не узнать,
Вот только... я слегла с радикулитом,
На очень аккуратную кровать.

Наблюдения в поликлинике

В поликлинике деды
В очереди маются.
Чтобы не было беды,
Кровь сдают, стараются!

Кровь в пробирках теплится.
Дедушкам не терпится -
Как анализы сдадут,
В парк подружек поведут.

Память подводит всё чаще меня,
Не молодею я день ото дня.
Но как писатель к подвохам готова -
Всё, что забуду, придумаю снова!

Прежде грезили «жувачкой»
И на спор ныряли в речку,
А теперь мезим в заначке
И тонометр в аптечке.

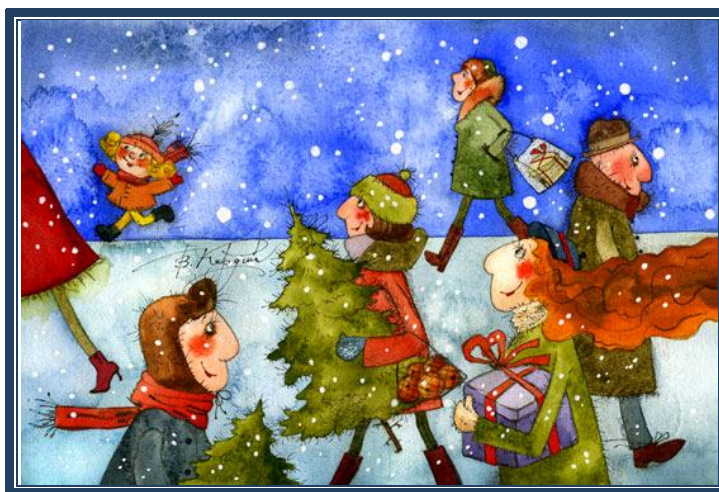
Свидание за 50

Разоденусь я в меха,
Спрячу паспорт от греха.
Кто сказал, что возраст важен?
Возраст - это чепуха!

Погляди-ка на подругу -
Тут приятно, там упруго,
Мы дадим такого жару!
Обалдеет вся округа!

Что за чудо?! С каждым годом отраженье всё моложе!
Седины не видно вовсе, и морщинок нет на коже.
Даже дышится мне легче – пыль исчезла на комode!
Оказалось всё банально – просто зрение подводит...

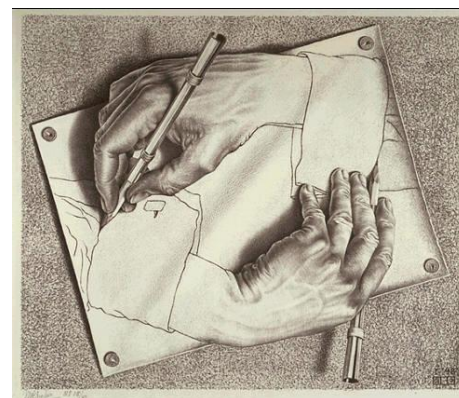
Говорят, что секс бывает лучше, чем рецепт врача.
Не спешите доверяться и «лечиться» сгоряча!
Вспомнив молодые годы, резво стариной тряхнёшь -
То ли вывихнешь колено, то ли спину надорвёшь.

Худ. Виктория Кирдий. Елки на носу.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Александр Гаспарян
(Ессентуки)

ЗОЛОЧЕННЫЕ ОРЕХИ

Пхали из шпината

Пхали – это такой вид холодной овощной закуски, без которой не обходится ни одно мало-мальски значительное грузинское застолье. Его готовят из шпината, молодой свекольной ботвы, красной фасоли, белокочанной капусты. Новогодний стол без пхали просто немыслим.

Основное правило для пхали из шпината - не жалеть орехов. С лобию (красной фасолью) в этом плане попроще. А со шпинатом, свекольной ботвой и капустой сэкономить на орехах не получится. Недостаток орехов в этих видах пхали будет кричать. Они словно говорят: «Зачем вы нас затеяли, если не имели достаточно орехов?!»

Итак, берем и отвариваем в кипящей подсоленной воде шпинат. Он очень нежный, варится мгновенно, не переварите. Конечно, если это шпинат молодой, а не мой ровесник. Откидываем на дуршлаг и даем стечь всей жидкости. А когда шпинат остынет, отжимаем из него всю воду руками.

Далее ножом нарезаем его до состояния кашицы. Кладем в эмалированную или стеклянную миску.

Можно измельчить все и в блендере. В том же блендере (но не вместе со шпинатом, так как трудно будет потом отрегулировать соль и специи) измельчаем грецкие орехи, несколько зубчиков чеснока, одну среднюю луковицу, зелень кинзы (многие кладут еще и зелень петрушки, но не я), горький перец чили, часть стручка, предварительно нарезанного. Полученную ароматную массу смешиваем со шпинатом, добавляем молотые семена кинзы (кориандра), уцхо-сунели (молотые семена пажитника голубого; в крайнем случае можно заменить на хмели-сунели, но это уже будет не то) и немного, приблизительно столовую ложку, винного уксуса. Здесь нужно иметь в виду, что уксус натуральный, из вина, а не уксусная эссенция. Если не достанете настоящего уксуса, то можно заменить свежавыжатым соком граната с капелькой лимонного сока.

Все нужно перемешать в однородную массу. Традиционно пхали из шпината украшают зернышками граната. Раньше подавали на закусочных тарелках, придав форму невысокого цилиндра, а украшали пересекающимися полосками, которые делали с помощью вилки. Сейчас стало модным катать из пхали шарики и подавать их в составе ассорти из других видов пхали.

Золоченные орехи

Это было в Забайкалье, в городе Чите, ранней весной 1942 года. Лялюке шел тридцатый год. Была она уже не памина-мамина Лялюка, а жена военврача, мать девочки Ирочки и еще не родившейся девочки Наточки. То, что у нее будет девочка, Ляля ни минуты не сомневалась. Как

не сомневалась и в том, что девочку назовёт Наточкой, Наташей. Муж не только не возражал против имени, но и был уверен, что Натальей девочку назовут в честь его матери, умершей совсем молодой. Сама Ляля знала, что назовет будущего ребенка в честь Наташи Ростовской. Уж слишком страшна была судьба ее несчастной свекрови, которую она видела только на маленькой фотографии три на четыре.

Ребенок должен был родиться во второй декаде мая. В теплой и ласковой Грузии, откуда были родом Ляля и ее муж, в это время уже почти лето. Но в Чите стояла настоящая зима, лютая, забайкальская, военная и голодная. Ляля понимала, что ей, в отличие от миллионов других женщин, несказанно повезло. Ее муж не на фронте, а с ней, в глубоком тылу. Они получают офицерский продуктовый паек и денежное довольствие. Правда, в тот период, когда дела на фронте обстояли очень неважно, даже с пайком было несладко. Но Ляля каждый день благодарила судьбу и не роптала.

Однажды, находясь в общей кухне офицерского барака, Ляля увидела, как соседский мальчик ломает грецкие орехи и с аппетитом поедает их один за другим. В начале 1942 года грецкие орехи в Чите вызвали большее удивление, чем высадка человека на Луне в 1969 году. Тем не менее перед мальчиком действительно лежал мешочек с орехами, которые он с аппетитом поедал.

Ляля всегда любила орехи. Но в это трудное время даже и не смела о них мечтать. А увидев их своими глазами, вот здесь, на коммунальной кухне, а не в детских воспоминаниях, Ляля поняла, что не сможет дальше жить, если срочно, вот прямо сейчас не съест, хотя бы один орех. Разумеется, причиной такого острого желания, было ее тогдашнее физиологическое состояние.

Пересилив свою природную стеснительность, Ляля попросила у мальчика один орех. Тот посмотрел на нее и отказал.

Ляля вернулась в свою комнату и начала по ней метаться. Она не могла успокоиться. Ей чудилось, как она вынимает вкусную сердцевину грецкого ореха и ест его долго-долго, ощущая каждую крошку, каждую молекулу его маслянистого вкуса. Ляля не могла с собой ничего поделаться. Видение ореха ее мучило непрерывно, тем более что сквозь фанерные стены барака она слышала, как разбиваются и разбиваются орехи, один за другим. Тогда Ляля решила и постучалась в комнату соседки, матери того мальчика. Она просила соседку дать ей один орех из сказочного мешочка. Соседка смерила ее презрительным взглядом и сказала: «Еще чего! Эти орехи для ребенка!» - и захлопнула дверь.

В полном отчаянии Ляля вернулась к себе. И тут она вспомнила, что в коридоре, высоко-высоко, на общих антресолях, хранятся елочные игрушки, которые они привезли с собой еще из Ленинграда. Там, в этих игрушках, должны были быть золоченые орехи, которые привозила ей мама и которыми они украшали елочку для маленькой Ирочки, живущей сейчас с бабушкой в Тбилиси. Это были настоящие грецкие орехи из Грузии, покрытые для красоты бронзовой краской.

Ляля выскочила в коридор, вытащила из кладовки огромную общую стремянку, потащила ее к антресолям и полезла наверх. Нашла коробку, кое-как спустилась вместе с ней и побежала к себе, неся коробку, как самую важную в своей жизни драгоценность.

Едва прикрыв за собой дверь, Ляля открыла коробку и стала вытаскивать из нее золоченые орехи. Всего их было штук десять. Там же, сидя на полу, она, схватив первый попавшийся тяжелый предмет, стала разбивать их. Большинство из них уже были испорчены. Но попались два-три вполне пригодных, которые Ляля с удовольствием съела. И тут же успокоилась. Ни до этого, ни после, Ляля не испытывала никогда такого острого желания съесть

что-то во время беременности. Это был единственный случай. Может быть, потому он так ей запомнился.

Через месяц Ляля родила Наточку. Малыш был ладненький, круглоголовый, круглолицый и круглоглазый. Наточка, собственно, такой и осталась, даже когда стала нашей мамой, а затем и бабушкой нашим детям.

А Ляля, моя бабушка, всегда говорила, что беременные женщины находятся на особом положении. И даже если ты ребенок, ты тоже должен угостить ее тем, что сам ешь, особенно чем-то вкусненьким. А вдруг ей очень этого хочется, а попросить она стесняется.

А елочные игрушки – дело наживное, тем более орехи.

ГОЗИНАХИ

Гозинахи – это такое грузинское новогоднее лакомство из грецких орехов с медом. Готовится оно так. Сначала отбирают ядра грецких орехов самого лучшего качества, то есть как можно светлее. Далее, острым ножом все орехи нарезаются в тонкую стружку. Дело это мучное, поэтому коллективное. Затем берут сковороду с гладкой поверхностью. В идеале – медная сковорода. Во многих семьях в Грузии эти сковороды используются только для гозинахов.

Итак, нагревается сковорода и на ней поджариваются нарезанные орехи. Жарить их нужно на небольшом огне, постепенно, перемешивая, чтобы не потемнели. После этого сыпают все орехи на большой поднос и сдувают с них отставшую шелуху. Нужно подбрасывать орехи на подносе и дуть одновременно. Таким образом, в конце концов на подносе останутся только чистенькие орехи. На очищенную от ореховой шелухи сковороду наливают мед и доводят его почти до кипения. Затем добавляют немного сахарного песка и растворяют его в меде. Сразу после этого высыпают в сковороду орехи и перемешивают до однородной массы. Пока масса горячая, ее выкладывают на смазанную растительным маслом доску и раскатывают скалкой, также смазанной растительным маслом. Опытные хозяйки используют вместо масла воду, но так труднее.

Гозинаки раскатывают до толщины 7-8 мм и оставляют остыть. В холодильник ставить нельзя. Когда гозинаки уже немного остынут и схватятся, их нарезают ромбами и оставляют до полного затвердевания. Все очень просто, но есть небольшой секрет. Если положить сахара в мед недостаточно, гозинаки не затвердеют и будут тянуться, как ириски. А если положить больше, чем нужно – будут твердыми как стекло, и есть их будет невозможно. Бабушка моя клала на 250 граммов меда одну столовую ложку сахара.

Без этого классического новогоднего лакомства Новый год в Грузии – не Новый год.

Мать моего отца, бабушка Сиран, была потрясающей хозяйкой. Она умела делать абсолютно все. Соседки постоянно к ней обращались за советом. Даже тогда, когда она уже не вставала, к ней приходили и спрашивали, сколько нужно купить мяса, рыбы, кур, риса, овощей для большого застолья, человек на 200-300, свадьбы, например, или поминок. В те времена люди еще предпочитали ставить палатки во дворах и принимать гостей дома. Так вот, бабушка моя, без всякой ручки и бумаги, начинала диктовать: мяса, столько-то, рыбы столько и т. д.

А когда была на ногах, лучше нее никто не готовил. Естественно, славились и ее гозинаки.

И вот однажды, когда распался Советский Союз и жизнь в Тбилиси стала очень трудной, мы пришли к выводу, что гозинахов у нас в этом году не будет, так как орехи и мед стали фантастически дорогими, да и сахара тоже ощущалась определенная нехватка. И если стакан

орехов на микроскопическое сациви мы смогли купить, то орехи для гоziнахов посчитали непозволительной роскошью. Это было, конечно, очень грустное решение, так как с моего рождения не было такого года, чтобы не готовились новогодние гоziнахи. Но я был уже большим мальчиком, даже женатым. Просто было обидно за младшую сестру, которой тогда было всего 11 лет. Но даже и она уже смирилась с тем, что нынешний Новый год совсем не такой, как прежние.

В ночь за один день до Нового года я почему-то проснулся и решил пойти на кухню попить воды. Выйдя в прихожую, я увидел свет в бабушкиной комнате. Естественно, очень испугался. Женщине было почти девяносто лет! Открыл дверь и увидел картину: моя старенькая бабушка сидит на кровати, на коленях у нее подушечка, на подушечке досочка, в руках нож, и нарезает она орехи для гоziнахов. Сама! В третьем часу ночи! В таком возрасте! Орехи, которые мы не купили!

Оказывается, моя старенькая худенькая бабушка Сиран, для того чтобы всем поднять настроение, вступила в секретные переговоры с соседкой, так как сама уже из дому не выходила, и на какие-то свои, чудом сбереженные деньги купила немного орехов. А нарезала их ночью потому, что мы все обжоры. И вместо того чтобы нарезать орехи, половину бы съели. А орехов и так мало. Нужно сказать, что в прошлые, сытые годы мы действительно съедали почти половину того, что нарезали. Так что бабушка, зная за нами такой грех, решила отказаться от нашей помощи.

Мне оставалось только расцеловать свою бабушку, которая всегда была образцом неисчерпаемого оптимизма.

Благодаря бабушке Сиран у нас не только были гоziнахи в тот год, но и появилась уверенность в том, что трудные годы пройдут, как было уже не раз, и все снова наладится.

Пусть у всех, кто прочтёт о моей героической бабушке, будет счастливый и сладкий, как гоziнахи, Новый год!

НОВЫЙ ГОД

Шакар-лукум

Шакар-лукум - это такое печенье, которое очень распространено по всему Ближнему Востоку. Его пекут и турки, и армяне, и персы, и арабы, и ассирийцы. Словом, все народы этого региона. Характерной особенностью этого печенья является его очень длительный срок хранения, в результате чего, оно становится не только не хуже, а еще лучше. Шакар-лукум брали с собой в многомесячные путешествия караванщики. Его удобно было перевозить с места на место кочевникам. А оседлым жителям это печенье нравилось тем, что позволяло всегда иметь в доме угощение на случай неожиданных гостей. Тогда это чудесное желтенькое печенье в сочетании с чаем, кофе, орехами и сухофруктами выручало любую хозяйку, будь то хозяйка дворца или хижины.

Для его приготовления нужно настоящее топленое масло. Топленое масло лучше делать самим. Для одной порции шакар-лукума требуется: 1 стакан топленого масла, 1 стакан сахара, 1 желток. Муки столько, сколько пойдет до состояния мягкого, не липнущего к рукам теста. Так как мука всегда разная, то точно указать ее количество невозможно.

Готовое тесто раскатывают руками в жгут диаметром 5–6 сантиметров и нарезают на равные кусочки. Из этих кусочков скатывают шарики. Затем каждый шарик сплющивают и разрезают на две равные части.

Выпекают на среднем огне на сухом противне, желательнее на пекарской бумаге. Выпекая печенье, нужно внимательно за ним следить, чтобы не допустить его поджаривания. Шакар-лукум должен быть бледным или желтоватого цвета, но ни в коем случае не румяным.

Готовому печенью дать полностью остыть, а затем посыпать сахарной пудрой. Свежевыпеченное печенье бывает жестким, что никогда не останавливало обладателей крепких зубов. Для всех остальных следует печенье сложить в эмалированную кастрюлю с плотно прилегающей крышкой и оставить хотя бы на несколько дней. Желательнее на неделю или даже больше. Отлежавшись в кастрюле, шакар-лукум станет мягким и рассыпчатым. Вот почему его очень удобно готовить заранее, а доставать из кастрюли только в день праздника. И конечно, шакар-лукум будет уместен на новогоднем столе, до самого старого Нового года радуя своим простым, но очень приятным вкусом.

Новый год

Сейчас Новый год – мой любимый праздник. Но так было не всегда. В детстве меня раздирали противоречивые чувства к этому празднику. С одной стороны, я очень любил домашние новогодние приготовления: елку, пусть и искусственную, всякие вкусности, гостей и подарки от родных. В самую новогоднюю ночь можно не спать хоть «до скольки», только бы выдержать. Родители прекрасно знали наши возможности и разрешали не спать до самого утра. А потом относили нас в свои кровати почти сразу после полуночи. Во всяком случае, меня. Света, моя старшая сестра, боролась со сном гораздо дольше. А потом утром хвасталась передо мной, что высидела до такого-то часа. Светка вообще была в детстве задирой. Я считал ее врединой. А она была самым близким и родным мне человеком, которого сейчас очень не хватает.

С другой стороны, в праздновании Нового года я, будучи ребенком, видел больше отрицательных моментов, чем положительных. Я и сейчас считаю, что Новый год – это праздник для взрослых. Детей нужно оставить в покое. Я с детства ненавидел Деда Мороза с его идиотской Снегурочкой, с «ёлочкойзажгись!», с подмигивающими и притоптывающими аккордеонистами и с сиротскими подарками просроченных дешевых конфет и мандаринов, которых в Грузии и так навалом по бросовой цене. Ну как меня мог обрадовать подарок, состоящий из конфет с повидлом, которое я не ел даже в бабушкином исполнении? Или два мандарина с подгнившим бочком, когда у нас на балконе стоит мешок отборных мандаринов? Меня бы очень обрадовал игрушечный мышонок, или лягушонок, или какая-нибудь машинка, красивый календарик с переливающимися картинками. Я не говорю, что игрушек у меня не было. Были, и очень много. Но в этих подарках был бы смысл, ощущалось бы желание действительно порадовать детей пусть копеечным, но сюрпризом.

Особенно я ненавидел Снегурочек. Они почему-то всегда меня выхватывали из общей толпы детей, целовали, прижимали к себе, крутили и вертели во все стороны, а потом ставили перед всеми детьми на табурет и просили сказать стишок, а то «елочка не зажжется»!

И вот я стою, взрослый двух-трех-четырёхлетний пацан, на табуретке, рядом с этой противной Снегурочкой, и прекрасно знаю, что елочка погасла не из-за меня, а ее выключил тот дядя, который зашел за сцену. И скажу я стишок или нет, не имеет никакого значения. Но большинство детей этого не знает! Они думают, что это я испортил елочку и весь праздник! И

объяснить это всем, стоя на табурете, было невозможно. Слезы сами начинали капать из глаз от незаслуженной обиды. Начинаешь искать глазами маму, а ее, как назло, не видно! И тут еще Дед Мороз начинает на тебя смотреть, и шевелить бровями, и говорить, что не даст мне подарка! Сколько раз мне хотелось крикнуть этому противному Деду Морозу, что свои расплавленные конфеты и подгнившие мандарины он может мне не дарить. Но вместо этого я, сгорая от стыда, начинаю говорить стишок про зайку, которого бросила хозяйка, хотя знаю наизусть всего Чуковского и детского Маршака. И меня, наконец-то, отпускают с табуретки, зажигается елочка, все начинают веселиться, а я с ревом бегу к маме, чтобы она поскорее забрала меня с этой проклятой елочки.

Вы можете подумать, что водили меня на елки в какие-то сельские клубы. Но это не так. Водили меня в самые престижные места типа окружного Дома офицеров, Совета Министров Грузинской ССР, Управления Закавказской железной дороги, к папе, на большой и богатый завод. И везде было одно и то же. Пожалуй, только на папином заводе и в Совмине подарки были немного побогаче – встречались несколько шоколадных конфет, шоколадные монетки и маленькие плиточки «Сказки Пушкина». Но для сытых тбилисских семидесятих годов – все равно ничего интересного.

Почему-то считалось, что в новогодние праздники детей нужно так затаскать по елочкам, чтобы они на весь год навеселились. И не пойти было нельзя: «Ты что, тетя Варя тебе достала билет на елку в Совет Министров!» Согласитесь, словосочетание «Совет Министров» для малыша звучит как приговор. Как можно не пойти, если сам Совет Министров! Моя бабушка жила напротив этого огромного здания, и я видел черные «чайки» снующие туда-сюда. И как я мог не послушаться, когда там все так строго!

Поэтому я своих детей по елкам не таскал, за что они мне очень благодарны. Новый год они любят с детства и никаких травмирующих моментов в связи с его празднованием не знают.

А мне осталось только поздравить всех вас с наступающим Новым годом и пожелать вам, вашим детям и внукам веселых праздников без принудительного веселья!

Худ. Виктория Кирдий. Горка

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Виктор Гутков

(Санкт-Петербург)

КАКОГО СЧАСТЬЯ

В Новом году чего, как правило, желают? Обычно – что-то обрести. К тому, что вроде как уже и есть, присутствует, но нуждается в дополнении и совершенствовании.

А хочется-то порой, да и надо бы, вовсе не обрести, пополнять, а просто вернуть. Из уже бывшего, прожитого и как-то неоправданно утраченного. Но желать так не принято. А почему?

Вот желают обыкновенно, бездумно, я бы сказал, красоты, здоровья, счастья. Без конкретики и лишних подробностей.

Да только откуда всему тому взяться, если, скажем, уже:

- печень убита прежними радостями;
- в мешках под глазами все нажитое непосильным трудом;
- взор блеклый, равно как и взгляд на жизнь, и общий тусклый облик;
- былые кудри поредели и уныло распрямились, если вообще наличествуют;
- рисунок живота давно уж не ассоциируется с тетрадь в клеточку, ну и т. д.

Можно продолжить, но смысла нет. Ясно дело, в таком раскладе любые пожелания красоты и счастья ну, мягко говоря, безосновательны, если не таят в себе издевки. Они пусты, формальны и неискренни ввиду заведомой неисполнимости в силу любого из означенных пунктов.

А надо бы желать предметно. И обоснованно, с оглядкой на реалии жизни. Например, сообразно вышеприведенному перечню невзгод, как-то так: «Восстановления вам функции печени, почек, общего метаболизма организма, юношеского прекраснотушения, немотивированной веры и необузданного оптимизма!»

Хотя тоже отнюдь не факт, что здесь движение вспять возможно. Не говоря уж о готовности и разумности для индивидуума во зрелости своей вновь обрести этикие достоинства психоэмоционального восприятия действительности, пусть и слагающиеся неведомым путем в некое квазисчастье.

Тут надо осторожно и с умом. Возвращать, но не опрометчиво. Вдумчиво и с чувством. А то вернется то, что и вовсе без надобности.

Вот я, например, уже не хочу возврата нищеты советского детства, школы, всеобъемлющей пропаганды и всего связанного с тем временем вранья, кривлянья и притворства. Но хочу возврата оттуда простых человеческих отношений, объединявших большинство из нас, минуя деньги и достаток. Возврата мерил достоинства человека тех лет. Потому что мне они нравились. Тогда. И по душе сейчас.

Хочу опять испытывать гордость за свою страну и ее народ.

А еще хочу возврата насколько бесчисленных, настолько и бесплатных детских кружков и секций. Такого же бесплатного, но очень крепко и толково выстроенного образования для своих детей и внуков.

Хочу снова верить, что, случись болезнь, придет давно знакомый всему дому доктор - участковый врач из поликлиники. И не будет в том визите и враче ни пустоты, ни безразличия.

И еще - отдельно, особо. Очень хочу возврата приличной русской литературы. Уровня Тургенева, Гоголя и Достоевского. И обязательно корректоров в редакции и издательства. Книг без грамматических ошибок. Некосноязычных, но внятных на словах и деле «лидеров нации». И уважения к родному языку. И принародного позорища для тех, кто уж по должности своей и чину язык наш знать и чтить обязан, но образцом тому не служит.

А самое главное – возвращения в наши отношения доброты и ценностей духовных с оттеснением на второй план регалий, достоинств и ценностей суть коммерческого свойства, содержания и направленности.

И будет нам, быть может, счастье. Пусть если не во всем, то в главном.

Худ. Виктория Кирдий. Дорога

ФОТОГАЛЕРЕЯ

*Новогодние фото из детства
авторов-участников МОССАЛИТА*

Ирина Егорова

Ира Егорова

НОВОГОДНЕЕ

Мы – на пороге утра, года, жизни,
И нас несёт поток
Через такой – почти неразличимый
За празднеством порог.
И этих неисхоженных порогов
Сегодня столько, сколько есть дорог.

Сегодня Неизвестность обручают –
Со всем, чего хотят:
Кто – с тайным, а кто – с явным пожеланием.
Гляди – кругом кутят!
И этих не отведаанных желаний
Сегодня в мире – как слепых кутят.

Несёмся током разноцветной страсти –
Кто тише, кто быстрее.
А кто-то свыше, облечённый властью,
Венчает узы дам и королей,
И отпускает из пучины счастья
К нам мириады белых кораблей.

Что стоишь, разинув рот?
Нас несёт водоворот
Прямо, прямо в Новый год!..
Вот!..

Год минуток хороводом
Незаметно рос и рос,
И внезапно-Новым годом
Укусил себя за хвост.

Александр Сухих

Он с детства - с дамой и в усах.
Вокруг витает томный стих.
Рубаха, чубчик, синь в глазах -
Иван-царевич, А. Сухих.

Цесаревич Саша Сухих

Зинаида Кокорина

У Мороза – бровь на глаз,
А у Зины пыл угас:
Так Снегурочка старалась,
А подарка не досталось.

Снегурочка Зина Кокорина, 14 лет

Светлана Сударикова

«Волшебное время, когда мы еще знали, что Дед Мороз существует».

Стихи читает Света Сударикова

Ольга Грушевская

«...Вдруг она встала, сделала реверанс и воскликнула:

– Вот твой билет, ты идешь на концерт, – и протянула ему ореховый лист. – Концерт начинается! Выступаю я!»

(Отрывок из повести «Дети»)

С новым годом!

Пусть, наконец, задуманное сбудется...

Танцующая девочка Оля Грушевская

Михаил Петухов

Хоровод, хоровод,
Кто танцует, кто поёт.
Очень весело в саду,
Но когда ж домой пойду?
Мама, ты меня найди,
Поскорее заberi,
Дед Мороз ко мне придёт
И подарок принесёт.
Может быть... велосипед?
А меня и дома нет!

*Миша Петухов водит хоровод вокруг елки
(отмечен стрелкой)*

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ПОКОРНАЯ ОВЕЧКА ИЛИ КОЗЁЛ ОТПУЩЕНИЯ?

Москва, красавица предновогодняя, нарядная, сверкающая, возбуждённо-радостная! Как же я люблю бродить по декабрьским улицам родного города и, вглядываясь в лица, представлять их жизнь. Куда спешат эти люди? Как и с кем будут праздновать тридцать первого? Какие подарки купят близким? Ёлки, большие и маленькие, искря шариками и мигая гирляндами из витрин магазинов, заманивают прохожих зайти и присоединиться к всеобщему предпраздничному марафону. И люди послушно снуют, мелькая многочисленными пакетами с покупками, по два, три, четыре в одних руках. Предвкушение Нового года...

«Каким он будет?» - спрашиваю я себя и, нагуляв по холодку аппетит, захожу в любимое кафе. Уже в тепле, обхватив ладошками чашку с кофе, чувствую, как счастье не спеша течёт по телу, заполняя каждую клеточку приятными весёлыми мурашками.

За соседним столиком две девушки, уплетая тирамису, о чём-то оживлённо болтают. До меня долетают обрывки разговора: гороскоп, год Овцы, Зелёная Деревянная Коза... Ага, понятно, обсуждают приближающийся год. Ну почему людям так важен гороскоп? Хотя, что скрывать, я и сама порой заглядываю в предсказания – ну-ка, что мне там наобещали? Ох, не знаю, сбываются ли прогнозы, но в уходящий год Лошади и в самом деле пришлось пахать! Что же ждать от года Овцы... или Козы?

Вдруг подумалось: ведь со словами *коза* или *козёл* большинству людей приходят в голову неприглядные ассоциации: «козёл отпущения», «как от козла молока», «козья морда», «на кривой козе не объедешь», «козёл вонючий» и много других обидных сравнений. Даже «козлиная бородка» отнюдь не комплимент. Получается как-то не очень справедливо. Вспомните всеми любимый фильм «Бриллиантовая рука», где одного из главных героев одарили нелепо звучащей фамилией – Козодоев! М-да... Даже маленьких детей пугают: идёт коза рогатая... А что уж говорить про спортивного козла, через которого надо сигать с разбегу. Зато конь - благородный снаряд, на нём отрабатывают красивые и сложные упражнения – загляденье!

Тем не менее у этих несчастных жвачных есть много полезных качеств: чудесные оренбургские платки, связанные из козьего пуха, кашемир, теплейшие козьи носочки и рукавички, а ещё очень полезные козье молоко и козий сыр! На Кавказе очень популярны рога горных козлов – туров. Рога обрабатывают и придают им совершенный вид с помощью отделки из серебра. Такие рога-бокалы хороший подарок на свадьбу или юбилей.

Овце тоже не особо повезло. Сравнения звучат совсем не в ее пользу: глупая, как овца. Да и вообще слово *овца* стало нарицательным. Но если задуматься, все мы - «овцы божьи», а Господь - наш «пастырь». Что же получается, нас не оскорбляют, называя овцами? Совсем даже наоборот! Что дурного в бедной маленькой овечке? Даже засыпать нам помогает методичный пересчёт этих милых парнокопытных. Чудесное животное! А как овцы разумно ведут себя, когда чувствуют приближение волка! Всё стадо покорно сбивается в круг, тесно прижимаясь друг к другу. А бараны, повернувшись рогами наружу, занимают последний, крайний круг. Вот это оборона! Очень даже не глупо!

Так всё-таки каким же будет предстоящий год Козы-Овцы? Будем козлами отпущения в борьбе за лучшую жизнь или покорными овечками, притесняемыми злыми волками? Что нас ждёт? В чём встречать? Что на стол ставить? Думаю, каждый из нас задаёт себе этот привычный вопрос каждый год, независимо от гороскопа. Под бой курантов мы допиваем шампанское из бокалов и, жмурясь от стреляющих в нос пузырьков, загадываем желание. Новое счастье, крепкое здоровье, любовь взаимную и зарплату достойную. Но, как говорится, главное, чтобы не было хуже, чем есть. И это вовсе не пессимистическая мысль, а мудрое, нескончаемое терпение русского человека. Нас не победить и не напугать никакими гороскопами. Так что не важно, в чём встречать год Козы или Овцы. Главное, вместе, дружно и с любовью. Как пушистые овечки, встанем спина к спине и переживём любые невзгоды, и выстоим, и дождёмся!

Главное, чтобы наши «бараны» не подвели!

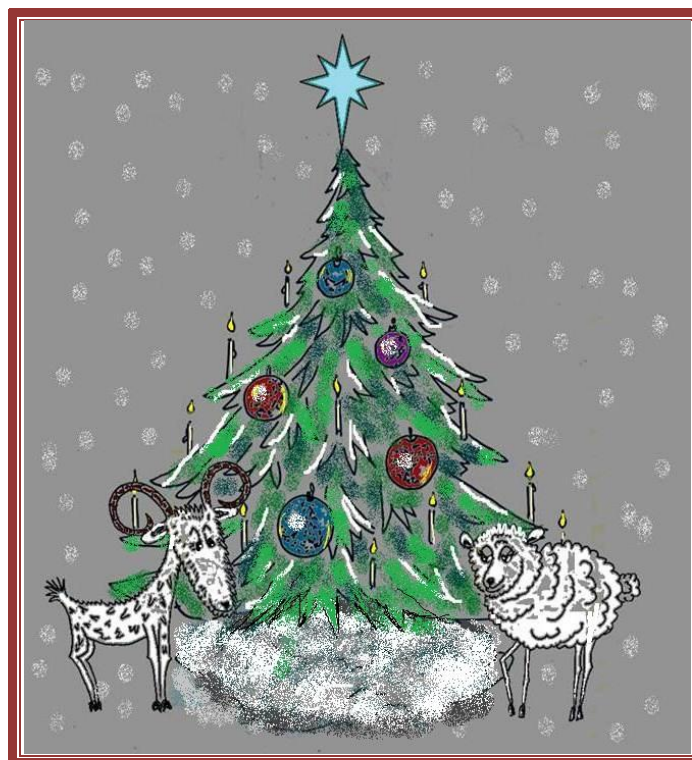

Рис. Анны Народицкой

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

Фото автора

РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ

Рождество Христово – один из самых главных христианских праздников.

На Руси этот праздник стали отмечать в конце X века после крещения Руси великим князем Владимиром. Выпадает праздник на 7 января, по старому стилю – 25 декабря. Традиции празднования Рождества, к сожалению, утрачены. Елка давно превратилась в новогоднюю, вместо рождественской звезды на верхушке сияет пика, а разноцветные шары давно перестали быть символом райских яблок. Но, к счастью, традиции возрождаются. Каждая семья в современной России празднует Рождество по-своему: кто-то постится, до первой звезды употребляя только сочиво, отчего и вечер называется Сочельником, кто-то собирается за семейным ужином, кто-то с друзьями весело проводит рождественский вечер. Давно исчезли традиции рождественского стола, каждый выбирает праздничные блюда самостоятельно, будь то сочиво, кутья и взвар, или рождественская утка, или карп, или салат оливье, так любимый многими поколениями. Но одно, несомненно, объединяет россиян в этот вечер: ощущение волшебства и праздника, тихое ожидание чуда, елка, сверкающая разноцветными огнями, и дрожащие в отражении оконного стекла свечи.

В прошлом году на московских улицах впервые появились рождественские базары, которые в Москве называются «Путешествие в Рождество». Повсюду в городе выросли маленькие сказочные городки из симпатичных деревянных павильонов, празднично украшенных еловыми ветками, гирляндами и прочими новогодними и рождественскими атрибутами.

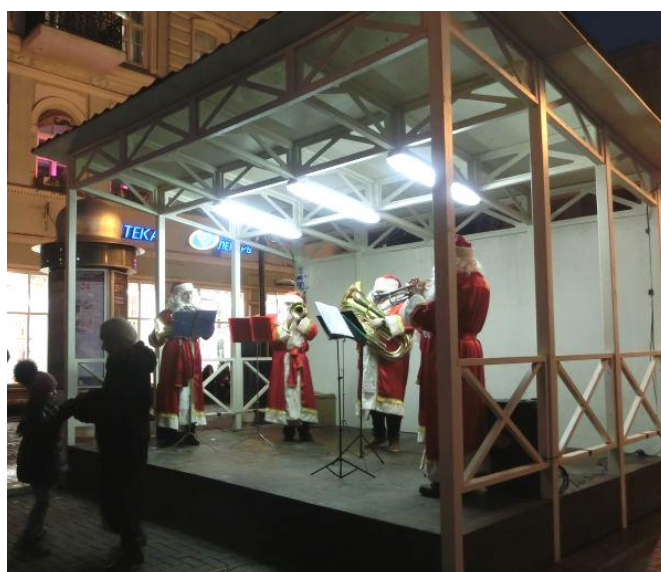
В этих павильонах можно было купить различные сувениры, елочные украшения, изделия народных промыслов, а также полакомиться традиционными русскими, и не только русскими, блюдами, выпить горячего чая или глинтвейна, потанцевать с веселым Дедом Морозом, выиграть приз и просто посмеяться и послушать музыкантов, обязательно присутствующих на каждой такой площадке.

В этом году темой рождественских путешествий стали сказки народов мира. Каждая площадка носит свое сказочное название: «Алиса в стране чудес», «Сказочный город гномов», «Зазеркалье», «Лукоморье», «Пиноккион» и другие. Так что не удивляйтесь, если вы вдруг встретите Емелю, который ненадолго слез с печи, или Буратино, или Кота в сапогах. Ну и конечно, не обойдется без Деда Мороза и Снегурочки.

А если после стаканчика горячего глинтвейна вам покажется, что Дед Мороз уже не один, а их целых четыре, да еще и играющих на трубах, кларнете и фаготе, не переживайте, у вас в глазах не двоится – это такой маленький оркестрик.

На фестивале Рождества присутствует много гостей, так как Москва всегда славилась своим гостеприимством.

Так, в сказочной деревне «Пиноккион» вы можете купить сувениры из Сицилии и поехать ресторанчике, где вам предложат настоящую итальянскую еду настоящие итальянские повара. Свои сувениры продают гости из Страсбурга, Риги, Копенгагена и других городов Европы. Они привезли традиционные товары, которых больше нигде в Москве вы не купите. Попробуйте вкуснейшее страсбургское варенье, купите сицилийскую керамику, но не забывайте и про товары русских народных промыслов.

Если вы любите кататься на коньках – вам самое место на ВДНХ, где открылся самый большой каток в Европе и где пройдет концерт в новогоднюю ночь. Никольская, Арбат, Тверской бульвар, Столешников переулок, Театральная площадь, Красная площадь и другие улицы превратились в веселые ярмарочные городки, где можно будет покататься на тройках и даже верблюдах, поучаствовать в традиционных зимних забавах, посмотреть представления уличных театров, послушать музыкантов и просто отдохнуть. Что может быть лучше чашки горячего глинтвейна в холодный зимний день!

А 13 и 14 декабря на улице Забелина, что в Китай-городе, состоялся Рождественский Елисаветинский благотворительный базар, где была воссоздана атмосфера городского народного гуляния конца XIX - начала XX века, прошли выступления народных музыкальных коллективов, в празднично украшенных павильонах можно было купить сувениры из Елисаветинских монастырей и изделия народных промыслов, таких как «Гжель» и «Дымковская игрушка». А еще съесть вкуснейшую монастырскую коврижку и выпить горячего чая.

Милые юноши и девушки в русских национальных костюмах предлагали отведать пирожка из большой корзины, причем пирожки стоили ровно столько, сколько вам не жалко было за них заплатить. Вырученные средства пойдут на помощь клинскому дому-интернату для детей-инвалидов и престарелых. Традиция Елисаветинских базаров еще только возрождается. Впервые такие базары прошли в 1895 году на Рождество и Пасху. Их учредителем и организатором была известная благотворительница - супруга генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, Елисавета Федоровна. Теперь эти базары будут ежегодными.

Так что, если вы еще не решили, куда вам поехать на новогодние праздники, не раздумывайте, приезжайте в Москву. Вы получите море удовольствия, целый мешок хорошего настроения и ощущение сказки в придачу!

Анна Народицкая

Год Козы – Овцы

Бой курантов слышен всюду,
И бокалов перезвон.
Я скрывать от вас не буду -
Год Лошадки обречён.

Раз коняшка вдаль ускорит,
То придёт на смену ей
Год Овцы. А это значит -
Никаких теперь коней!

Год Овцы? Козы, быть может?
Как ни сложатся дела –
Гороскоп всем нам поможет!
Лишь бы не был год *Козла*!

Год не прост, ведь он рогатый,
И, как водится, упрям!
Чтобы стали все богаты,
Потрудиться нужно нам.

Запастись терпением важно,
Чтобы счастье приманить.
Можно всё менять отважно,
Но себе не изменить!

В пылких ссорах, если нужно,
И овечкой стать резон.
Жить куда приятней дружно
Круглый год, в любой сезон!

Рис. автора

Утончённость, деликатность
Очень свойственны для коз.
В отношениях приватность -
Тонкий, трепетный вопрос.

Чтобы жизнь стала лучше,
Будем чествовать любовь!
Мир в сердцах, порядок в душах
Новый год подарит вновь!

Вдохновлённую надеждой
Год Козы придёт в дома!
И овчинкой белоснежной
Всё окутает зима!

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2014